

ОТЪ
КИТАЯ ДО МОСКВЫ.

ИСТОРИЯ ЯЩИКА ЧАЮ.

О Ч Е Р К И
Д. И. СТАХЪЕВА

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, } МОСКВА,
Гостинный Дворъ, №№ 18, 19 и 20. } Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1870.

Отъ Китая до Москвы

исторія ящика чаю

I

Каждому изъ читателей болѣе или менѣе извѣстно, что чайное растеніе есть самое замѣчательное произведеніе въ прозябаемомъ царствѣ южнаго Китая: листь этого растенія, подъ названіемъ чая, составляетъ въ торговлѣ самую важную статью китайской отправки за границу. Но я увѣренъ, что большая часть публики не имѣетъ опредѣленнаго понятія о томъ, какъ разводится, готовится и въ какомъ видѣ поступаетъ въ продажу чай, а потому, прежде чѣмъ начать свои очерки чайной торговли, я считаю необходимымъ коснуться этихъ подробностей, прося тѣхъ, кому онѣ знакомы, пропустить первую главу, и начать чтеніе со второй.

По свойствамъ и качествамъ почвы, чай имѣетъ неодинаковую доброту и болѣе всего по своей добротѣ, нежели по своему образованію, дѣлится на многіе виды. Нужно замѣтить, что лучшіе сорта чая готовятся въ весьма незначительномъ количествѣ и встрѣчаются довольно рѣдко, такъ что даже качественныя ихъ названія въ китайскомъ народѣ мало извѣстны. Изъ климатическаго обзора чайныхъ усадьбъ въ Китаѣ, можно замѣтить, что чайный кустарникъ разводится между 24° и 31°, а чайное дерево само собою растетъ между 23° и 24° сѣверной широты¹.

Чайныя сѣмена для посадки собираются уже созрѣлыми; собираютъ ихъ обыкновенно въ сентябрьской лунѣ. Собранныя сѣмена высушиваютъ на солнцѣ и, потомъ перемѣшавъ ихъ съ мокрымъ пескомъ, высыпаютъ въ корзины и покрываютъ соломой для предохраненія отъ мороза. Тѣ сѣмена, которыя хотя отчасти пострадаютъ отъ мороза, не даютъ ростковъ и оставляются безъ всякаго употребленія. Въ половинѣ мартовской луны сѣмена, сохранившіяся отъ вліянія холода, садятъ въ тѣнистомъ мѣстѣ подъ туловыми или бамбуковыми деревьями, потому что чайное растеніе боится солнечнаго жара. Для посадки чайныхъ сѣмянъ выкапываютъ круглыя ямки, въ двухъ футахъ одна отъ другой, и землю въ нихъ перемѣшиваютъ съ черноземомъ; ямка должна имѣть не болѣе двухъ футовъ въ окружности и одного фута глубины; въ каждую изъ такихъ ямокъ садятъ отъ шестидесяти до семидесяти сѣмячекъ, и засыпаютъ землей, толщиною на одинъ дюймъ, не болѣе. Поливка этихъ посаженныхъ сѣмянъ во время засухи производится

¹ Исключая губерніи Юнь-нань, во всѣхъ другихъ губерніяхъ чай собирается съ древеснаго растенія, имѣющаго отъ одного до двухъ футовъ вышины; въ губерніи Юнь-нань, напротивъ, чай собирается съ дерева, которое толщиною бываетъ въ два обхвата, а въ высоту имѣетъ нѣсколько десятковъ футовъ. Такъ какъ этотъ чай собирается въ области Пху-эр-фу, то и носитъ общее названіе: пху-эр-ча-а, въ Кяхтѣ и вообще въ русской торговлѣ извѣстенъ подъ именемъ „Пурча“.

весьма осторожно и только такою водой, въ которой предварительно нѣсколько разъ промывался рисъ. Дикую траву, вырастающую на ямкахъ, въ первые два года не выдергиваютъ и только на третій годъ начинаютъ осторожно пропалывать (очищать отъ дикой травы) ямки и окучивать корни чайнаго растенія землею; эту землю предварительно смачиваютъ уриною и перемѣшиваютъ съ пометомъ шелковичныхъ червей, но эта примѣсь дѣлается въ незначительномъ количествѣ, чтобъ не повредить молодымъ корешкамъ.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ чайное растеніе на столько развивается, что на четвертый годъ съ него можно уже собирать чай. Вообще же говоря, для посадки чайнаго растенія выбираютъ тучные горные склоны, на которыхъ не могла бы задерживаться вода, но если иногда (впрочемъ въ рѣдкихъ случаяхъ) случается садить чайное растеніе на ровномъ мѣстѣ, то по обѣимъ сторонамъ ряда ямокъ проводятъ глубокія борозды для того, чтобы вода могла свободно стекать. Если вода въ излишесгвѣ просочится до корня чайнаго растенія, то ему грозитъ неминуемая гибель. Склоны для чайныхъ усадебъ должны быть обращены преимущественно къ югу; тѣже изъ склоновъ, которые находятся на сѣверной сторонѣ горъ, для разведенія чайнаго растенія положительно неудобны: потому на одной и тойже горѣ можетъ быть всегда большое различіе въ мѣстахъ, и стоимость этихъ мѣсгъ, смотря по ихъ положенію, бываетъ тоже весьма различна.

Между чайными кустами, какъ это всегда водится, разсаживаютъ различныя деревья, какъ- то: кедръ, бамбукъ, *olea fragrans*, *prunus armeniaca*, *magnolia julan*. Эти деревья достаточны для того, чтобы прикрывать чайное растеніе отъ инея и снѣга и защищать отъ солнечнаго зноя; иногда случаетея, что подлѣ чайнаго растенія садятъ различныя пахучіе цвѣты, это нисколько не вредитъ чайному растенію; но оно не терпитъ близъ себя огородныхъ овощей, потому что гряды для этихъ овощей всегда бываютъ достаточно глубоки, и такъ какъ онѣ вмѣсто поливанія просто наполняются водой, то она, просачиваясь въ почвѣ далеко въ стороны, весьма легко можетъ повредить чайному растенію.

Сборъ чая или ощипка чайнаго растенія производится иногда въ половинѣ мартовской, а по большей части въ началѣ апрѣльской луны; иногда случаетея, что эту ощипку отсрочиваютъ дня на два, на три, для того чтобы дать время чайному листку войти въ большую силу, ибо онъ черезъ это пріобрѣтаетъ значительно больше пахучести и дѣлается прочнѣе къ сбереженію; такъ какъ листокъ на молодыхъ вѣточкахъ бываетъ весьма мягокъ, то и нѣтъ никакой опасности, если онъ нѣсколько и перерастаетъ, тогда какъ это замедленіе или отсрочиваніе сбора чая на старыхъ деревьяхъ можетъ дурно отозваться на достоинствѣ чая.

Чай можно собирать съ деревьевъ только на разсвѣтѣ дня, а съ солнечнымъ восходомъ работа непременно прекращается. Собираютъ его слѣдующимъ

образомъ: сощипываютъ росточки ногтемъ, чтобы пальцами не помять ихъ, и немедленно бросаютъ каждый росточекъ въ чистую воду; это дѣлается для того, чтобы чай отъ прикосновенія къ нему руками не потерялъ чистоты и свѣжести; впрочемъ, такая предосторожность строго исполняется только при сборѣ лучшихъ сортовъ чая; при сборѣ же обыкновенныхъ сортовъ, хотя листочки точно такъ же погружаются въ воду, но съ меньшей предосторожностью. Первые росточки и первые развернувшіеся листочки составляютъ отборный чай; листочки съ тѣхъ же кустовъ, но выросшіе уже послѣ сбора, не имѣютъ того достоинства какъ первые и въ торговлѣ цѣнятся ниже; они извѣстны подъ названіемъ: «чай втораго сбора». Бываетъ съ одного и того же дерева и третій сборъ чая, который и по достоинству, и по цѣнѣ ниже двухъ первыхъ.

Затѣмъ, послѣ сбора чая, слѣдуетъ его приготовленіе. Прежде чѣмъ я получилъ эти свѣдѣнія отъ майматчинскаго китайца, я воображалъ, да, полагаю, и многіе изъ читателей моихъ тоже до сихъ поръ думали, что чай, который мы пьемъ, просто-за-просто собирается съ дерева и высушенный поступаетъ въ продажу; но въ дѣйствительности оказывается нѣчто другое. Я долженъ сказать, что не вполне довѣрялъ рассказамъ моего товарища китайца, потому что они вообще любятъ другой разъ приврать, и потому, прежде чѣмъ приступить къ своему описанію, повѣрилъ все слышанное съ описаніемъ чайнаго растенія и сбора его, сдѣланнымъ монахомъ Іакинфомъ Бичуринымъ. (Статистическое описаніе Китайской имперіи. Часть 2), и удостовѣрился въ справедливости сообщенныхъ китайцемъ свѣдѣній. Оказывается, что чай не просто снимается съ дерева и высушенный поступаетъ въ продажу, а готовится слѣдующимъ способомъ.

Чайный листъ при снятіи съ дерева не имѣетъ большой пахучести, а достигаютъ этого тѣмъ, что выпариваютъ чайные листья въ чугунныхъ котелкахъ. Извѣстно, что чайные листья не могутъ выдерживать большаго огня, потому ихъ и выпариваютъ очень долго и съ большою осторожностію; нельзя въ котелокъ накладывать большое количество чайныхъ листьевъ, потому что тогда будетъ трудно размѣшивать ихъ ровно; точно также и держать въ котелкѣ ихъ нужно только извѣстное время, и если продержатъ хотя на нѣсколько минутъ, болѣе чѣмъ слѣдуетъ, то отъ излишняго разгоряченія чай можетъ потерять всякую пахучесть и будетъ негоденъ къ употребленію. Котелокъ для выпариванія чая долженъ быть (по крайней мѣрѣ такъ всегда употребляется) чугунный, выполированный и бывший хотя нѣкоторое время въ употребленіи. Отъ новаго недержаннаго котелка чай можетъ принять его запахъ и потерять свой ароматъ, а потому и принято, чтобы котелки, назначенные для выпариванія чая, до того времени болѣе ни на что не употреблялись, какъ только для согрѣванія чистой воды.

Огонь для выпариванія чая разводится древесными прутиками, а листь или самый пенъ дерева для этого никогда не употребляется, ибо отъ полѣньевъ огонь бываетъ силенъ, а отъ листьевъ скоро вспыхиваетъ и загасаетъ вдругъ, тогда какъ для выпариванія чайныхъ листьевъ огонь долженъ быть медленный, ровный, тихій. Выпариваніе чая производится тотчасъ же, какъ только чай снимается съ кустарника, и въ котелокъ кладутъ его отъ четырехъ до восьми ланъ, смотря по размѣру котелка. (Ланъ имѣетъ около восьми съ половиною золотниковъ: въ русскомъ фунтѣ одиннадцать ланъ.) Сначала употребляютъ весьма слабый огонь, потомъ постепенно и осторожно его усиливаютъ, и во все время выпариванія чайныхъ листьевъ непрерывно и очень быстро перемѣшиваютъ ихъ палочкой. Эта работа выпариванія чая прекращается въ ту минугу, какъ только онъ начнетъ издавать пахучій запахъ, а до того времени чайные листья почти не имѣютъ ровно никакого запаха. Такимъ образомъ готовится чай черный, извѣстный у насъ въ торговлѣ подъ названіемъ чая байховаго.

Совершенно иначе дѣлается приготовленіе зеленого чаю.

При ошипываніи съ дерева листьевъ отдѣляютъ отвердѣвшія вѣтки и устарѣвшіе листья, а отбираютъ исключительно только одни молодые листочки и ошипываютъ отъ нихъ вершинки и стебельки, потому что отъ стебельковъ и вершинокъ листья зеленого чаю пригораютъ. Во все продолженіе того времени, пока выпаривается зеленый чай, одинъ человекъ отмахиваетъ отъ котелка вѣромъ горячій паръ; если не дѣлать этого, то чай очень легко можетъ пожелтѣть и совершенно потерять свой ароматъ и вкусъ. По окончаніи выпариванья высыпаютъ чай изъ котелковъ на лотки, но преимущественно на фарфоровыя блюда, и разстилаютъ его тонкимъ слоемъ и въ это время точно также вѣромъ очень быстро отмахиваютъ отъ листьевъ горячій паръ. Пока еще чай бываетъ влаженъ, руками перемѣшиваютъ его, отчего листочки нѣсколько свертываются, и послѣ этого полусвернувшіеся листочки снова всыпаютъ въ котелки и подсушиваютъ на легкомъ огнѣ; потомъ чай вынимаютъ и складываютъ въ ящики на сбереженіе.

Не всѣ чаи имѣютъ присущій имъ ароматъ: многіе сорта и, за малыми исключеніями, почти всѣ чаи пріобрѣтаютъ ароматъ искусственно. Это дѣлается слѣдующимъ способомъ.

Обработанный чай надушается пахучими цвѣтами разныхъ деревьевъ, и преимущественно для этого употребляются: жасмины, роза *centifolia*, дерево померанцовое, *camelia*, мушкатная роза. (по-китайски: му-сянъ), *prunus armeniaca*. На три части чая берутъ одну часть цвѣтовъ и эти цвѣты вмѣстѣ съ чаемъ укладываютъ въ кувшинъ, слоями, попеременно, слой чая, слой цвѣтовъ и т. д. Когда кувшинъ наполнится, то его плотно завязываютъ бумагой, закупориваютъ и ставятъ въ котелъ съ водой; котелъ этотъ, имѣя въ себѣ

означенный кувшинъ, ставится на огонь. Черезъ известное количество времени, необходимое для кипѣнія воды, кувшинъ изъ котла вынимаютъ и даютъ ему остынуть. Когда вынутый изъ котла кувшинъ совершенно остынетъ, то его раскупориваютъ и отдѣляютъ цвѣты отъ чая, а чай, получившій уже запахъ цвѣтовъ, завертываютъ въ бумагу и подсушиваютъ надъ огнемъ. Лучшій чай, который, повторяю, намъ рѣдко случается видѣть, не терпитъ пахучихъ цвѣтовъ: онъ, напротивъ, можетъ портиться отъ нихъ.

Теперь, по возможности познакомившись съ чайнымъ растеніемъ и съ приготовленіемъ чая, будемъ слѣдовать далѣе.

II

Укупорка чая. — Фактуры. — Путь чая до Маймачина — Китайскія пошлины. — Пробы чая. — Продажа русскимъ. — Честность китайцевъ. — Причины ихъ честности. — Послѣдствія тяньдзинскаго трактата. — Наши купцы въ Хонькоу. — Мнѣніе о нихъ иностранцевъ. — Классъ совошниковъ. — Чай въ таможенѣ. — Ширельная артель.

Чай, поступающій въ продажу, кигайцы закупориваютъ въ камышевые ящики. Они плотно, съ помощью рукъ и ногъ и деревянныхъ чурбановъ, набиваютъ въ ящики чай; внутреннія стѣнки этихъ ящиковъ обкладываются въ нѣсколько рядовъ мягкой желтоватой бумагой, бамбуковыми листьями и досками. Наполнивъ ящикъ, на сколько возможно плотно, то-есть до извѣстнаго вѣса (отъ 85 до 100 фунговъ), китайцы кладутъ на верхъ чая фактуру своей фирмы и, заложивъ снова въ нѣсколько рядовъ бумагу и бамбуковые листья, заплетаютъ на ящикъ камышъ. Вотъ и вся китайская укупорка.

Нужно сказать, что высшіе сорта чая сначала всыпаются въ тонкіе свинцовые ящики, а потомъ уже укладываются въ камышевые, обложенные внутри, какъ сказано выше, бумагой и листьями бамбука. Нѣкоторые изъ высокихъ сортовъ чая, кромѣ того, укладываются въ деревянные, болѣе или менѣе роскошные ящики; иногда такихъ ящиковъ въ камышевую укупорку входитъ до сорока-восьми; вообще же говоря, тѣ роскошные ящики, которые намъ нерѣдко случается видѣть въ чайныхъ магазинахъ, дѣлаются у насъ въ Европѣ, хотя и продаются за китайскіе.

Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о чайныхъ фактурахъ.

Китайцы, торговавшіе на Кяхтѣ и имѣвшіе складъ чаевъ въ г. Маймачинѣ, всегда предпочитали имѣть въ ящикахъ фактуры, написанныя на русскомъ языкѣ. Вѣроятно, это предпочтеніе имѣло начало отъ русскихъ же чайныхъ торговцевъ, потому что и внутри Россіи, на сколько мнѣ помнится, русская фактура тоже предпочиталась китайской. Поэтому китайцы всегда очень хлопотали о заблаговременномъ приготовленіи копии для фактуры, съ которой потомъ, въ Китаѣ, туземные художники вырѣзывали на деревѣ. Сочиненіемъ фактуръ для китайцевъ занимались въ Кяхтѣ купеческіе прикащики, и сочиняли имъ нерѣдко такую ерунду, что китайцы готовы были выцарапать за это глаза, когда, въ послѣдствіи, при полученіи партіи чая, узнавали, что въ фактурѣ, вмѣсто похвалы чаю, написано Богъ-знаетъ что. Встрѣчаются иногда и до сей поры фактуры, написанныя стихами: это труды кяхтинскихъ поэтовъ, отлитографированные китайскими рѣзчиками и распространяемые по свѣту

въ чайныхъ ящикахъ. Теперь еще встрѣчается въ продажѣ чай, въ фактурѣ котораго значится, что этотъ чай отправленъ: «изъ фузы Лозана-Ососка». Ососкомъ, какъ извѣстно, въ Сибири называютъ поросятъ, и такимъ образомъ, главный пайщикъ китайской фузы Лозанъ величаетъ себя въ своей фактурѣ поросенкомъ. Это прозвище, написанное въ фактурѣ безъ его вѣдома, сначала его очень печалило, а теперь такъ привилось къ чаю его фирмы, что и сами китайцы называютъ его серьезно этимъ шутивнымъ прозвищемъ, да и во всѣхъ публикаціяхъ нашихъ чайныхъ магазиновъ названіе «Ососка» получило право гражданства.

Для отправки въ Кяхту, чай въ Китаѣ не зашиваютъ въ кожи, а обвертываютъ только въ войлоки, сдѣланные изъ бараньей или верблюжьей шерсти; въ такомъ видѣ ящикъ чая наваливается на горбатую спину верблюда и колыхается на ней до г. Маймачина, то-есть проходитъ отъ южнаго Китая до Монголіи, потомъ чрезъ всю Монголію по ея безконечной Гобійской степи и, наконецъ, добирается до русской границы, до г. Маймачина. Перевозка чая на верблюдахъ сопряжена у китайцевъ съ большими хлопотами, не говоря уже про то, что на спину верблюда можно класть только отъ двухъ до четырехъ ящиковъ, слѣдовательно, для порядочной партіи нужно набирать по пятисотъ и по тысячѣ верблюдовъ; но, кромѣ этого, есть еще и другое весьма важное неудобство, которое встрѣчается всего чаще въ зимніе мѣсяцы: случается, что, во время пути по Монголіи, на долю верблюдовъ выпадаетъ порядочный снѣгъ, иногда въ четверть глубиною; бѣдное животное, терпѣливо выносящее зной, жажду и голодъ, съ трудомъ переноситъ путешествіе по снѣгу и часто заболѣваетъ ногами. Бываютъ случаи отправки чая на срокъ и, вмѣсто срока, партія доходитъ до мѣста мѣсяца черезъ три по истеченіи его: доставщики монголы плачутъ, отсчитывая хозяину чая неизбежную неустойку, и случается порой, что тотъ же монголъ, который платитъ неустойку, потерялъ во время пути всѣхъ своихъ верблюдовъ, которые погибли отъ болѣзни ногъ, долго бродившихъ по глубокому снѣгу.

Чай, во время пути по Китайской имперіи, не оставляется правительствомъ, или, вѣрнѣе сказать, китайскими чиновниками бсзъ надлежащаго попеченія: съ него берутъ пошлину при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Какъ китайскіе купцы, такъ и ихъ правительство знаютъ о томъ, что пошлина съ чая собирается безъ всякаго порядка или системы: съ одного и того же чая иногда берутъ двойную пошлину, иногда половинную, смотря по расположенію духа начальника и по тому, въ какомъ состояніи паходится его касса. Такая зависимость отъ личности взимающаго чайныя пошлины имѣетъ свои причины въ томъ, что, по китайскимъ законамъ, каждая таможня должна ежегодно представить опредѣленную сумму, а если, по какимъ бы то ни было случаямъ, сборъ пошлинъ окажется недостаточнымъ, то директоръ таможни

долженъ пополнить ее своими деньгами; если же онъ не имѣетъ средствъ для уплаты недостающаго количества денегъ, то отвѣчаетъ своею личностью; впрочемъ, такіе случаи весьма рѣдки, потому что каждый китайскій начальникъ, въ первый же мѣсяцъ своего вступленія въ какую бы то ни было должность, старается сначала обезпечить себя на всякій случай, чтобы было чѣмъ въ черный день расплачиваться. Этотъ порядокъ хорошо извѣстенъ китайскимъ купцамъ и они, слышавъ о приѣздѣ новаго начальника, уже заранѣе готовятъ деньги. Обыкновенно водится такъ, что каждый начальникъ служитъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ не болѣе трехъ лѣтъ и затѣмъ уступаетъ свое мѣсто другому; слѣдовательно, китайскому купцу, въ каждые три года нужно заготовлять извѣстный подарокъ, сверхъ обыкновенныхъ взятокъ. Трехлѣтняя служба китайскихъ начальниковъ необходима будто бы для того, чтобы начальникъ не сдѣлался очень близокъ съ населеніемъ и не сталъ бы въ угоду ему нарушать законы, а потому, будто бы, его и переводятъ въ другое мѣсто. Въ дѣйствительности же оказывается, что это дѣлается потому, что тѣ лица, которыя даютъ мѣсто, получаютъ за нихъ большія деньги, слѣдовательно, чѣмъ чаще мѣняютъ начальниковъ, тѣмъ больше дохода.

И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ порядковъ, чайному каравану во время пути приходится иной разъ очень дорого расплачиваться; всякій деретъ, сколько хочетъ и сколько сможетъ; купцы, владѣтели чая, обыкновенно разыгрываютъ при этомъ слезливыя комедіи и низко кланяются своимъ начальникамъ, прося уступки...

Окончивъ свой многотрудный и медленный путь, ящикъ чаю, наконецъ, доплываетъ на спинѣ «корабля пустыни» до г. Урги (въ Монголіи, въ трехстахъ верстахъ отъ Кяхты). Здѣсь китаецъ въ послѣдній разъ кланяется своимъ начальникамъ, если только не считать тѣ поклоны, которые щедро отдаются въ Маймачинѣ, начальнику этого города, Дзаргучею; но эти поклоны уже, такъ-сказать, домашніе, хотя Дзаргучей одинаково беретъ пошлину съ чая съ другими начальниками.

Отъ Урги до Маймачина чайный караванъ проходитъ не болѣе недѣли.

Въ Маймачинѣ встрѣчаютъ караванъ съ должнымъ вниманіемъ. Главный пайщикъ фузы, до того времени дремавшій день и ночь на нарахъ, съ трубкой табаку въ зубахъ, слышавъ вѣсть о приближеніи каравана, стряхиваетъ съ себя дремоту и, не смотря на свою важность и тучность, часто выѣзжаетъ на встрѣчу каравану, чтобы узнать все ли благополучно. Эта заботливость апатичнаго и соннаго хозяина фузы происходитъ оттого, что въ Китаѣ, какъ извѣстно, не существуетъ правильнаго почтоваго сообщенія (о телеграфахъ и говорить нечего) и свѣдѣнія о путешествіи каравана получаютъ только съ нарочными гонцами.

Наконецъ чай снятьъ со спины верблюда. Бережно снимаютъ съ ящика запыленную и истертую во время пути войлочную покрывку, и переносятъ камышевые ящики въ пакгаузы Маймачина.

Въ Маймачинѣ въ первый разъ нарушается неприкосновенность ящика, въ первый разъ, въ цѣлые до того времени его углы китайцы забиваютъ маленькіе деревянные совочки и вытаскиваютъ на нихъ изъ ящика чай, удостовѣряясь въ его достоинствѣ или испорченности. Такая проба чая, у всѣхъ торгующихъ имъ, а въ особенности у насъ русскихъ (какъ это мы увидимъ ниже), исполняется съ великимъ удовольствіемъ, потому что всецѣло осуществляетъ собою извѣстную пословицу о ниткахъ, собираемыхъ съ міру на рубашку. Такъ какъ партія чаю бываетъ иногда въ пять и десять тысячъ ящичковъ, то изъ четвертей и полуфунтовъ, вынутыхъ отдѣльно изъ угловъ cadaго ящика, составляется въ общемъ числѣ значительное количество пудовъ чаю. Китайцы, въ этомъ случаѣ, весьма скромны и у нихъ отъ пробы чая получается незначительная выгода; они чрезвычайно осторожно обращаются съ камышевыми ящиками, боясь чтобы изъ нихъ не просыпалась на землю хотя малѣйшая крошка чаю. Въ нашей чайной торговлѣ — совершенно наоборотъ.

У насъ процессъ пробы чая имѣетъ въ торговлѣ два названія, а именно: «ходить на совокъ» и «доить». Первое названіе имѣетъ значеніе официальное, законное; второе — секретное, незаконное, воровское. Ходить на совокъ въ чайные ящики самъ советвенникъ чая, его комиссіонеръ, доставщикъ, принявшій обязательство доставить чай до Москвы или до другаго какаго-либо города. Траты на эту пробу чая, по существующему обычаю, полагаются отъ cadaго ящика по полуфунту и никакъ не болѣе фунта. Чай, добытый такимъ путемъ, смотря по условію, или отдается собственнику чая, или въ пользу его комиссіонера, довѣреннаго, доставщика или прикащиковъ. Это зависитъ отъ воли хозяина и отъ его условій съ означенными лицами.

Другое дѣло — доеніе чая. Доить чайные ящики, то есть выгружаетъ изъ нихъ чай тайно, крадучись, хозяйскій прикащикъ, плутоватый извощикъ, совошникъ, прикащикъ доставщика и т. д. При этой тайной работѣ уже не разбирается, сколько вынуть изъ cadaго ящика, а какъ придется, много ли, мало ли, лишь бы выдоить и отправить тайно добытое изъ кяхтинскаго гостинаго двора контрабанднымъ путемъ.

Китайцы, осматрѣвъ достоинство чая, берутъ отъ cadaго сорта по одному ящичку, разрѣзываютъ на немъ верхнюю крышку и вынимаютъ изъ середины ящика по фунту чаю, который и уносятъ въ торговую слободу Кяхту, какъ образцы для продажи. Эти образцы, завернутые въ китайскую бумагу, называются «бакча». Кяхтинскій купецъ, по большей части комиссіонеръ, рѣдко ходитъ самъ въ китайскіе фузы для покупки чая; это вообще не принято,

на томъ основаніи, что китайцы могутъ подумать о крайней необходимости русскихъ, нуждающихся въ приобрѣтеніи чая. Поэтому искони водилось и водится, что китайцы первые являются съ предложеніемъ чая и показываютъ свои «бакчи».

— Нова чай пришла, пліятеръ, посмотри... Хылошанки чай! — предлагаетъ китаецъ и нахваливаетъ чай.

Купецъ считаетъ за нужное поломаться и нѣкоторое время отказывается отъ покупки чая, говоря, что чай ему не особенно нуженъ и проч., тогда какъ въ дѣйствительности купецъ давно ждалъ прихода чайнаго каравана. послѣ нѣсколькихъ отказовъ съ одной стороны и предложеній съ другой, начинается осмотръ чая: нюхаютъ его, пьютъ, опять нюхаютъ, опять пьютъ и торгуются.

И по этой «бакчѣ», имѣющей не болѣе фунта вѣсу, рѣшается иногда дѣло тысячи на двѣ ящиковъ чаю, то-есть пожалуй тысячъ на двѣсти рублей серебромъ! Обмановъ со стороны китайцевъ въ этомъ случаѣ почти никогда не бывало, не потому, чтобы китайцы были ужъ очень честны, но собственно потому, что открытіе обмана или вообще споръ между китайцемъ и русскимъ неизбѣжно приводитъ къ вмѣшательству въ это дѣло властей, а власти китайскія ждутъ, какъ свѣтлаго праздника, какого-нибудь спора между торгующими, потому что тогда представляется случай притянуть китайца къ суду и сорвать съ него взятку.

По заключеніи торга, чай изъ Маймачина перевозится въ кяхтинскій гостиный дворъ, изъ котораго въ обмѣнъ вывозятся въ Маймачинъ товары, серебро и золото. Теперь обмѣнъ товаровъ, золота и серебра дѣлается открыто и, слѣдовательно, заключеніе торга не представляетъ никакой трудности, но до 1860 года золото и серебро привозились въ Кяхту тайными путями. Обо всемъ этомъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, а теперь считаемъ необходимымъ замѣтить, что описываемъ прошлое, отъ котораго теперь остается пожалуй чуть ли ни одно воспоминаніе. Кяхта, этотъ знаменитый пунктъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Китаемъ, годъ отъ году пустѣетъ, вскорѣ Кяхта сдѣлается ничтожнымъ городишкомъ. Теперь осталось въ сосѣднемъ городѣ Маймачинѣ только до десяти торговыхъ фузъ, тогда какъ въ былое время, въ пятидесятыхъ годахъ, ихъ было до ста и даже болѣе. Если будетъ въ состояніи держаться наша сухопутная торговля, если она съумѣетъ конкурировать съ чаями, привозимыми кругомъ свѣта, то во всякомъ случаѣ ни Кяхта, ни Маймачинъ отъ этого оживиться не могутъ, потому что со времени тяньдзинскаго договора разбились на всегда ворота, преграждавшія намъ путь въ Китай. Уничтоженіе фарфоровой башни дало право всѣмъ европейцамъ ѣздить по Китаю во всѣ четыре стороны и торговать чѣмъ угодно, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями, которыхъ мы, русскіе, не съумѣли отвратить. Я говорю объ одной статьѣ нашего трактата, по которой

наши купцы не имѣютъ права торговать въ Калганѣ неограниченно, а могутъ продавать только часть своихъ товаровъ, послѣ чего китайцы имѣютъ право выслать ихъ изъ города, — дескать, довольно, — убирайтесь дальше...

Но не смотря на всѣ китайскія хитрости и тонкости, европейцы съ каждымъ днемъ приобрѣтаютъ все болѣе и болѣе значенія въ Китаѣ. О Шанхаѣ и говорить нечего; но немного прошло времени послѣ заключенія тяньдзинскаго договора, какъ по Янциндзяну уже начали ходить великолѣпно устроенные пароходы, а въ Тяньдзинѣ существуютъ сотни торговыхъ домовъ, европейскіе театры, на улицахъ слышится военная музыка, двигаются колонны англійскихъ солдатъ, — англійскій городъ да и только! Въ Ханькоу то же самое.

Но пора намъ отправиться въ кяхтинскій гостиный дворъ посмотрѣть, какъ «ходятъ чай на совокъ».

Если вы, читатель, не имѣли удовольствія видѣть чайный русскій совокъ, то представьте себѣ нѣчто похожее на желѣзный ломъ, которымъ съ размаху можно убить по лбу быка, — это будетъ русскій чайный совокъ; въ концѣ этого лома-совка сдѣлано углубленіе. Такимъ-то нѣжнымъ орудіемъ, имѣющимъ разъ въ пять большіе размѣры, чѣмъ деревянный китайскій совокъ, ящикъ прободается со всѣхъ четырехъ сторонъ, и чрезъ углубленіе, сдѣланное на концѣ совка, вынимается чай. При хожденіи на совокъ, по полу пакгауза разбрасывается такъ много чаю, что полъ дѣлается совсѣмъ незамѣтнымъ; рабочіе, совошники, извошники и всякій людъ, видящій во очію горы разсыпаннаго чаю, спѣшатъ и явно и тайно воспользоваться китайской травкой. Совошники, т. е. тѣ лица, которыя спеціально занимаются ломаніемъ чайныхъ угловъ и «хожденіемъ на совокъ», отъ постоянной, каждодневной практики изошрились въ этомъ дѣлѣ до замѣчательной ловкости: трехпудовый ящикъ чаю въ ихъ рукахъ повертывается точно мячикъ, и не успѣешь оглянуться, какъ двое совошниковъ вынутъ изъ всѣхъ угловъ чаю по нѣскольку совокъ; точно такъ же нѣкоторые изъ нихъ изошрились въ припрятываніи чая въ свои карманы; другой недогадливый прикащикъ-новичекъ и не воображаетъ, что вокругъ него происходитъ, смотритъ, — все, какъ будто, дѣлается обыкновеннымъ порядкомъ, а между тѣмъ сопошники успѣли уже набить свои карманы чаемъ до верху.

Если иной разъ и откроется, что совошники нагрузили свои карманы чаемъ безъ дозволенія прикащика, то на это вообще какъ-то смотрѣли сквозь пальцы, — кто, молъ, Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ. Совошники никогда не составляли правильно организованной артели, какъ напимѣръ ширельщики (о нихъ будемъ говорить ниже), напротивъ, они всегда раздѣлялись на отдѣльныя партіи человекъ по двадцати, и хотя одинаково платили въ доходъ города извѣстную сумму, но работали независимо одна

партія отъ другой. Составлялись эти партіи совошниковъ преимущественно изъ мѣщанъ города Троицкосавска, но между ними можно было встрѣтить людей всевозможныхъ сословій. Прошедшее каждаго изъ совошниковъ всегда почти грустное, порой не совсѣмъ чистое, порой темноватое и по большей части безтолковое: жилъ человѣкъ, не заглядывая дальше своего носа, держался крѣпко пословицы, что «Богъ дастъ день, — Богъ дастъ и пищу», и эта пословица прямехонько привела къ тому, что въ одинъ прекрасный день распустившійся, беззаботный человѣкъ увидѣлъ, что грядущій день, какъ и день прошедшій, пищи даромъ не даетъ: все, что было — прожито и пословица оказывается несостоятельной, несмотря на то, что выражаетъ собою народную мудрость. Отправляется такой человѣкъ искать себѣ работы, работы нетрудной, и легче совошнаго ремесла не находитъ. Идетъ въ эту работу мѣщанинъ, не имѣющій ни кола, ни двора, иной разъ и прикащикъ, потерявшій возможность быть прикащикомъ; встрѣчается между совошниками и отставной солдатъ, Богъ-знаетъ какими невѣдомыми путями и коловратностями судьбы занесенный на китайскую границу; есть между ними старики. Иногда и безродный мальчишка-сирота принимается изъ сожалѣнія въ число совошниковъ и колотится между ними въ качествѣ дворняшки, которой нѣтъ-нѣтъ да и бросятъ корку хлѣба. Всякаго народу тутъ много, и глядя на этотъ разнокласный и разнохарактерный людъ, иной впечатлительный человѣкъ можетъ надолго задуматься...

Нѣкоторые изъ совошниковъ склонны къ незаконному приобрѣтенію чая, и свой костюмъ принаравливаютъ такъ, чтобы было удобнѣе скрывать въ немъ чай: прорѣзываютъ у своихъ панталонъ на карманахъ дыры, носятъ большіе сапоги съ широкими голенищами и т. д. Поднося изъ совка къ носу прикащика чай, эти господа такъ ловко умѣютъ опустить руку съ горстью чаю въ свой разрѣзанный карманъ, что замѣтить этотъ маневръ не всегда удается и опытному прикащику. Чай изъ дыряваго кармана высыпается въ сапогъ и, мало-помалу накопляясь, доставляетъ впослѣдствіи ловкому человѣку возможность задать хорошую выпивку. Случается, что прикащикъ откроетъ мошенничество, и тогда сами же собраты поповшагося воришки зададутъ ему трепку за то, что плохо воруетъ, не умѣетъ хоронить концовъ, — тѣмъ и оканчивается наказаніе. Случается, впрочемъ, и такъ, что выгоняютъ такого господина изъ партіи совошниковъ, — онъ переходитъ въ другую партію, и если ему не посчастливится, то ищетъ другого заработка. И спускается человѣкъ степенью ниже: дѣлается рабочимъ при возкѣ чая, таскаетъ на своей спинѣ чайные ящики и перебивается изодня въ день, пока не удастся пристроиться куда-нибудь на болѣе легкую работу, или покончить свое земное странствіе.

Всѣ совошники, и дурные и хорошіе, и старые и молодые, проносятъ и провозятъ контрабанду, начиная отъ трехъ, пяти фунтовъ до пуда и до цѣлаго ящика; этотъ чай перепродаютъ они по мелочи или гуртомъ мелкимъ торговцамъ въ г. Троицкосавскѣ. Все добытое законными и незаконными путями расходуется такъ же безтолково, какъ и пріобрѣтается, и въ концѣ концовъ, каждый совошникъ (за малыми исключеніями) оканчиваетъ свою жизнь въ бѣдности.

Израненный желѣзными совками, камышевый ящикъ, съ затыканными китайской бумагой ранами, отправляется изъ кяхтинскаго гостинаго двора въ троицкосавскую таможеню, отстоящую отъ Кяхты на четыре версты. (Наше описаніе относится къ 1860 году. Теперь таможня переведена изъ Троицкосавска въ Иркутскъ — 500 верстъ разстоянія. Теперь чай изъ кяхтинскаго гостинаго двора отправляется въ иркутскую таможеню, зашитый въ скотскія кожи.)

Въ троицкосавскую таможеню вся партія чая впускается счетомъ, чай свидѣтельствуется таможеннымъ начальствомъ, и это производится слѣдующимъ образомъ. Отъ каждой фамиліи чая, названіе которой надписано китайскими знаками на наружной сторонѣ камышеваго ящика, выбирается по нѣскольку ящичковъ; изъ нихъ высыпается чай на вѣсы и по вѣсу чистаго чая опредѣляется пошлина со всѣхъ остальныхъ ящичковъ фамиліи. Для опредѣленія вѣса, за который нужно брать пошлину, существуетъ извѣстная статья закона. Въ этой статьѣ значитъ слѣдующее: «Если вѣсъ чая, высыпаннаго изъ ящика, окажется въ 88 фунтовъ, то взимать пошлину только за 85 Фунтовъ; если же вѣсу окажется хотя на золотникъ болѣе восьмидесяти восьми фунтовъ, то пошлину слѣдуетъ взимать за полный вѣсъ». Эта статья заставляеть нерѣдко задумываться тѣхъ, чей интересъ всего болѣе замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, и потому случается, что купцы, купивъ отъ китайцевъ чай вѣсомъ въ 90 фунтовъ, выгружаютъ изъ ящичковъ съ помощью совковъ гю два фунта, для того, чтобы заплатить пошлины только за 85 фунтовъ, а совошный чай предъявляютъ таможенѣ отдѣльно. Въ гирежнее время (не знаю какъ теперь, при переводѣ таможни въ Иркутскъ), при освидѣтельствованіи чайной партіи бывали большія хлопоты: иногда чай увозился обратно изъ таможни и купцы выгружали изъ ящичковъ чай, сберегая свои интересы при уплатѣ пошлины. Бывали, говорятъ, случаи и не совсѣмъ-то вѣрной привѣски чая: для этого, будто бы, выбирались заранѣе приготовленные ящики, въ которыхъ чаю было не болѣе 87 или 88 фунтовъ, тогда какъ всѣ остальные ящики имѣли въ себѣ чаю по 90 и по 92 фунта... но вѣдь мало ли что говорить? Непонятно только, для чего существуетъ означенное правило, и не лучше ли бы было, если бы пошлина съ чая собиралась прямо съ наличнаго вѣса, безъ всякихъ исключеній и ограниченій?

Заплативъ пошлину, купецъ получалъ право обшивать ящики въ кожу.

Работа зашиванія чайныхъ ящиковъ въ кожи исполнялась, во время существованія кяхтинской таможи, особой ширельной артелью. Для этого скотскія кожи, преимущественно рогатаго скота, предварительно размачивались въ водѣ, отчего въ зданіи «ширельной» всегда былъ тяжелый и вредный воздухъ; во время лѣта большая часть работъ исполнялась на открытомъ воздухѣ, но зимою, когда кожи на холодѣ могутъ застывать, вся аргель работала внутри «ширельной», въ которую войдти свѣжему человѣку нѣтъ силъ, потому что воздухъ до того заражается испареніями кожъ, что у вошедшаго кружится голова. Иногда купецъ, желая, чтобы партія его чаевъ поскорѣе была отправлена въ путь, предлагаетъ рабочимъ, сверхъ узаконенной платы, еще нѣкоторое вознагражденіе, и тогда работа продолжается и ночью. Полученное вознагражденіе поступаетъ въ общую кассу и дѣлится поровну между всѣми рабочими, изъ среды которыхъ выбирается староста, и вся артель уполномочиваетъ его наблюдать какъ за исполненіемъ работъ, такъ и за заготовкой кожъ, которыя онъ часто покупаетъ на артельные деньги (смотря, впрочемъ, по условію съ собственникомъ чая, если онъ своихъ кожъ артели не доставилъ). Такъ же точно на обязанности старосты лежитъ отвѣтственность наблюдать за поведеніемъ рабочихъ и, въ случаѣ неисправности кого-либо изъ нихъ, объявлять объ этомъ артели, которая и творитъ надъ провинившимся судъ.

Ширельная артель состоитъ исключительно изъ мѣщанъ города Троицкосавска, и люди сомнительнаго поведенія въ эту артель не принимаются. Заработки артели, въ періодъ лучшаго состоянія кяхтинской торговли, то-есть до времени перевода таможи въ Иркутскъ, были весьма значительны; но, отъ утомительной работы и душнаго запаха сырыхъ кожъ, рабочіе ширельной артели не могутъ пользоваться хорошимъ здоровьемъ; между ними никогда не встрѣтишь человѣка съ свѣжимъ, румянымъ лицомъ: усталое, истомленное выраженіе лица, впалая грудь, мутный, болѣзненный взглядъ, сгорбленная спина — вотъ отличительныя черты ширельщика.

Іакинфъ Бачуринъ, въ своихъ сочиненіяхъ о Китаѣ, упоминаетъ, что чай отъ зашивки въ сырыя кожи получаетъ, будто бы, дурной запахъ, какого онъ не имѣетъ въ Китаѣ. Я не могу сказать, какой имѣетъ запахъ чай на мѣстѣ его сбора и приготовленія, потому что мнѣ въ южномъ Китаѣ быть не случилось, но чай, получаемый въ Маймачинѣ и въ городѣ Айгунѣ (въ Манчжуріи), мнѣ не разъ случалось пивать въ китайскихъ фузахъ, и я не нахожу никакой разницы между однимъ и тѣмъ же сортомъ чая, до зашивки его въ кожи и послѣ этой зашивки.

Чай, зашитый въ кожи, снова повѣряется таможеннымъ начальствомъ, на каждый ящикъ привязывается свинцовая пломба, и, по окончаніи этой работы,

на партію чая выдається билетъ «на вывозъ изъ таможеннаго двора», и затѣмъ чайные ящики счетомъ выпускаются изъ воротъ таможни, а потомъ за черту города, чрезъ шлагбаумъ.

Тѣмъ и оканчивается контроль таможни надъ ящиками чая.

Мы проводили чай за черту города. Такимъ образомъ мы видѣли и прослѣдили его законный, офиціальныи путь. Теперь намъ предстоитъ другая дорога, для проѣзда по которой выбираются людьми самыя глухія, темныя ночи. Вернемся, для знакомства съ этимъ дѣломъ, назадъ, въ китайскій городокъ Маймачинъ и русскую слободу Кяхту, посмотримъ на разнаго рода контрабандныя дѣянія и поѣдемъ за чайнымъ ящикомъ и за серебряной и золотой монетой, мимо таможни, по тайнымъ дорогамъ и воровскимъ падямъ. Затѣмъ соединимъ въ Иркутскѣ всѣ чай, и тайныхъ и явныхъ путей, въ одну общую партію и будемъ продолжать свой путь далѣе.

III

Контрабандисты. — Чайная контрабанда. — Контрабанда. — Контрабандные пути золота, серебра и пушных товаров. — Чай за Байкаломъ.

Городъ, или точнѣе говоря, постоянная китайская ярмарка — Маймачинъ, съ своими тремя богатыми улицами, начинается и оканчивается шестью фигурными воротами, которыя въ извѣстный часъ вечера запираются. Тамъ за этими воротами начинается предмѣстье Маймачина. Ближе къ нему еще красуются кой-гдѣ высокіе амбары китайскихъ купцовъ; но, пройдя эти амбары, картина богатства и довольства измѣняется: вмѣсто высокихъ разукрашенныхъ золотомъ и всевозможными яркими цвѣтами воротъ, ведущихъ внутрь фузъ, лѣплятся въ безпорядкѣ одна за одной кой-какія лачуги, не только не имѣющія никакихъ украшеній на воротахъ, но совершенно не загороженныя ничѣмъ, и съ окнами, выходящими прямо на улицу, что, по китайскимъ обычаямъ, составляетъ ужъ просто ни на что негодную лачугу. Около такихъ бѣдныхъ лачугъ ходятъ толпами голодныя собаки, валяются трупы дохлаго скота и кучи всяческихъ нечистотъ; за этими фузами зеленѣютъ огороды, среди которыхъ тоже иной разъ попадается бѣдная, чуть живая лачуга, поддерживаемая всевозможными подпорками. Владѣльцы этихъ разваливающихся фузъ когда-то забрались изъ Китая на русскую границу, съ свѣтлыми надеждами скопить себѣ деньжонокъ, но, не дождавшись осуществленія своихъ надеждъ и въ конецъ разорившись, уѣхали съ русской границы обратно на свою родную сторону умирать полуголодной смертью, и забросили на произволъ судьбы свои бѣдныя лачуги. Или разбогатѣвъ отъ удачнаго торговаго оборота, отъ ловко-провезенной контрабанды, владѣльцы бѣдныхъ фузъ замѣнили свои бумажные халаты шелковыми, подняли повыше полуобритыя головы, и заарендовали, въ которой-нибудь изъ трехъ богатыхъ улицъ Маймачина, новую фузу съ раскрашенными воротами, и открыли правильную торговлю чаемъ. Эти разбогатѣвшіе уступаютъ свое старое пепелище за дешевую цѣну, и въ немъ поселяются одопки маймачинскаго общества, которое всё, безъ малѣйшихъ исключеній, переѣхало на границу для того, чтобы сколотить себѣ, какимъ бы то ни было путемъ, деньги. И живутъ люди по нѣскольку лѣтъ вдали отъ родины, въ разлукѣ со своими семействами, для того, чтобы въ продолженіе пяти или шести лѣтъ сколотить какихъ-нибудь двѣсти, триста рублей, и тѣмъ быть совершенно довольнымъ. Я не касаюсь богатыхъ маймачинскихъ купцовъ: — эти составляли себѣ громадныя капиталы отъ кяхтинской торговли, а говорю только о тѣхъ, которые живутъ въ ветхихъ фузахъ городскаго предмѣстья.

У жителей этихъ разоренныхъ фузъ находятся въ услуженіи или на посылкахъ «ёрги» — это самый низшій классъ маймачинцевъ; они уже не только не могутъ перебиваться какимъ- либо мелкимъ торгомъ, но не ходятъ даже за сборомъ нечистотъ по Маймачину и Кяхтѣ, какъ это дѣлаютъ бѣдные монголы. Ерги переколачиваются со дня на день, исполняютъ у жителей бѣдныхъ Фузъ кой-какія порученія, и въ тоже время составляютъ первое звено контрабанднаго чайнаго дѣла. Городское предмѣстье, о которомъ я рассказываю, китайцы привыкли называть «Ынгороза», и вотъ въ этомъ-то «Ынгорозѣ» зарождается каждое контрабандное дѣло.

Несмотря на беспощадную строгость китайскихъ узаконеній, несмотря на то, что китайскій чияовникъ скорѣе замучитъ пытками и голодомъ поповагося мошенника, чѣмъ выпуститъ его изъ рукъ безъ взятки, «ёрги» и ихъ непосредственные хозяева, жители лачугъ, принимаютъ за малое вознагражденіе на свою отвѣтственность всю тяжесть послѣдствій, могущихъ быть отъ неудачнаго контрабанднаго дѣла. Мнѣ вспоминается одинъ несчастный китаецъ, отчаянія и страданій котораго я былъ свидѣтелемъ, во время моего жительствова въ Кяхтѣ. Одинъ мой знакомый занимался контрабандой¹; агентомъ по контрабанднымъ дѣламъ былъ у него китаецъ, мелочной торгашъ, сколотившій себѣ рублей до трехсотъ деньжонокъ и надѣявшійся черезъ полгода возвратиться на родину къ своему семейству, котораго онъ не видалъ болѣе трехъ лѣтъ. Этотъ несчастный китаецъ, — звали его Чичень, — имѣлъ съ контрабандистомъ счеты, и за нѣсколько дней назадъ продалъ ему двадцать ящиковъ кирпичнаго чаю, который благополучно былъ доставленъ куда слѣдуетъ контрабанднымъ путемъ, и Чичень долженъ былъ получить деньги. Уплату этого долга контрабандистъ отложилъ дней на пять, а поручилъ Чичену спрятать въ огородѣ своей фузы десять ящиковъ чаю байховаго, принадлежавшаго контрабандисту. Чичень, за извѣстное вознагражденіе, согласился, но, на его несчастіе, спрятанный чай открыли китайскіе чиновники, и Чичена чуть не потянули подъ судъ; но онъ успѣлъ отказаться отъ чая, и тѣмъ спасъ себя. Чиновники, конечно, подобрали себѣ найденное добро, благо хозяина не оказывается, а Чичень надѣялся на доброту контрабандиста, и думалъ, что онъ, въ уваженіе его прежнихъ большихъ заслугъ, не поставитъ ему въ вину случившееся несчастіе, тѣмъ болѣе, что подобные случаи при контрабандномъ дѣлѣ неизбѣжны; но каково же было его положеніе, когда контрабандистъ за свои пропавшіе десять ящиковъ байховаго чаю не захотѣлъ платить долга Чичену за его двадцать ящиковъ кирпичнаго чаю. Я вошелъ въ квартиру моего знакомаго именно въ то время, когда несчастный Чичень валялся по полу, рыдалъ, рвалъ свою косу и

¹ Заниматься контрабанднымъ дѣломъ не считается въ Кяхтѣ преступленіемъ; всѣ, напримѣръ, знали, что такой- то возить контрабанду, но никто никогда не отзывался о немъ съ дурной стороны: „не пойманъ — не воръ“.

буквально колотился лбомъ о полъ, умаливая контрабандиста заплатить долгъ.

— Я здѣсь промаялся больше трехъ лѣтъ, — говорилъ ломанымъ языкомъ Чиченъ: — я кое- какъ сколотилъ триста рублей, я этими деньгами всю бы семью свою обезпечилъ... А ты меня въ одинъ часъ всего лишаешь... О! о! о!

Чиченъ рыдалъ и стоналъ, стучался о полъ головой и не переставалъ просить уплаты, но контрабандистъ не поддавался. Вдругъ китаецъ вскочилъ на ноги, глаза его горѣли какимъ-то страннымъ огнемъ, у рта была пѣна, дыханіе сдѣлалось порывистое, тяжелое.

— Ну, на, зарѣжь! — закричалъ онъ: — зарѣжь, мнѣ все равно... Мнѣ нельзя больше жить... Не хочешь, я самъ себя зарѣжу у тебя здѣсь, въ комнатѣ... Пусть тебя начальникъ твой судить...

Контрабандистъ испугался. Онъ зналъ, что китаецъ не шутитъ, зналъ потому, что подобные случаи между китайцами не рѣдкость. Въ большихъ торговыхъ городахъ Китая зачастую случается такъ, что нищій, которому не подали милостыни, на зло хозяину дома зарѣжется противъ его оконъ... Зналъ контрабандистъ много такихъ случаевъ, и потому поспѣшилъ покончить съ Чиченомъ мировой. Онъ предложилъ ему половину долга, и китаецъ, который опять имѣлъ въ рукахъ нить, могущую его вывести изъ бѣдности, или привести къ самоубійству, раздумалъ лишать себя жизни и, схвативъ деньги, убѣжалъ отъ контрабандиста, посылая ему съ улицы проклятiя...

За всѣ свои тяжелые труды ёрги получаютъ какія-нибудь мелкія крохи отъ сытнаго стола контрабандистовъ. Китайскіе чиновники нерѣдко ловятъ ихъ на мѣстѣ преступленія въ то самое время, когда ёрга тащитъ на сгорбленной спинѣ ящикъ съ чаемъ; чай тотъ, конечно, конфискуется и попавшагося ёргу засаживаютъ въ кутузку. Сидѣтъ въ китайской арестантской ужасно: помѣщеніе совершенно темное, сырое, гдѣ-нибудь въ душномъ и смрадномъ подвалѣ; насѣкомыя осаждаютъ арестанта, пища ему дается разъ въ день и нерѣдко онъ остается по нѣскольку сутокъ безъ воды. Попавшихся съ контрабандой, кромѣ того, бьютъ еще бамбуками, стараясь получить свѣдѣніе, изъ чьей Фузы они выносили чай. Эти свѣдѣнія, необходимы чиновникамъ для того, чтобы притянуть къ суду владѣтеля чая и содрать съ него хорошую взятку. Если ёрга выдаетъ купца, изъ фузы котораго онъ вынесъ чай, то китайскіе чиновники освобождаютъ его изъ-подъ ареста и принимаются за купца; бывали случаи, что купецъ, замѣшанный въ контрабандномъ дѣлѣ, такъ много платилъ за свое освобожденіе, что отъ этого разстраивались его дѣла и онъ выѣзжалъ изъ Маймачина на родину безъ всякихъ средствъ къ существованію. Случалось иногда и такъ, что ёрга выносилъ всевозможныя пытки и мученія и не выдавалъ фамиліи купца, продавшаго чай; китайскіе чиновники, видя, что отъ ёрги добиться толку невозможно, били его еще

нѣсколькими стами бамбуковъ и высылали изъ Маймачина внутрь Китая. Купецъ, спасенный мужествомъ и терпѣніемъ ёрги, давалъ ему награду, и иногда эта награда составляла счастье всей жизни полуголоднаго до того времени человѣка: онъ возвращался на родину, покупалъ себѣ клочекъ земли и до конца дней своихъ вспоминалъ о полученной наградѣ.

На смѣну высланнымъ или до полусмерти замученнымъ и забитымъ ёргамъ, являются другіе помощники контрабанднаго дѣла, и оно, не прерываясь, продолжается своимъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Съ нашей русской стороны есть точно такой же классъ людей, необходимое звено въ общей контрабандной цѣпи, — это маленькіе Расплюевы, которыхъ подчасъ бьютъ и англійскимъ боксомъ и русскими жердями, а иногда, во время опасности, оставляютъ на произволъ судьбы, или пришибаютъ на мѣстѣ пистолетнымъ выстрѣломъ для того, «чтобы человѣкъ попусту пустяковъ не болталъ, а лежалъ бы смиренно до страшнаго суда».

Контрабанда проходитъ многими путями и различные есть классы контрабандистовъ.

Начнемъ съ меньшихъ.

Изъ Маймачина въ Кяхту, во время дня, контрабанда провозится прямо въ ворота, отдѣляющія городъ отъ города; никто этого не замѣчаетъ, потому что чай вывозится отъ китайцевъ безъ контроля, онъ повѣряется въ гостиномъ дворѣ въ Кях'гѣ, и повѣряетъ его тотъ же прикащикъ, который, вмѣстѣ съ хозяйскимъ чаемъ, вывезъ и свой контрабандный. Ночью, чрезъ высокіе деревянные заплоты, которыми кругомъ обнесена Кяхта, съ помощью ёргъ, переваливается нѣсколько мѣшковъ или ящиковъ чаю. Однажды лѣтней ночью, я сидѣлъ у окна и не спалъ; вдругъ слышу подъ окномъ моимъ въ саду какой-то шорохъ и топотъ; я началъ всматриваться, но лишь только сосредоточилъ мое вниманіе, какъ садъ огласился отчаянными криками; со всѣхъ улицъ сбѣгалась ночная стража и контрабандисты, казалось, должны были попасть въ руки стражи съ поличнымъ, но вышло наоборотъ: мѣшки съ чаемъ снова исчезли за заплотомъ и, по всему вѣроятію, въ ту же минуту были утащены ёргами въ безопасное мѣсто, а пойманные стражей контрабандисты преспокойно отперлись отъ контрабанды, говоря, что они сами слѣдили за контрабандой, потому что, проходя мимо саду, замѣтили двигавшіяся въ темнотѣ фигуры. Что тутъ дѣлать? Сказано, что «не пойманъ — не воръ». Чай, перевезенный такимъ путемъ въ Кяхту, перевозится въ г. Троицкосавскъ прикащиками, комнатными мальчиками, кучерами и всякой домашней прислугой; перевозится этотъ чай, конечно, тоже тайно въ собственныхъ карманахъ, въ ящикахъ экипажей и тому подобнымъ образомъ, благо у шлагбаума, отдѣляющаго Кяхту отъ Троицкосавска, не очень строго

осматриваютъ. Изъ Троицкосавска эта контрабанда расходится по деревнямъ. Она почти безвредна, ибо имѣетъ весьма ограниченные размѣры.

Затѣмъ слѣдуетъ контрабанда ящиковъ въ пять, въ десять.

Это количество чаю переваливается тоже черезъ заплоть, но уже не въ Кяхту, а за пограничную линію, и провозится темными ночами мимо пограничной стражи умышленно или неумышленно дремлющей на своихъ постахъ, расположенныхъ по всей пограничной линіи для охраненія чайной торговли отъ ввоза безпошлиннаго чая. Нужно, конечно, и то сказать, что пограничная линія занимаетъ большія пространства и много надо бдительности и вниманія, чтобы безукоризненно исполнять свое дѣло; это тѣмъ болѣе трудно, что контрабандисты составляютъ множество партій и нерѣдко въ одномъ мѣстѣ дѣлаютъ фальшивую тревогу для того, чтобы въ другомъ въ это время успѣшно покончить большое контрабандное дѣло. Если обстоятельства благопріятствуютъ, то пять или десять ящиковъ увозятся прямо въ безопасное мѣсто верстъ за двадцать или тридцать; въ случаѣ же предстоящей опасности укрываются гдѣ-нибудь въ падахъ, лощинахъ, кустарникахъ, въ которыхъ на всякій случай заготовлены необходимыя убѣжища. Но если, по видимымъ расчстамъ, и эти убѣжища не гарантируютъ без опасности, то чай просто оставляется на пути. а сами герои ночи, сбросивъ тяготившій плечи ихъ лошадей грузъ, летятъ во весь духъ по бездорожью черезъ овраги и горы, и ужь, конечно, очень хорошо знаютъ, куда выѣдутъ. Чай, оставленный среди дороги или поля, преслѣдующіе должны представить таможенному начальству и за это, по силѣ нашихъ узаконеній, выдается предъявителямъ контрабанды извѣстная сумма денегъ. Въ Сибири, и въ особенности въ Забайкальской области, сильно были распространены слухи о томъ, что большая часть пойманной контрабанды, по ошибкѣ или умышленно, провозится на квартиру пойманшаго и въ слѣдующую же ночь дѣлается снова контрабандой, то-есть самъ поймавшій отправляетъ ее мимо таможи тайнымъ путемъ... Туземные жители часто подшучиваютъ надъ стражей, охраняющей границу отъ ввоза контрабапды, и называютъ ее «стражей, охраняющей контрабанду».

Контрабандисты вообще народъ рѣшительный, и, конечно, смѣлость и рѣшимость развивается въ нихъ отъ самаго рода занятій. Случалось иногда, что днемъ, при яркихъ лучахъ солнца, мимо стражи проходили по нѣскольку возовъ съ контрабанднымъ чаемъ, и стражѣ, конечно, въ голову не приходило обратить вниманіе на ящики: «есть ли на нихъ пломба». «Кто, молъ, днемъ полѣзетъ, что онъ за дуракъ!» а глядишь, въ дѣйствительности оказывается въ дуракахъ тотъ, кто прозѣвалъ. Однажды по улицѣ гор. Троицкосавска тянулся обозъ воза въ четыре или въ пять, и никто бы не обратилъ на него вниманія, думая, что чаи везутъ въ таможеню, но былъ ужь поздній часъ дня, когда въ

таможнѣ оканчивалось присутствіе, и потому обозъ былъ остановленъ; не успѣли остановившіе оглянуться, какъ шедшіе около возовъ двое крестьянъ точно сквозь землю провалились. Смотрятъ, оглядываются во всѣ стороны, а крестьянъ уже и слѣдъ простылъ: они давно уже скакали по горѣ въ лѣсъ. Чай, конечно, остался въ доходъ поймавшихъ и таможни. «Ну, что же дѣлать», думаютъ контрабандисты: «люби кататься, люби и саночки возить». На такія рискованныя продѣлки вызывало всего болѣе то, что премія для контрабанднаго чая была очень значительная: съ ящика въ то время существовала пошлина отъ 34 до 37 рублей серебромъ, тогда какъ самый чай иногда стоилъ не дороже тридцати-двухъ рублей.

Всѣ описываемыя дѣянія контрабандистовъ принадлежатъ къ разряду дѣлъ мелкихъ, полутысячныхъ; занимаются ими люди неимѣющіе большихъ средствъ, и чай, провозимый такимъ образомъ, расходуется по большей части только въ Забайкальской области, и далѣе Иркутска не проходитъ. Такой мелкой контрабандой занимаются буряты, но они предпочитаютъ провозить чай кирпичный, потому что онъ дешевле, удобнѣе для перевозки верхомъ, имѣетъ меньшій объемъ и легче вѣсомъ, чѣмъ ящикъ чая байховаго. Иногда чай, провозимый контрабандой, принадлежитъ не самимъ контрабандистамъ, а кому-нибудь изъ купцовъ, подрядившихъ перевезти свое добро окольными путями мимо таможни; въ этомъ случаѣ доставщики поступали честно, и рѣдко обманывали довѣрителя; но если ввѣренный чай, при неудачной перевозкѣ, доставался въ руки преслѣдующихъ, то собственникъ чая оставался, конечно, на бобахъ.

Иногда контрабандисты преслѣдовали контрабандистовъ, и такимъ образомъ осуществлялась пословица, что «воръ у вора дубинку воровалъ». Преслѣдованіе чая, провозимаго контрабандой, вообще чрезвычайно разнообразно: бываетъ такъ, что человѣкъ ѣдетъ себѣ путемъ-дорогою, не воображая ни о какой добычѣ, вдругъ замѣчаетъ сторонкой пробирающійся возъ съ чаемъ, или верховыхъ, везущихъ контрабанду: — пришпориваетъ свою лошадь, и если бѣгъ ея достаточно силенъ, то ему удастся порой получить добычу. Но на такія смѣлыя погони не всякій способенъ, потому что въ расплату можно иногда пожертвовать жизнью, такъ какъ контрабандисты не очень-то стѣсняются въ этомъ случаѣ. Такъ, бывали иногда между стражей, охраняющей границу, и контрабандистами такія схватки, что на мѣстѣ боя оставалось по два, по три убитыхъ; впрочемъ, такіе случаи бывали не часто, такъ- какъ слѣдствія «по мертвому тѣлу» всегда болѣе или менѣе ведутся серьезно; другое дѣло увѣчья и раны — этого добра и не перечесть не только за все время существованія таможни, но даже и за одинъ годъ пограничной жизни.

Иногда нападенія и преслѣдованія контрабанды были фальшивыя, имѣли, такъ-сказать, тонкій и политическій характеръ. Напримѣръ, пріѣзжій человѣкъ, не жившій никогда до того времени на пограничной линіи, ловился на удочку слѣдующимъ образомъ. Встрѣтившись гдѣ-нибудь въ обществѣ съ человѣкомъ, который бывалъ контрабанднымъ дѣятелемъ, или слыша о большихъ выгодахъ, получаемыхъ контрабандистами, пріѣзжій человѣкъ задумывался, какъ бы и ему провезти мимо таможи десятковъ пять-шесть ящиковъ чаю; случай или собственное желаніе наводили его на знакомство съ контрабандистами, которые и обязывались доставить ему чай за пограничную линію, то-есть за черту города.

Наступаетъ условленный часъ ночи, пріѣзжій человѣкъ отправляется на извѣстное мѣсто, и ожидаетъ привоза чаю. Чай привозятъ. Пріѣзжій человѣкъ платитъ деньги и, получивъ отъ контрабандистовъ чай, складываетъ его уже на воза, предполагая, что на данномъ мѣстѣ чай находится въ безопасности отъ таможеннаго преслѣдованія. Но не успѣетъ замолкнуть звукъ конскихъ копытъ послѣ отъѣзда контрабандистовъ, сдавшихъ чай въ безопасномъ мѣстѣ, не успѣетъ хозяинъ чая тронуться съ своими возами въ путь, какъ со всѣхъ сторонъ налетятъ на его возы казаки съ пиками и ружьями, и заберутъ въ свои руки весь чай, лошадей и неопытнаго пріѣзжаго человѣка. Строгіе казаки сначала не обращаютъ вниманія ни на какія просьбы и вздохи, но, подъ конецъ, дѣлаются добрѣе, и обѣщаютъ отпустить попавшуюся птичку на волю, если только эта птичка заплатитъ за себя выкупъ. Такимъ образомъ неопытный человѣкъ отказывается отъ чая, платитъ за свою свободу выкупъ, и, не чувствуя подъ собою ногъ, удираетъ налегкѣ въ свою квартиру, проклиная въ душѣ и себя за то, что пустился въ рискованное дѣло, и контрабандистовъ, за то, что чай передали ему въ недостаточно-безопасномъ мѣстѣ. Въ дѣйствительности же мѣсто, на которомъ переданъ чай, совершенно безопасное: они же сами, или товарищи ихъ, переодѣвшись казаками, запугивали неопытнаго человѣка и торговались съ нимъ о выкупѣ; они же сами, получивъ чай въ свою пользу, преспокойно увозили его, куда имъ было нужно.

Всѣхъ разнообразныхъ случаевъ чайнаго контрабандеаго дѣла не рассказать, а потому мы и перейдемъ къ контрабандному промыслу другаго рода.

Прежде, когда русское серебро было запрещено для вывоза въ Китай, а на золото и иностранную серебряную монету существовало извѣстное ограниченіе, контрабандисты занимались, кромѣ чайной контрабанды, перевозкою серебра и золота. Для этого употреблялись всевозможныя средства.

Начнемъ съ простыхъ.

Пріѣзжалъ, напримѣръ, въ Кяхту кто-нибудь изъ большихъ людей, власть имѣющихъ, угощали его купцы, какъ и подобаеть угощать большаго человѣка, и потомъ, послѣ достаточнаго количества выпитыхъ бутылокъ шампанскаго, везли его гулять куданибудь на дачу или на сахарный заводъ одной уничтожившейся теперь фирмы (который, между нами сказать, только для контрабандныхъ цѣлей и годился), или просто въ поле, ну, словомъ, только бы выѣхать за городъ. Выѣзжая за городъ, останавливались гдѣ слѣдовало, и опять распивали вино, а потомъ, конечно, возвращались назадъ; — тѣмъ всеи оканчивалось.

— И только? — спросить въ удивленіи читатель.

— Да чего же больше? Выпили, погуляли и слава Богу, а всего болѣе слава Богу, говорятъ купцы, что большой человѣкъ ничего не замѣтилъ. Да и замѣчать было нечего, все дѣлалось аккуратно: пока купцы распивали съ большимъ человѣкомъ вино и кричали ему «ура», въ это время потайные ящики того экипажа, въ которомъ привозили на гулянье большаго человѣка, нагружались серебромъ и золотомъ, и такъ-какъ при проѣздѣ чрезъ шлагбаумъ большаго человѣка не осматривали, то онъ, самъ того не зная, провозилъ подъ собой контрабандное серебро и золото прямо въ Кяхту, въ домъ когонибудь изъ купцовъ.

Вотъ еще, тоже очень простое средство.

Жилъ въ Иркутскѣ довѣренный отъ одного купца и занимался пересылкою монеты въ Кяхту по почтѣ, а пересылать русское серебро въ Кяхту, какъ извѣстно, было строго запрещено. А довѣренный, не смотря на это запрещеніе, все-таки пересылалъ и пересылалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, и никто этого не зналъ. Онъ добился этой возможности слѣдующимъ образомъ. Каждый почтовый день доставлялъ онъ въ иркутскую почтовую контору по пяти мѣшковъ пятифранковой серебряной монеты, и каждый разъ мучилъ почтовыхъ чиновниковъ пересчитываньемъ этой монеты и укупоркою ея въ кожаные мѣшки: нужно замѣтить, что укупорка серебра для отправки по почтѣ весьма сложная, трудная и требуетъ не мало времени. Надоѣлъ этотъ довѣренный чиновникамъ почтовой конторѣ.

— Да вы привозите лучше въ контору мѣшки закупоренные, чѣмъ мучить насъ и отнимать у насъ время, — предложили ему чиновники.

Онъ только того и ждалъ.

Получивъ давно желанное разрѣшеніе, довѣренный съ этого дня началъ отправлять, вмѣсто пятифранковой монеты, русское серебро, подписывая на мѣшкахъ, что отправляетъ пятифранковую монету. Почтовая контора только брала съ него росписку, что онъ за счетъ монеты отвѣчаетъ самъ, а контора отвѣчаетъ лишь за вѣсъ монеты вмѣстѣ съ ея укупоркой. Чтобы не было подозрѣнія, отправитель монеты укладывалъ въ мѣшокъ столько русскихъ

серебряныхъ рублей, сколько вѣсила тысяча пятифранковыхъ монетъ и, слѣдовательно, почтовая контора не могла имѣть никакого подозрѣнія. На случай же могущей быть повѣрки и раскупорки мѣшковъ въ почтовой конторѣ, отправитель заранѣе приготовлялся къ этому: въ его квартирѣ всегда находилось именно столько же мѣшковъ пятифранковой монеты, какъ будто готовой къ отправкѣ, сколько онъ посылалъ по почтѣ русской; если бы возникло дѣло, то онъ всегда могъ оправдаться неумышленной ошибкой.

Кромѣ этого простаго средства отправки контрабанды по почтѣ, существовало множество другихъ. У экипажей, въ которыхъ предназначалось возить контрабандой серебро и золото, дѣлали по два дна; въ оглобляхъ выдалбливались для золотой монеты потайныя вмѣстилища; въ хомутахъ устраивали то же; точно также въ колесахъ, осяхъ, дугахъ, и гдѣ только было можно, дѣлались различные ящики, и монета, запрещенная для ввоза на китайскую границу, шла безостановочно своимъ обычнымъ путемъ. Контрабанда на звонкую монету то усиливалась, то уменьшалась, смотря по тому, какое требованье было на товары. Если шли хорошо товары, то монета провозилась прямо чрезъ таможеню (кромѣ русскаго серебра, которое постоянно провозили окольными путями); если же товары требовались тише, то контрабанда увеличивалась, и это зависѣло прямо отъ существовавшаго для торговли правила: «отпускать китайцамъ русской золотой и иностранной серебряной монеты только одну треть при двухъ третяхъ товаровъ», т. е. купецъ долженъ былъ промѣнять на двѣ тысячи рублей товаровъ и при нихъ выдать на тысячу рублей монеты. Бывало такъ, что товары вовсе не требовались, а нужно было только золото и серебро, тогда употреблялась новая хитрость: чрезъ таможеню ввозили въ Кяхту соболей и контрабанднымъ путемъ вывозили ихъ назадъ, опять предъявляли въ таможенѣ и опять тайной дорогой возвращали; такъ дѣлали до того времени, пока по таможеннымъ книгамъ не значилось у купца значительное количество товару; тогда ввозъ соболей прекращался, и купецъ, купивъ у китайцевъ чай, писалъ отчетъ, что промѣнялъ за границу товаровъ: столько-то тысячъ соболей (а у него всего-то ихъ было сотни двѣ, да и тѣ кигайцамъ не требовались) и при нихъ выдалъ столько-то золотой или серебряной монеты; конечно, выставлялось только то число, какое было ввезено чрезъ таможеню. Чай вообще оцѣнивался, при предъявленіи въ таможенѣ, очень дешево, такъ что, вмѣсто 45 р., ставили цѣну только 20 рублей. Что, если бы существовалъ въ Кяхтѣ въ таможенномъ уставѣ параграфъ (какъ существуетъ теперь при петербургской таможенѣ), по которому таможня могла бы брать чай за свой счетъ въ случаѣ дешевой оцѣнки и выдавала бы купцамъ деньги съ вознагражденіемъ за трудъ 10%? Вотъ-то бы носы у многихъ повытянулись при такой штукѣ! Но такого параграфа, въ продолженіе полувѣковаго существованія торговли, никто не

выдумалъ. Выдумали всего больше то, какъ бы половчѣе и похитрѣе провести контрабанду. Былъ однажды случай такого рода: въ таможеню дали знать, что изъ Иркутска выѣхалъ такой-то господинъ, давно заподозрѣнный въ контрабандныхъ дѣлахъ, и что онъ будетъ проѣзжать въ городъ Троицкосавскъ не окольными дорогами, а прямо чрезъ шлагбаумъ. При немъ, говорилось въ доносѣ, столько-то русской серебряной монеты, столько-то золота, и что все это спрятано въ потайныхъ ящикахъ, которые устроены въ экипажахъ. Получивъ такое свѣдѣніе, таможня, въ лицѣ своихъ начальниковъ, была, конечно, довольна, и нетерпѣливо ожидала прибытія означеннаго господина. Въ извѣстный день и часъ экипажъ дѣйствительно подѣхалъ къ шлагбауму, и казаки, которымъ было, конечно, тоже извѣстно объ ожиданіяхъ экипажа, препроводили его тот-часъ же къ таможенному зданію: «попался-моль, голубчикъ, теперь не уйдешь!»

Всѣ таможенные чины, отъ мала до велика, вышли къ экипажу.

— Извольте выйти изъ экипажа, — съ вами привезено контрабанды, заключающейся въ серебрѣ и золотѣ столько-то, — объявили пріѣхавшему.

— Слушаю-съ, — спокойно отвѣтилъ пріѣхавшій, и выйдя изъ экипажа, сѣлъ на тумбочку крыльца и закурилъ сигару.

Началось осматриваніе экипажа, но въ немъ ничего не оказалось; выпрягли лошадей, осмотрѣли оглобли, дугу, хомуты, — нѣтъ контрабанды! Таможенные досмотрщики и начальники ощупывали экипажъ со всѣхъ сторонъ, вынимали изъ него весь грузъ, заглядывали подъ экипажъ, залѣзали поверхъ его, но нигдѣ не нашли никакихъ слѣдовъ контрабанды.

Такъ прошелъ цѣлый часъ.

— Скоро вы, господа, осмотрите? — спросилъ пріѣзжій.

— А вотъ мы сначала найдемъ контрабанду, тогда и будетъ конецъ обыску.

— Ну ищите... Если не найдеге, вамъ будетъ стыдно, что такъ долго меня держали...

— Хорошо.... Мы вотъ васъ притянемъ.... Погодите... Мы сейчасъ найдемъ...

И опять всѣ ходили вокругъ экипажа, опять заглядывали, щупали и ничего не находили. Дѣло кончилось тѣмъ, что таможенное начальство весьма разгнѣвалось на того, кто писалъ доносъ, и долго извинялось предъ пріѣзжимъ, что задержало его при осмотрѣ.

А доносъ былъ дѣйствительно вѣренъ.

Доносившій, изволите видѣть, слышалъ звонъ, да не зналъ гдѣ онъ; ему неизвѣстно было о томъ, что контрабандистъ получилъ изъ Россіи новый экипажъ съ новыми секретными ящиками. Ящики эти были сдѣланы между заднихъ осей, въ той подушкѣ, къ которой прикрѣпляются дроги. Но если бы даже и эта тайна была извѣстна тому, кто послалъ доносъ, то еще нужно было разузнать о томъ, какъ открыть пути къ потайнымъ ящикамъ. Ихъ открыть

можно было только тогда, когда всѣ четыре колеса сняты и надавлена въ извѣстномъ мѣстѣ очень тугая и почти незамѣтная пружина.

Такихъ тщетныхъ обысковъ бывало не мало.

Въ Кяхтѣ одинъ изъ умершихъ уже теперь купцовъ имѣлъ дрессированную лошадь, за которую, какъ рассказывали, будто бы заплатилъ двѣ тысячи рублей; эта лошадь исполняла у него обязанность контрабандиста и перевозила одна, сама по себѣ, серебро и золото. Бывало, накладетъ купецъ въ потайные ящики и мѣшки сѣдла монеты, садится самъ верхомъ на коня и ѣдетъ изъ города Троицкосавска въ Кяхту; если опасности никакой не предстоитъ, то онъ проѣзжаетъ спокойно домой; но если онъ замѣчаетъ почему либо, что ему и его тайной поклажѣ угрожаетъ опасность, то онъ соскакивалъ съ коня и отпускалъ его одного, а самъ шелъ пѣшкомъ, говоря знакомымъ, что конь его началъ шалить и сбиль его съ сѣдла. Умное животное, между тѣмъ, дико закинувъ кверху голову, съ развѣвающейся гривой, несется во всю прыть къ шлагбауму, перепрыгиваетъ черезъ него, бьетъ ногами казаковъ, надсмотрщиковъ и уносится по песчанымъ улицамъ Кяхты, въ домъ своего хозяина. Пока таможенная стража собирается поймать лошадь, пока казаки садятся на коней и скачутъ въ домъ купца осматривать сѣдло, а его давно уже и слѣдъ простылъ и на лошади давно уже надѣто другое: недаромъ, слѣдовательно, были у того купца всегда ворота растворены....

Въ то время, ежели, по разнымъ торговымъ расчетамъ, нужно было кому-либо изъ торгующихъ имѣть въ Кяхтѣ къ извѣстному времени болѣе или менѣе значительное количество металловъ, а ихъ не оказывалось, то бывали замѣчательные случаи риска и нелѣпой надежды на авось. Я, напримѣръ, помню одинъ такой случай, когда темной осенней ночью, на чахлой крестьянской лошаденкѣ, везли въ телѣгѣ 25 пудовъ русской серебряной монеты. Везли ее по оврагамъ и падямъ, гдѣ каждую минуту можно ждать встрѣчи или съ объѣздными, или съ контрабандистами; у прикащика, ѣхавшаго при монетѣ, никакого оружія при себѣ не было; онъ даже верховой лошади не имѣлъ, чтобы спастись, въ случаѣ опасности. А опасность грозила не малая: попадись контрабандистамъ — ограбили бы все; попадись на объѣздныхъ — тоже, пожалуй, ограбили бы, потому что кушъ хорошій; ну а если бы представили въ таможеню? Тогда было бы еще хуже, потому что за провозъ русской серебряной монеты контрабандой существовало наказаніе по уголовнымъ законамъ.

Такъ эти двадцать-пять пудовъ серебра, стоившіе по тогдашней кяхтинской цѣнѣ двадцать-пять тысячъ рублей, благополучно и были доставлены на мѣсто, только прикащикъ нѣкоторое время былъ боленъ и лежалъ въ нервной горячкѣ. И такіе случаи бывали нерѣдко. Случалось и такъ, что доверчивые купцы отдавали на доставку контрабандистамъ металлы и потомъ, послѣ

долгаго ожиданія, оставались съ одними только своими носами, которые значительно вытягивались въ длину. Покорялись купцы обстоятельствамъ, вздыхали, служили молебны, и чрезъ нѣсколько времени снова отдавали металлы въ доставку контрабандистамъ. Слѣдовательно, нѣтъ такой раны, которой не залечило бы время.

Всѣ эти многотрудныя, рискованныя и противозаконныя дѣянія оканчиваются за фигурными воротами торговаго мѣстечка Маймачина, въ фузѣ какого-нибудь Ша-ты-чуава, Ма-ю-кона, или кого-либо изъ другихъ китайскихъ торговцевъ. Они съ достоюлюбною любовью встрѣчали привезенное серебро и золото, пересчитывали его длинными пальцами, не жалѣя цѣлости своихъ безобразныхъ пожелтѣвшихъ ногтей, и исчезала какъ въ бездонной бочкѣ наша серебряная и золотая монета въ Поднебесной имперіи.

Въ заключеніе главы о контрабандныхъ дѣянїяхъ, я расскажу еще о чайной контрабандѣ, отправляемой въ большихъ размѣрахъ.

Контрабанда, ящиковъ въ двѣсти, не пробирается тайкомъ по Кяхтѣ, Троицкосавску или по глубокимъ падымъ и тайнымъ тропинкамъ, а избираетъ себѣ совершенно другую дорогу. Она — какъ рассказывали — снаряжается въ Маймачинѣ и безъ всякаго участія мелкихъ ёргъ уходитъ изъ предмѣстья Ынгороза темной ночью въ глубь монгольской степи. Гдѣ она проходитъ черезъ русскую границу, какъ она пробирается въ тихое пристанище — знаютъ только сами контрабандисты. Въ тихомъ пристанищѣ, въ ожиданіи прихода партіи, заготавливаются сырыя скотскія кожи, свинцовыя пломбы¹, и все, что необходимо для того, чтобы будущая партія контрабанднаго чаю смотрѣла не контрабандой. Въ ту же ночь, въ которую контрабандный чай благополучно добирается до тихаго пристанища, его обшиваютъ въ кожи, привѣшиваютъ пломбы и съ разсвѣтомъ отправляютъ въ путь, уже не тайно, а явно, среди бѣлаго дня. И выходитъ онъ на большую дорогу и идетъ обычнымъ путемъ...

Но что всего удивительнѣе, такъ то, что при такой партіи оказывается вдругъ, неизвѣстно откуда, законная накладная, и эта партія чаю, невидавшая даже издали стѣнъ таможеннаго зданія, вдругъ оказывается записанной въ таможенные книги, оплаченной законной пошлиной и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подвергнута конфискованію.

Вы думаете, что въ этомъ случаѣ злоупотребляла таможня? Ничуть не бывало. Иногда таможенное начальство случайно услышитъ неясные намеки на то, что вотъ не далѣе какъ вчера въ ночь, въ то время когда таможенная стража во всѣ глаза смотрѣла въ непроглядную темноту ноябрьской ночи, и

¹ Пломбы, по рассказамъ, часто добывались въ таможнѣ отъ надсмотрщиковъ, и иногда срѣзывались съ ящиковъ въ Иркутскѣ, такъ-какъ оказывались ненужными: на пути не предстояло встрѣчь съ таможенными, а хозяину чая можно было сказать, что пломбы оборвались — дорога дальняя!

крестилась при завываніи вѣтра, въ то самое время мимо ихъ будокъ прошла партія контрабанднаго чаю. Замѣтитъ такія вѣсти таможенное начальство, разгнѣвается на всю свою стражу и шлетъ надсмотрщиковъ въ погоню. Несутся верховые, несутся въ экипажахъ, пыль столбомъ стоитъ по дорогѣ и — обозъ догоняютъ, останавливаютъ и... и преслѣдователи не знаютъ, что имъ дѣлагь! Они совсѣмъ теряютъ головы при видѣ таможенныхъ пломбъ, законной накладной и прочихъ фактовъ, доказывающихъ, что чай не контрабандный. Эти бѣдные преслѣдователи никакъ не могли понять всей тонкости дѣла, и только инстинктивно чувствовали, что во всей этой исторіи имъ невольно приходится играть весьма неприличныя для умныхъ людей роли.

Возвращаются преслѣдователи обратно въ высокое, мрачное зданіе таможни и глухимъ голосомъ докладываютъ своему начальству, что контрабанды они не нашли, а догнали обозъ, вышедшій изъ таможни наканунѣ. Таможенное начальство снова гнѣвается, снова изливаетъ свою злость на людей, распускающихъ ложные слухи, и долго не можетъ успокоиться.

А между тѣмъ люди говорили правду.

Вся тонкость этого дѣла объясняется слѣдующимъ образомъ.

Наканунѣ того дня, въ которой контрабандисты снаряжаютъ въ глухомъ мѣстѣ свою тайную партію, ихъ товарищи представляютъ въ таможнѣ другую партію и оплачиваютъ ее пошлиной. Обѣ партіи, и тайная и явная, состоятъ изъ одинаковаго количества ящиковъ чаю, одинаковаго вѣса и достоинства. Явная партія выходитъ за ворота таможни, и только-что воза скроются изъ виду отъ шлагбаума, какъ извозчики начинаютъ погонять коней на сколько можно скорѣе; всѣ же необходимыя бумаги и накладная увозятся въ тайное мѣсто и передаются контрабандной партіи. Тутъ весь расчетъ во времени. Пока тайная партія выйдетъ на большую дорогу, пока отойдетъ отъ таможни верстъ на двадцать, первый обозъ съ чаемъ, оплаченнымъ пошлиной, на рысяхъ удаляется все дальше и дальше, и въ продолженіе сутокъ успѣваетъ убратъ верстъ за 100, за 150 и соединяется съ другими обозами.

Кромѣ партій чаевъ, прошедшихъ тайными путями и имѣющихъ на ящикахъ пломбы, въ Иркутскѣ не мало привозилось чаю, на ящикахъ котораго не было никакихъ пломбъ. Эта грубая контрабанда, какъ я говорилъ выше, есть дѣло людей мелкаго контрабанднаго промысла. Хотя прежде въ Иркутскѣ и не было таможни, хотя никто не обращалъ вниманія на проходившіе по городу чайные обозы, но мелкіе промышленники, занимавшіеся чайнымъ контрабанднымъ промысломъ, вели свое дѣло осторожно. Получивъ ящики, неимѣющіе таможенныхъ клеймъ, они, во-первыхъ, ввозили ихъ въ городъ вечеромъ; во-вторыхъ, иркутскіе торговцы контрабанднымъ чаемъ, какъ только чай

ввозился въ ихъ квартиру, тотчасъ же пересыпали его изъ ящиковъ въ мѣшки, чайныя доски и камышъ сжигали, а кожу въ ту же ночь увозили къ знакомому шорнику. Такимъ образомъ всякіе слѣды контрабанднаго дѣла исчезали и чай въ мѣшкахъ открыто продавался, подъ видомъ чая совошнаго. Этотъ чай, подъ такимъ же названіемъ, увозили и въ Россію, расходуя по всему длинному пути, по Восточной и Западной Сибири, въ уплату извозчикамъ, везущимъ товары «на долгихъ»; извозчики, въ свою очередь, продавали чай дворникамъ постоянныхъ дворовъ, а эти послѣдніе — крестьянамъ, и тутъ терялся уже контрабандный характеръ торговли, потому что чѣмъ далѣе отъ Забайкалья, тѣмъ туманнѣе и темнѣе слухи о таможенѣ и контрабандѣ, и въ Западной Сибири, не только въ деревняхъ, но и въ городахъ большая часть жителей не имѣетъ объ этомъ ровно никакого понятія, тогда какъ въ Забайкальской области каждый подростокъ, мальчишка, знаетъ что такое контрабанда, и, поднявшись на ноги, ищетъ случая попробовать счастья на этомъ многотревожномъ поприщѣ.

Но довольно о контрабандѣ и контрабандистахъ.

Въ Иркутскѣ всѣ ящики съ поддѣльными и настоящими пломбами снова подвергаются «хожденію на совокъ». Эту работу въ Иркутскѣ, какъ и въ Кяхтѣ, какъ и въ будущихъ городахъ, черезъ которые предстоитъ путь чаю: въ Томскѣ, Тюмени, Казани, исполняютъ опять-таки совошники, имѣющіе на это занятіе право отъ города, за которое они и вносятъ въ городской доходъ извѣстную сумму.

Классъ совошниковъ, во всѣхъ упомянутыхъ городахъ, состоитъ изъ тѣхъ же сбродныхъ сословій, изъ какихъ онъ нуждой, да неудачами, да широтой русской природы, сколотился въ пограничномъ городѣ Троицкосавскѣ и торговой слободѣ Кяхтѣ.

Теперь будемъ говорить объ извозной промышленности и о причинахъ упадка кяхтинской торговли.

IV

Доставщики. — Причины повышения и понижения цен на доставку. — «По пуду съ дуги даромъ». — Сдача. — Мошенничество при этой сдаче. — Обозный доставщикъ. — Почему онъ называется «ноготъ». — Последствія кяхтинского хлѣбосольтва. — Причины упадка торговли. — Образъ жизни обознаго прикащика во время пути при обозъ.

Если чайная партія должна слѣдовать безостановочно отъ Кяхты до Казани, Москвы или Нижегородской ярмарки, и если купецъ, собственникъ чая, или его комиссіонеръ, не желаетъ самъ хлопотать за наймомъ извозчиковъ въ каждомъ городѣ, на разстояніи шести тысячъ верстъ, то онъ отдаетъ всю партію чая на доставку прямо до извѣстнаго мѣста, за извѣстную цѣну, обязывая доставщика сдать чай въ условленный срокъ. Въ силу этого, какъ въ русской торговлѣ внутри Россіи, такъ и въ отдаленныхъ сибирскихъ городахъ, образовался особый классъ промышленниковъ, специальное занятіе которыхъ состоитъ исключительно въ до ставкѣ товаровъ изъ сибирскихъ городовъ внутрь Россіи и обратно. Выгода отъ этого дѣла бываетъ различная; она подвержена, порою, большимъ колебаніямъ и зависитъ отъ многихъ условій, предвидѣть которыя иногда бываетъ трудно, а въ иныхъ случаяхъ даже невозможно.

Заключаетъ, напримѣръ, доставщикъ контракт, по которому обязывается доставить грузъ изъ Кяхты до Нижегородской ярмарки, за пять рублей двадцать копѣекъ съ cadaго пуда, При этомъ онъ руководствуется расчетами, основанными или на предыдущихъ путешествіяхъ обозовъ, или на письмахъ своихъ агентовъ изъ разныхъ городовъ, о цѣнахъ, существовавшихъ на извозъ, во время отправленія письма¹ (теперь при устройствѣ сибирской телеграфной линіи, свѣдѣнія получаютъ скорѣе и чаще, чѣмъ прежде). Но эти свѣдѣнія, получатся ли они въ письмѣ или въ телеграммѣ, не могутъ быть постоянными, потому что они зависятъ отъ многихъ условій, какъ-то: отъ урожая хлѣбовъ, отъ состоянія погоды и дорогъ, отъ количества лошадей, предлагаемыхъ мѣстными извозчиками подъ грузы. Понятное дѣло, что во время хорошаго урожая цѣны на жизненные продукты уменьшаются, и съ уменьшеніемъ ихъ падаетъ и цѣна на извозъ. Точно также и при хорошемъ состояніи дорогъ цѣны дешевле, чѣмъ при дурномъ; бывали случаи, что

¹ Для примѣра, сдѣлаемъ приблизительную выписку на провозочныя цѣны. Изъ Кяхты въ Иркутскъ за 500 верстъ пути, съ обязательствомъ переплавить на судахъ черезъ Байкаль, цѣны существуютъ отъ 50 до 70 к. съ пуда. Осенью и весною по кругобайкальской дорогѣ, отъ 90 до 1 р. 30 к. съ пуда. Изъ Иркутска до Томска за 1,500 верстъ пути платится отъ 2 до 8 руб. Изъ Томска до Тюмени, лѣтомъ на пароходѣ, по Иртышу, Оби и Томи за 3,000 вер. по 50 к. пудъ; сухимъ же путемъ разстояніе между этими городами уменьшается на 1,500 верстъ, а цѣна бываетъ отъ 90 к. до 1 р. 20 к. пудъ. Изъ Тюмени до Перми за 600 вер. цѣна бываетъ 80 и 70 к. пудъ. Отъ Перми по Камѣ и Волгѣ, на пароходной баржѣ, — отъ 40 до 50 к. пудъ. Получается изъ этого бѣлаго расчета цѣна отъ четырехъ рублей до шести рублей шестидесяти копѣекъ.

осенью, въ Пермской и Казанской губерніяхъ, замѣчательныхъ въ особенности дурными, рѣдко поправляемыми дорогами, во время продолжительныхъ дождей, цѣны на извозъ бывали почти вдвое дороже, чѣмъ въ сухую погоду.

Выгода каждого доставщика товаровъ, конечно, состоитъ въ томъ, чтобы какъ возможно болѣе получить за доставку товаровъ и какъ возможно менѣе израсходовать на расплату извозчикамъ, нанимающимся перевозить грузы отъ одного города до другаго. Въ первомъ случаѣ, то-есть при заключеніи условія на доставку, существуетъ большая конкуренція между доставщиками, наѣзжающими въ Кяхту въ количествѣ иногда двадцати человекъ, такъ что иной доставщикъ до того сбавитъ цѣну, что ему, вмѣсто пользы, отъ всего дѣла остается недочетъ своихъ собственныхъ денегъ; во второмъ же случаѣ, то-есть при отношеніяхъ доставщика къ извозчикамъ, мѣстныхъ цѣны на хлѣбъ и овесъ, запросъ и предложеніе лошадей вліяютъ непосредственно на дороговизну или дешевизну провозной платы¹.

Кромѣ всего вышесказаннаго, извозная промышленность сложила и усвоила нѣкоторые весьма странные порядки, вошедшіе отъ времени въ обычай и потому считающіеся совершенно законными. Напримѣръ, что за странный обычай, извѣстный подъ названіемъ: «по пуду съ дуги даромъ». На какомъ основаніи онъ установился и почему доставщикъ заставляетъ, а извозчикъ соглашается, везти на каждомъ возу по одному пуду тяжести бесплатно? Кромѣ этого «по пуду съ дуги», извозчикъ, принимая чай на доставку, условливается получать отъ доставщика расчетъ не за полный вѣсъ каждого ящика, а только за 2 пуда 35 фун., тогда какъ ящикъ байховаго чая вѣситъ отъ 3 пудовъ до 3 пуд. 10 фун. и болѣе, слѣдовательно, извозчикъ на каждомъ возу бесплатно везетъ, среднимъ числомъ, два пуда съ половиной, считая по семи ящичковъ на возъ, да еще «пудъ съ дуги», и получится у доставщика въ экономіи отъ каждого воза пуда по три съ половиной, что и составитъ отъ Кяхты до Москвы рублей двадцать на каждый возъ.

Если чай отдается на доставку изъ Кяхты, то доставщикъ принимаетъ его въ таможенѣ въ то время, когда камышевые ящики еще не обшиты кожей, и «ходитъ на совокъ» каждый ящикъ; для удостовѣренія въ томъ, что онъ принимаетъ чай не испорченный, и дѣйствительно чай, а не что-либо другое. При сдачѣ чай перевѣшиваютъ, сначала въ камышевой его укупоркѣ, потомъ зашивъ въ кожу снова перевѣшиваютъ; вѣсъ каждого ящика въ обѣихъ укупоркахъ записывается подъ номерами въ фактуру; эта фактура подробно вписывается въ контрактъ; контрактъ свидѣтельствуется въ присутственномъ

¹ Въ Иркутскѣ бывали случаи возвышенія цѣны на доставку оттого, что изъ Кяхты одновременно отправлялись большія партіи чаевъ; въ продолженіе двухъ недѣль иногда въ Иркутскѣ накоплялось чая до двадцати и тридцати тысячъ ящичковъ; доставщики спѣшили нанимать извозчиковъ, а лошадей, предлагаемыхъ для перевозки грузовъ, оказывалось недостаточное количество, и цѣна на доставку росла съ каждымъ днемъ, такъ что вмѣсто 2 р. 50 к. съ пуда до Томска невольно приходилось платить по 4 рубля. Не платить этой цѣны было нельзя, такъ-какъ чай слѣдовало доставить въ срокъ и ожиданіе пониженія цѣны могло повести къ большимъ убыткамъ.

мѣстѣ и, какъ видитъ читатель, при такой аккуратности почти невозможна уграта чая безъ наказанія за это. Но ловкіе и опытные люди умѣли и, вѣроятпо, точно такъ же теперь умѣютъ безнаказанно нарушать всѣ строгія условія контракта.

Это дѣлается не очень хитро.

Черную работу перевозки ящиковъ съ чаемъ и сдачи ихъ доставщику, ни купецъ-собственникъ, ни коммисіонеръ его, конечно, сами исполнять не будутъ, и случается весьма часто такъ, что сами и не заглянутъ, что дѣлается при сдачѣ чая. Сдается онъ часто при 30° мороза зимою и при палящихъ лучахъ солнца лѣтомъ, а потому сдача его и поручается комунибудь изъ прикащиковъ. Прикащикъ этотъ, заранѣе условившись съ доставщикомъ чая или съ его довѣреннымъ, записываетъ вѣсъ чайныхъ ящиковъ фунтомъ, или полуфунтомъ менѣе; такъ этотъ вѣсъ и въ фактуру записывается и вносится въ такомъ же видѣ въ контрактъ. Для того, чтобы не было разности между вѣсомъ чая въ то время, когда принимали его отъ китайцевъ, ловкіе люди и тогда уже записывали его фунтомъ менѣе, а если этого почему либо не удавалось, то на вопросъ хозяина былъ готовъ давно задуманный отвѣтъ, что вѣсы въ гостиномъ дворѣ, или таможенные невѣрны; но, на сколько мнѣ помнится, подобныхъ вопросовъ никогда не поднималось: все было точно и вѣрно. Случалось, конечно, такъ, что мошенничество открывалось въ самый момептъ своего совершенія: хозяинъ, замѣтившій за прикащикомъ какіянибудь плутни, неожиданно являлся самъ на привѣску чая и начиналъ перевѣшивать ящики. Обманъ открывался и пощечины летѣли во всѣ стороны, но ими все и оканчивалось. Русскіе купцы, къ чести ихъ, нужно сказать, не любятъ таскаться по судамъ: пусть, молъ, Богъ его судить, а я прощаю, благо надавалъ ему хорошихъ затрещинъ и отказалъ отъ должности.

Купеческіе прикащики, живущіе на мѣстѣ и исполняющіе только приказанія своихъ хозяевъ, совсѣмъ не то, что обозные прикащики, обязанность которыхъ заключается въ томъ, чтобы препровождать чай отъ города до города, принимать ихъ отъ однихъ извозчиковъ и сдавать другимъ до слѣдующаго города.

Обозный прикащикъ въ Сибири называется: «ноготъ».

Когда онъ получилъ эту кличку и кто первый пустилъ ее на Божій свѣтъ, — я не знаю, но, по всему вѣроятію, сказалъ это слово извозчикъ-крестьянинъ, потому что, во время длиннаго пути, онъ болѣе другихъ видѣлъ всѣ тайныя и явныя дѣянія обознаго прикащика, и не разъ, вѣроятно, испытывалъ на своемъ карманѣ всю тяжесть послѣдствій дорожнаго безобразія прикащика и безтолковой растраты имъ денегъ. Эти послѣдствія неминуемо отражались на извозчикѣ-крестьянинѣ, въ видѣ вычета, за недостающій (будто бы) въ ящикахъ чай, за подмочку и порчу чая, за истертую кожу и пр. и пр. Вынесъ

извозчикъ на своихъ трудовыхъ плечахъ такіе незаконные вычеты, вздохнулъ, почесался, опять вздохнулъ и сказалъ свое грустное, вырвавшееся изъ глубины души слово: — «эхъ-ма, молодець! Не прикащикъ, братъ ты, и не чело вѣкъ, а просто; значить, ты ноготь, царапаешься прямо за сердце!»

И пошелъ гулять по свѣту отъ одного конца Сибири до другаго обозный прикащикъ подъ именемъ ногтя. — «Цапокъ ты, ровно ноготь!» говорятъ иногда крестьяне своему собрату, плутоватому чело вѣку. — «Нашему писарю ногтемъ бы быть» и т. д.

Кромѣ пуда тяжести «съ дуги», которую на каждомъ возу везетъ извозчикъ бесплатно, онъ также бесплатно везетъ и обознаго прикащика, для особы котораго должна быть отдѣльная телѣга или сани, слѣдовательно одна лошадь въ обозѣ идетъ тоже безъ вознагражденія за работу, хотя кормъ для нея во время пути доставляется на счетъ извозчиковъ.

Не смотря на эти уступки, сибирскіе извозчики не протестовали противъ нихъ и, слѣдовательно, не находили ихъ для себя слишкомъ тяжелыми...

Теперь обозный прикащикъ уже не то, чѣмъ былъ прежде, тому назадъ лѣтъ десять, пятнадцать; то время уже прошло и не возвратится ему никогда¹. Я говорю о томъ времени, когда кяхтинская торговля умѣла доказывать свое торговое значеніе поистинѣ знаменитымъ кяхтинскимъ хлѣбосольствомъ, когда въ лицѣ тридцати комиссіонеровъ было воплощено все торгующее па Кяхтѣ руссійское купечество. Бывало, къ концу обѣда, всѣ обѣдающіе вдругъ воодушевлялись благородною гордостью и въ глазахъ ихъ каждое обыкновенное чело вѣческое лицо кяхтинскаго комиссіонера представлялось во ста разнообразныхъ лицахъ московскаго и другихъ городовъ купечества.

— Друзья мои! — торжественно произносили, обращаясь другъ къ другу, кяхтинскіе комиссіонеры: — насъ осчастливили своимъ присутствіемъ всѣ купцы и негоціанты Русской Земли, облобызаемъ же ихъ за доставленную честь и удовольствіе.

И цѣловали другъ друга старые знакомые, воображая, что «лобызаютъ» всё руссійское купечество.

Да, въ то прошедшее время много было хорошаго, или, по крайней-мѣрѣ, казавшагося хорошимъ. Въ то знаменитое и — увы! невозвратно прошедшее время — тридцать кяхтинскихъ комиссіонеровъ, подъ фирмою «торгующаго на Кяхтѣ купечества», собирали съ cadaго вывозимаго ящика добровольную складку въ сорокъ и шестьдесятъ копѣекъ «на улучшеніе путей для торговли», и такимъ образомъ, въ продолженіе полувѣка пожинали ежегодно отъ

¹ Теперь и доставка чая изменила прежній характеръ: чай не отдаются, какъ прежде, на доставку прямо до Москвы, а сами собственники чая или ихъ комиссіонеры отправляютъ чай по дистанціямъ: изъ Иркутска до селенія Бирюсы (500 верстъ), отъ Бирюсы до Красноярска (500 верстъ), и т. д. Обозному прикащику уже нѣтъ свободы въ добываніи доходовъ, потому что хозяева не позволяютъ „ходить ящики иа совокъ“, а трбууютъ, чтобы ящики были доставлены въ Москву въ цѣлыхъ кожахъ безъ слѣда совошныхъ дыръ.

шести-десяти до девяноста тысячъ рублей серебромъ. Гдѣ же эти деньги? Гдѣ же пути сообщенія? На эти вопросы нѣтъ отвѣта и

„Пускай шумитъ волна морей —
Утесъ гранитный не повалитъ“.

Слава о кяхтинскомъ хлѣбосольствѣ извѣстна всему русскому торговому міру и московскому купечеству въ особенности; но странное дѣло! этотъ торговый міръ Русской Земли и достохвальное московское купечество, прежде спокойно платившіе съ cadaго ящика деньги въ добровольную складку и никогда не требовавшіе въ этихъ деньгахъ отчета, теперь, Богъ знаетъ отчего, начинаютъ почесывать свои затылки, морщиться и, несмотря на то, что самолично не принимали участія въ истребленіи кяхтинскихъ обѣдовъ, тѣмъ не менѣе, при одномъ воспоминаніи о нихъ, чувствуютъ большое разстройство пищеваренія, какъ будто всѣ кяхтинскіе обѣды вдругъ оказались не переваренными въ ихъ желудкахъ.

— Что это, господа комиссіонеры, — слышится тамъ и сямъ недовольная рѣчь: — что вы сдѣлали съ добровольной складкой, куда она подѣвалась?

— На почтеннѣйшее письмо имѣемъ честь почтительнѣйше донести, что у насъ на Кяхтѣ все обстоитъ благополучно, — смиренно отвѣчаютъ кяхтинцы.

— Нѣтъ, позвольте, позвольте! — снова слышатся недовольные голоса: — у васъ совсѣмъ не благополучно, ваша торговля падаетъ, вы не можете конкурировать съ чаями, привозимыми моремъ, у васъ нѣтъ путей сообщенія, у васъ израсходованы бесполезно всѣ дсныги, собираемыя въ добровольную складку...

Кяхтинцы начинаютъ покашливать, прикрывъ руками рты, втихомолку почесываются и стараются отмолчаться, но вопросы дѣлаются всё чаще и громче и наконецъ доходитъ до того, что кяхтинскіе комиссіонеры наконецъ чувствуютъ, какъ вкусные обѣды начинаютъ разрушительно дѣйствовать на ихъ желудки. Они торопливо схватываютъ со стола перья и спѣшатъ успокоить разгнѣванное купечество, торгующее на Кяхтѣ.

— На почтеннѣйшее письмо ваше почтительнѣйше имѣемъ честь отвѣтствовать...

— Нѣтъ, нѣтъ, не то! — слышится опять голосъ: — вы старайтесь какъ-нибудь поддержать торговлю, просите сбавки пошлины, просите запрещенія ввоза чая чрезъ европейскія границы.

И кяхтинскіе комиссіонеры начинаютъ писать самыя жалобныя прошенія, добиваются, наконецъ, сбавки пошлины, но это нисколько не помогаетъ дѣлу, и торговля рушится даже безъ всякаго шума.

Какая же причина упадка торговли?

Достоуважаемый И.Н., напечатавшій брошюру «О русской торговлѣ съ Китаемъ», доказываетъ рядомъ цифръ и вычисленій, что кяхтинская торговля

упала оттого, что ей невозможно соперничать съ чаемъ, привозимымъ морскимъ путемъ, и что, кромѣ того, кяхтинскую торговлю постоянно давила контрабанда кантонскаго чая, противъ вторженія которой не принимали въ свое время необходимыхъ строгихъ мѣръ. Но что бы ни говорилъ достоуважаемый И.Н., какія бы цифры ни выставялъ, но ими никакъ не закрыть тѣхъ яркихъ пятенъ, которыя все-таки не перестаютъ рѣзать глаза. Пятна эти — безопасность, недалёковидность и отдѣленіе своихъ собственныхъ интересовъ отъ интересовъ общественныхъ. Извѣстно всѣмъ торговавшимъ на Кяхтѣ, что было время, когда на каждый фунтъ чаю, при оптовой торговлѣ, оставалось купцамъ пользы отъ двадцати до пятидесяти копѣекъ серебромъ, а какъ видно по вычисленіямъ И.Н., въ 1856 и слѣдующихъ годахъ, вывозъ чая чрезъ кяхтинскую таможену достигъ до 13 618 000 фунтовъ, слѣдовательно было отъ чего удѣлять торгующему на Кяхтѣ купечеству на то, чтобы эта торговля поддерживалась не искусственно, съ помощью запретительной системы, а сама по себѣ, чтобы эта торговля существовала независимо и не нуждалась бы въ покровительствѣ; а для этого нужно было первѣе всего заботиться о путяхъ сообщенія, объ изученіи китайской торговли, чего не дѣлалось до того времени. пока иностранцы не добились права свободно проникать внутрь Китая... За ними слѣдомъ поплелись и мы и, конечно, долго еще не займемъ перваго мѣста тамъ, гдѣ есть другіе европейцы.

Возстановится ли когда наша торговля съ Китаемъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ она производилась въ Кяхтѣ, я не могу ничего сказать, потому что это не моя задача, и потому обращаюсь къ описанію дѣятельности обознаго прикащика — ногтя.

Извозчики навалили ящики съ чаемъ на воза, закрыли ихъ наглухо рогожами¹, увязали крѣпко веревками, и, помолившись на церковь, тронулись въ путь, и съ ними вмѣстѣ отправился обозный прикащикъ-ноготь. Этотъ одновременный выѣздъ бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда хозяинъ имѣетъ нравъ крутой и держитъ прикащиковъ, какъ говорится, въ ежовыхъ рукавицахъ; но если прикащику есть возможность избавиться отъ одновременнаго выѣзда съ обозомъ, то онъ считаетъ святою обязанностью воспользоваться этимъ. «Какъ же выѣхать въ дальнюю дорогу и не сдѣлать провадинъ?» — спрашиваетъ самъ себя обозный прикащикъ, и вмѣстѣ съ товарищами отвѣчаетъ, что это невозможно, что было бы просто свинство выѣхать въ путь безъ провадинъ.

И устраиваются провадины.

По прошествіи извѣстнаго времени, отъѣзжающій обозный прикащикъ изъ живаго человѣка превращается въ пукъ соломы; вваливаютъ его въ экипажъ и

¹ Рогожи въ Сибирь привозятся изъ Россіи и цѣна на нихъ бываетъ иногда до 1 р. 50 к. за рогожу!

увозить почтовая тройка безчувственного человека от его друзей, остающихся в таком же, как и он, положении. Иногда проводины продолжаются столько времени, что обозъ успевает дойти до третьей станции, пока обозный прикащик догонит его. Значит, проводины бывают очень веселы.

Во время своего длинного пути, обозный прикащик видит вверенный его попечению обозъ только во время стоянок на постоянных дворах. Он, большею частью, разъезжает от станции до станции на сытых лошадяхъ содержателей постоянныхъ дворовъ, догоняет и обгоняет обозъ, и, примчавшись на слѣдующій постоянный дворъ, отдыхает, спитъ или веселится до прихода обоза. Обозъ, шагъ за шагомъ, медленно двигаясь и поскрипывая, доплетется до постоялаго двора, извошки отдохнутъ, покормят лошадей, снова запрягутъ ихъ въ воза и снова медленно потянутся вдоль большой сибирской дороги; идутъ они около своихъ возовъ, считая от скуки придорожные столбы и оглядываясь по сторонамъ, чтобы какъ грѣхомъ не подобрался дорожный воръ и не срѣзалъ бы съ воза ящика съ чаемъ; а обозный прикащикъ въ это время все еще нѣжится на постояломъ дворѣ, и не думаетъ тронуться съ мѣста. Онъ не знаетъ какъ уколотить время; длинный лѣтній день кажется ему годомъ; томитъ и давитъ его тоска, и не знаетъ онъ другаго исхода изъ своего однообразнаго положенія, кромѣ сна, выпивки, отчаянной гоньбы на лошадяхъ дворника, да утѣшенія своей испорченной природы надеждою задать хорошей, разухабистый кутежъ, на первой перевалкѣ чаевъ, то есть въ городѣ Томскѣ. Ни природа, видоизмѣняющаяся на каждыхъ ста верстахъ, ни сотни селеній, каждое съ своими нравами и обычаями, — ничто не занимаетъ скучающаго обознаго прикащика: все это ему чуждо и дико, какъ и самъ онъ себѣ чуждъ и дикъ. Содержатель постоялаго двора иной разъ ждетъ-ждетъ отъѣзда обознаго прикащика и начинаетъ, наконецъ, тревожиться за участь своихъ лошадей.

«Загонить онъ ихъ, окаянный», думаетъ дворникъ: «опосля жди, заплатитъ ли онъ за нихъ, либо еще не заплатитъ! да неровно какъ хозяинъ-то его самого съ этой должности къ шею протурить, либо, чего добраго, водки этой облопается, тогда и пиши, — пропало».

Набѣгаютъ такія мрачныя мысли въ голову озабоченнаго дворника, и начинаетъ онъ дѣлать разные дипломатическіе подходы къ особѣ, такъ долго у ней загостившейся. Иной разъ особа скоро поддается хитрости дворника, и уѣзжаетъ, а случается и такъ, что выжить гостя — нѣтъ никакихъ силъ, и не помогаютъ никакія хитрости. Въ продолженіе моихъ частыхъ путешествій съ одного конца Сибири до другаго, мнѣ не разъ случалось встрѣчать обозныхъ прикащиковъ въ то время, когда они «отдыхаютъ» на постоянныхъ дворахъ. Помню, однажды я долго оставался въ деревнѣ за починкой экипажа. При мнѣ

пришелъ обозъ, и при мнѣ же онъ и въ путь тронулся. Обозный прикащикъ, приѣхавшій въ деревню раньше обоза, проспалъ всё время, пока извошки кормили коней. Наступила ночь. Проснулся прикащикъ, и въ избѣ дворника началась гулянка. Я ночевалъ въ экипажѣ, и почти до утра не могъ заснуть отъ визга, крика и пѣсенъ. Утромъ я зашелъ въ избу. Дворникъ сидѣлъ у окна, и мрачно смотрѣлъ на пожелтѣвшее осеннее поле. Обозный прикащикъ лежалъ на печи и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ. Хозяйка дворника давно уже приготовила прикащику «закусить на дорожку», но онъ не слѣзалъ съ печи. Всѣ молчали, ожидая, что прикащикъ вотъ-вотъ встанетъ и велитъ залрягать коней, но время шло, и прикащикъ не вставалъ. Дворникъ, наконецъ, поднялся со скамьи, подошелъ къ печкѣ и тихо, нерѣшительно спросилъ:

— Ягоръ Кузьмичъ!

Отвѣта не было, только мурлыканье началось громче.

— А Ягоръ Кузьмичъ!

— Н-ну? — раздражительно спросилъ ноготь.

— Вставать бы надо... Закуска тебѣ заготовлена на дорогу... важнецкая.

Ноготь замурлыкалъ опять. Дворникъ помолчалъ, почесался и снова началъ:

— Ъхать бы таперича хорошо... Сподручно бы... Обозъ, чай, таперича благополучно... тово... дошелъ до станка...

— Ну! а еще чево? — сердито спросилъ ноготь.

— А еще то, что закуска тебѣ... важнецкая!.. Вставай, Ягоръ Кузьмичъ...

Ноготь попросилъ водки, приложился губами къ полуштофу, и вмѣсто того, чтобы пить, облилъ только себѣ грудь и лицо виномъ; затѣмъ онъ сошелъ съ печи.

— Вотъ такъ, Ягоръ Кузьмичъ! Вотъ, братъ, это славно! Молодецъ! — ласково заговорила жена дворника.

— Чево-о? — грозно спросилъ ноготь.

— Я, говорю вотъ, батюшка, что ты у насъ молодецъ бравоу, сла-а-вноу! — похвалила опять хозяйка ногтя, какъ хвалятъ родители раскапризвившееся дитя.

— Молчать можешь...

— Ты, Ягоръ Кузьмичъ, не серчай... Она у меня баба такъ... съ простоты...

— Н-ну?

— То-то я говорю... Закусывать-то будешь, али такъ поѣдешь? — ласково спросилъ дворникъ.

— Я не поѣду... до вечера еще буду отдыхать...

— Не шути... Пора въдъ: обозъ теперъ далеко ушелъ.

Ноготь молчалъ.

— Обозъ теперъ, надо такъ думать... верстъ пятьдесятъ...

— Я завтра по утру поѣду...

Долго еще дворникъ уговаривалъ ногтя, но видя, что ласковое обращеніе не помогаетъ дѣлу, началъ укорять ногтя въ дурномъ поведеніи. Ноготь разсердился, закричалъ и полѣзъ къ дворнику съ кулаками.

— Ягорь! Гляди ты у меня въ оба. Я-тѣ

какъ двину...

— Что-о? что-о? — закричалъ во все горло ноготь.

— А то, что я смотрю, смотрю, да какъ погоню тебя изъ своего двора въ шею!

Поднялся гамъ, крикъ, и ноготь безъ фуражки выбѣжалъ на улицу, зѣвая на всю деревню, что дворникъ такой сякой, и проч. У воротъ собралась толпа крестьянъ и крестьянокъ. Дворникъ выбросилъ ногтю фуражку и заперъ ворота. Черезъ нѣсколько времени по улицѣ деревни отчаянно неслась тройка лошадей въ телѣгѣ; въ ней лежалъ пьяный ноготь, и, проѣзжая мимо дома дворника, отчаянно ругался. Крестьяне рассказывали, что ноготь нанялъ тройку за 10 руб. до слѣдующей станціи, то есть за 25 верстъ, съ условіемъ ѣхать во всю лошадиную прыть.

Но подобные случаи ссоръ дворниковъ съ обозными прикащиками бываютъ не часто. Обыкновенно разставанье дворника и обознаго прикащика имѣетъ мирный характеръ, потому что дворникъ, по своей спеціальности, дорожить приходомъ обоза на стоянку и поэтому старается угодить прикащику, чтобы онъ «на предки» не забылъ его двора. Лошадей, для проѣзда отъ одной стоянки до другой, обозный прикащикъ всегда получаетъ бесплатно, то есть не платитъ деньгами, а даетъ дворнику въ подарокъ фунта три-четыре совошнаго чаю. Иногда дворникъ, пользуясь своими дружескими отношеніями къ обозному прикащику, набавляетъ плату за овесъ и сѣно, отпускаемые извозчикамъ, за что послѣдніе начинаютъ жаловаться, браниться, и грозятъ съѣхать на другой постоялый дворъ. На дворѣ долго слышится шумъ и брань. Дворникъ божится, клянется и увѣряетъ, что онъ назначаетъ цѣну на кормъ точно такую же, какая существуетъ и на другихъ постоялыхъ дворахъ; извозчики дружно возстаютъ противъ дороговизны, и клятвы дворника пропадаютъ безслѣдно. Обозный прикащикъ гнѣвается и не позволяетъ, чтобы обозъ переѣзжалъ на другой постоялый дворъ; но, составивъ общую оппозицію, извозчики уже не обращаютъ никакого вниманія на гнѣвъ прикащика и поворачиваютъ коней вонъ изъ двора. Видя свое неизбѣжное пораженіе, дворникъ начинаетъ ластиться, какъ собака, завидѣвшая жирную кость, и, унижаясь и кланяясь, кой-какъ улаживаетъ свои торговья дѣлишки.

Идетъ день за днемъ, двигается обозъ отъ деревни до деревни и добирается, наконецъ, дней чрезъ тридцать или сорокъ, до гор. Томска, то есть до мѣста первой перевалки чаевъ отъ однихъ извозчиковъ къ другимъ.

Приёмка чая въ Томскѣ. — Доставщики евреи. — Дорожные воры и ихъ продѣлки.

При перевалкѣ чаевъ, какъ въ Томскѣ, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ, въ которыхъ чай передаются отъ однихъ извозчиковъ къ другимъ, — всѣ чайные ящики перевѣшиваются въ кожѣ, для удостовѣренія въ томъ, что изъ ящиковъ чай не выкраденъ. Послѣ перевѣски каждый ящикъ «ходятъ на совокъ», чтобы узнать, не испортился ли чай во время пути. Если случается подмочка, утрата или порча чаю, то извозчики должны отвѣчать за это личными деньгами, т.е. вычетомъ изъ дорожнаго заработка, а въ случаѣ недостатка суммы этихъ заработковъ, у извозчиковъ отбираютъ лошадей, телѣги, сбрую и проч. и продаютъ для удовлетворенія убытка.

Чай можетъ испортиться во время пути и от того, если лошадь, идущая за возомъ, идетъ очень близко къ нему и постоянно держитъ голову внизъ, такъ что ея дыханіе касается воза и такимъ образомъ проникаетъ внутрь чайныхъ ящиковъ. Это, повидимому, маловажное обстоятельство, производитъ такое дѣйствіе на чай, что онъ отсыриваетъ, получаетъ несвойственный ему запахъ и, слѣдовательно, теряетъ свою цѣну*). Такой испорченный чай называется «надышалый» и его всегда можно отличить отъ другаго чая при первомъ обоняніи. Извозчикъ, не присматривавшій за своею лошадыю, и товарищи его, не заботившіеся во время пути о своихъ возахъ, должны надышалый чай взять себѣ и заплатить за него деньги по цѣнѣ существующей въ томъ городѣ, въ которомъ они сдавали чай. Бывали такіе случаи, что въ ящикахъ, при повѣркѣ ихъ, оказывалось вмѣсто чаю множество камней, песку, и однажды мнѣ пришлось видѣть въ ящикѣ вмѣсто чая овесъ: тотъ, кто вынулъ чай изъ ящика, разшивалъ на немъ кожу и для того, чтобы незамѣтно было разницы въ вѣсѣ ящика, нагружалъ его камнями и т.п. и потомъ снова зашивалъ чай; но это грубое мошенничество, по большей части, раскрывалось, потому что всегда почти замѣтна неопытная работа зашивки ящика. Такой грѣхъ иногда падаетъ на самихъ извозчиковъ, иногда, на постояломъ дворѣ, работникъ дворника, пользуясь удобнымъ случаемъ, сдѣлаетъ такое воровство; но бывали случаи, что подобныя штуки исполнялись самими обозными прикащиками, которые и взыскивали потомъ деньги съ извозчиковъ за недостачу чая. Къ чести русскаго человѣка, нужно сказать, что ничего подобнаго за русскими обозными прикащиками никогда не было замѣчено, не смотря на всѣ ихъ дорожныя безобразія. Въ такомъ подломъ и позорномъ дѣлѣ, лѣтъ восемь тому назадъ, были замѣчены еврейскіе обозные прикащики. — «Ужъ наши ли русскіе ноги

— не ногти, а ужъ эти евреи — ногти изъ ногтей, — дивились крестьяне — вотъ ужъ именно можно о нихъ сказать, что на цѣломъ мѣстѣ дыру вертятъ!»....

Еврейскіе обозные прикащики не разъ такимъ способомъ обижали бѣдныхъ извозчиковъ, и долго впослѣдствіи мнѣ случалось слышать крестьянскіе жалобы на этихъ іерусалимскихъ дворянъ. Для характеристики такого рода происшествій я считаю нелишнимъ помѣстить здѣеъ разсказъ крестьянина-извозчика, пострадавшаго вмѣстѣ съ другими отъ еврейскаго мошенничества.

— Ъхали мы, — разсказывалъ мнѣ извозчикъ, — съ чайнымъ обозомъ, взяли доставку въ Иркутскомъ городѣ, отъ доставщика еврея. Мужикъ онъ былъ, кажись, ничего, ну только ногтя намъ на дорогу далъ такого, что мы отъ него вдосталь наплакались. Пить дорогой не пилъ и не куралъ силъ, а, пожалуй, хуже всякаго пьянаго... Ъхали мы такъ-то, терпѣли отъ него всякую брань, — то ему не такъ, другое не этакъ, — бѣда! Ну, да это бы ничего, а только замѣтили мы на одной кормежкѣ лошадей, что ноготь куда-то уѣзжалъ съ постоялаго двора, пріѣхалъ поздно и что-то съ собой привезъ, а было это въ Ачинскомъ городѣ, на постояломъ дворѣ, у еврея, и стало быть за триста верстъ отъ города Томска. А про городъ Ачинскъ говорить вамъ нечего, потому, сами знаете, что въ этомъ городѣ половииа жителей евреи. Вотъ привезъ что-то нашъ прикащикъ обозной и положилъ къ дворнику въ амбарушку. Чево онъ привезъ и зачѣмъ въ амбарушку положилъ, намъ это было невдомекъ, да и не для чего-бы, кажись, и знать намъ о томъ. Толь ко, поздней ночью, дворникъ съ нашимъ обознымъ опять ходили въ амбарушку и ходили они туда съ фонаремъ и возъ одинъ изъ нашего обозу развязывали. Въ тѣ поры, еще нашъ парень, караульной, — Семеномъ звать, — ихъ опросилъ, зачѣмъ, молъ, такъ поздно по двору съ фонаремъ ходите и возъ развязываете. Прикащикъ на эти слова облаялъ парня всячески, да тѣмъ и кончилъ. Утречкомъ Семень намъ говоритъ, такъ и такъ, братцы товарищи, — то- то и то-то ночью было. Мы стали осматривагъ воза, осмотрѣли, пересчитали ящики, — всё цѣло. Думаемъ: слава Богу, все благополучено! Только спрашиваемъ этого еврея, прикащика нашего, зачѣмъ онъ возъ развязывалъ и съ фонаремъ въ полночь ходилъ? «А я, говоритъ, дворнику пробу чая показывалъ, потому, говоритъ, онъ хотѣлъ чаю ящика три купить». — «Точно, точно», заюлилъ и еврей-дворникъ. Съ тѣмъ мы и со двора съѣхали, думаемъ, слава Богу, Ачинской городъ безъ грѣха миновали; а какъ пришли въ Томской, да какъ насъ огорошили тѣмъ словомъ, что въ одномъ ящикѣ, вмѣсто чая, овесъ насыпанъ, тутъ-то мы все и поняли, тутъ-то вспомнили Ачинской городъ! Пошли по суду, прохарчились въ Томскомъ-то, а дѣла своего не выхарчили: содрали съ насъ евреи за ящикъ чаю сто двадцать рублейъ серебра, — что дѣлать- то, заплатили, подѣлили грѣхъ на всю артель свою.

Но кромѣ этого наглаго мошенничества, чайный обозъ очень часто подвергается другимъ опасностямъ: по всему длинному пути извозчики должны оберегать свои воза отъ дорожныхъ воровъ. Дорожное воровство существовало и существуетъ по всему пути, но въ особенности около городовъ Ачинска, Томска и Кунгура. Въ другихъ мѣстахъ воры хотя выбираютъ время удобное для воровства и, пользуясь только случаемъ, воруютъ изъ обоза ящики съ чаемъ; но въ означенныхъ городахъ и въ сосѣднихъ съ ними селеніяхъ воровство до того развито, что иногда на обозъ почти нахально лѣзутъ дорожные воры; они составляютъ собою шайки человекъ отъ пяти до двадцати. Это не ссыльно-каторжные, убѣжавшіе съ заводовъ, на которые были сосланы, — нѣтъ: дорожные воры состоятъ большею частью изъ поселенцевъ, изъ городскихъ мѣщанъ, иногда, впрочемъ, и крестьянинъ участвуетъ въ этомъ обществѣ. Что же касается ссыльно-каторжныхъ, убѣгающихъ съ заводовъ, то они никогда не беспокоятъ ни обоза, ни проѣзжающихъ, потому что имъ не нужно ни чаю, ни товаровъ, ни денегъ, — они просятъ только хлѣба, для чего иногда останавливаютъ проѣзжающихъ, да и на это рѣшаются только въ крайнихъ случаяхъ, когда ихъ скудные запасы совсѣмъ истощаются.

Дорожные воры занимаются своимъ постыднымъ ремесломъ слѣдующимъ образомъ. Они выжидаютъ прихода обоза, и для этого часто отправляютъ впередъ версть за 30 и за 50 загонщика, узнать, когда обозъ будетъ проходить мимо какого-нибудь удобнаго для воровства мѣста. Загонщикъ уѣзжаетъ впередъ, разузнаетъ все, что ему нужно; иногда и на постоялый дворъ заберется, узнать — скоро ли извозчики тронутся въ путь, и потомъ возвращается къ своимъ товарищамъ. — Ну, такъ, ребята, пора за дѣло! Прячутся воры въ лѣсу, или подъ мостомъ, или гдѣ-нибудь въ оврагѣ, и ждутъ, когда будетъ проходить обозъ. Пользуясь дремотою извозчиковъ, утомившихся во время пути, воры подкрадываются къ возу, обрѣзываютъ у него веревки, сваливаютъ ящики на дорогу, и только-что обозъ отойдетъ сажень на пятьдесятъ, какъ ящики уже навалены на телѣгу, и воры гонятъ куда-нибудь внутрь лѣса, или вдаль поля. Иногда извозчики успѣваютъ замѣтить воровство вовремя и не дадутъ ворами навалить ящики на свою телѣгу; бывало и такъ, что чай снимали съ воза, и извозчики долго не могли замѣтить воровства: идетъ себѣ обозъ шагъ за шагомъ, никто и не воображаетъ о воровствѣ, а между тѣмъ послѣдній возъ въ обозѣ давно раскрытъ и обозъ уже версть десять удалился отъ мѣста воровства. Зимой дорожныхъ воровъ трудно бываетъ замѣтить, потому что они одѣваются въ бѣлую одежду, чтобы не отличаться отъ цвѣта снѣга; ходятъ они на лыжахъ и потому имъ доступенъ всякій путь, и по бездорожью, по глубокому снѣгу. Подкрадется такой бѣлый молодецъ къ возу, распластаетъ своимъ острымъ

ножомъ веревки, и прикурнетъ гдѣ-нибудь около дороги, — ну кто его замѣтитъ? — отойдетъ обозъ сажень пятьдесятъ, сто, а тамъ другой молодецъ, тоже одѣтый въ бѣлое, ждетъ своей очереди и знаетъ что его предшественникъ приготовилъ ему работу — разрѣзалъ впереди веревки, слѣдовательно, немного уже нужно времени для того, чтобы раскрыть рогожи и свалить ящики на дорогу; а въ сторонѣ давно уже ожидаетъ спрятанная въ кустахъ, или подъ мостомъ лошадь. Бываетъ, конечно, и такъ, что извощики замѣтятъ воровъ в то время, когда они готовятся веревки обрѣзывать, но поймать-то ихъ не смогутъ: воры же надъ ними смѣются, стоя на глубокомъ саженномъ снѣгу и помахивая своими ножами. Извощики поругаются, погрозятъ ворами и, видя, что ихъ никакъ не догнать, снова отправляются въ путь, оглядываясь на всѣ стороны; но воры не дремлютъ: за тѣмъ же обозомъ, извощики котораго уже замѣтили ихъ, они снова слѣдятъ, и только прозѣвай извощикъ минутъ пять, шесть — и ящиковъ двухъ, трехъ какъ не бывало.

За то ужъ если попадется дорожный воръ въ руки извощиковъ, то ему приходится жутко: возвратится онъ отъ нихъ или уродомъ, или калѣкой, а иногда и совсѣмъ не возвратится, — тутъ же на дорогѣ и жизнь свою покончить.

— Одново разу, — рассказывалъ мнѣ крестьянинъ, ѣздившій при чайныхъ обозахъ: — ѣхали мы съ чайнымъ обозомъ. Около города Кунгуру много приняла горя да заботы, оберегаячи обозъ отъ дорожныхъ воровъ. Три раза они, проклятые, на нашъ обозъ набѣгали и во всѣ три раза успѣвали срѣзать ящики съ возовъ, ну только Господь-Батюшка помогалъ, — отнимали мы кажинной разъ эти ящики назадъ, а самихъ воровъ поймать никакъ не могли. Въ послѣдній, это стало быть въ третій-то разъ, одинъ изъ воровъ не успѣлъ на своихъ лыжахъ-то улизнуть, какъ мы его окружили со всѣхъ сторонъ. Ножъ у него, у изверга, большущій такой былъ въ рукахъ: такъ онъ имъ и машетъ. Машетъ онъ этимъ ножомъ на всѣ стороны, такъ что и подойти къ нему боязно. Только у насъ на возу лежали запасныя оглобли; выхватилъ кто-то изъ нашихъ ребятъ эту оглоблю, да какъ шарахнетъ вора по башкѣ, онъ зашатался, зашатался и упалъ на снѣгъ. А ночь была свѣтлая, лунная; онъ весь въ бѣломъ, инда его отъ снѣгу-ту не отличишь. Упалъ онъ въ снѣгъ, да было ползкомъ хотѣлъ по снѣгу-то, ну да мы ужъ не обробѣли, навалились на него и ножъ перво-на-перво вырвали изъ рукъ. И принялись мы этого вора бить. Били, били, да думаемъ, что съ нимъ теперичка дѣлать? Оставить его, — отдохнетъ собачій сынъ, опять будетъ воровать, а убить, думаемъ, грѣхъ: все-же какой ни на есть, а человѣкъ, Божье созданье. Подумали мы такъ-то, да и порѣшили выколоть ему глаза: по крайности однимъ воромъ меньше будетъ, — ну и ослѣпили его.

— Вы бѣ его лучше отдали міру на судъ.

— Міръ что ему сдѣлаеть? Міръ ему глаза выколоть не смѣеть.... Что-жъ міръ? Накажетъ его да и только. По начальству ежели отдать, такъ тутъ грѣха не оберешься: пойдетъ слѣдствіе да допросы всякіе, а наше дѣло такое — ѣхать надо, потому кладъ у насъ срочная. Нѣтъ, оно лучше, коли его ослѣпить, варвара: воровать не будетъ...

Во время осеннихъ темныхъ ночей, извощики ставятъ на воза фонари съ горящими свѣчами, чтобъ на сколько возможно болѣе наблюдать за цѣлостью обоза; но такіе обозныя предостереженія дорожные воры стараются уничтожить и кидаютъ въ фонари камнями; стекла разбиваются и вѣтеръ задуваетъ свѣчи. Извощики ругаются, въ отвѣтъ на это они слышатъ брань то съ той, то съ другой стороны дороги, а кто бранится, — тѣхъ не видать: ночь темная, осенняя, иногда дождь ливня льетъ, и хотѣлось бы извощику укрыться подъ рогожу и лежать на возу, а дорожные воры не даютъ покоя. И идутъ извощики съ дубинами въ рукахъ, каждый у своихъ воевъ, идутъ и оглядываются, а дождь хлещетъ въ лицо и вѣтеръ срываетъ шапки и тутъ же вмѣстѣ съ сердитой непогодой, недобрый воръ ищетъ случая воспользоваться чужимъ трудовымъ добромъ. Замѣчая, что обозъ охраняется строго, дорожные воры со злости кидаютъ въ извощиковъ камнями и иногда верстъ десять преслѣдуютъ обозъ. Всего чаще извощики стараются въ такихъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ слишкомъ развито дорожное воровство, проѣхать днемъ. Около Ачинска, напримѣръ, обозы всегда проходятъ днемъ, а въ 1860 годахъ въ началѣ, около этого города, ночью, и на почтовыхъ ѣздили подъ охраною вооруженныхъ казаковъ, потому что дорожныя воровства приняли характеръ разбоя и грабежа.

Мнѣ случалось не одинъ разъ встрѣчать на дорогѣ партіи воровъ, выжидающихъ обоза; и всѣ эти встрѣчи обыкновенно оканчивались тѣмъ, что я ѣхалъ своей дорогой, а воры своей; однажды даже я наѣхалъ на чайные ящики лежащіе на дорогѣ: воры свалили ихъ съ воза и не успѣли убрать съ дороги, какъ слышали звонъ почтоваго колокольчика, и спрятались. Я сначала не понялъ, что лежитъ на дорогѣ, и хотѣлъ было остановить своего ямщика, но ямщикъ мнѣ не посовѣтовалъ останавливаться. — «Ты, баринъ, лучше сиди, пока цѣль, а то мы съ тобой какъ сунемся въ чужое дѣло, такъ пожалуй у насъ и наше-то отнимутъ». Такъ мы и поѣхали дальше, не останавливаясь. Но однажды встрѣча моя съ дорожными ворами перепугала меня не на шутку, не смотря на то, что мнѣ не разъ случалось бывать въ опасности, и однажды я былъ даже ограбленъ крестьянами, подговорившими моего ямщика, который и завезъ меня въ лѣсъ, гдѣ и обобрали у меня все, что было; но встрѣча съ дорожными ворами меня перепугала совсѣмъ иначе. ѣхалъ я тогда въ Забайкальскую область. Не доѣзжая ста верстъ до Томска, я не захотѣлъ оставаться ночевать на станціи Проскоковой, не смотря на то, что

тогда очень много говорили про дорожные воровства. «Ну чтожъ, думаю, за бѣда, дорожные воры грабить почтовый экипажъ не рѣшатся», — и поѣхалъ. Ночь была темная, дождливая. Ямщикъ мой сначала очень храбрился, но чѣмъ далѣе мы уѣзжали отъ станціи, чѣмъ глубже забирались внутрь густаго хвойнаго лѣса, тѣмъ чаще сталъ оглядываться мой ямщикъ. Черезъ нѣсколько времени за моимъ экипажемъ началъ слышаться звукъ почтоваго колокольчика, я поднялся на ноги и посмотрѣлъ, но, плохо видя въ темнотѣ, крикнулъ: — Кто тамъ ѣдетъ? — Ямщикъ, со станціи возвращаюсь, — былъ грубый отвѣтъ. Однако это не ямщикъ, подумалъ я. Отѣхали еще версты двѣ, ѣхавшій сзади сталъ насъ обгонять, я прикрикнулъ на своего ямщика и не велѣлъ оставаться назади. Поѣхали крупной, крупной рысью; я въ это время зажегъ дорожный фонарь и не успѣлъ его вставить на мѣсто, какъ лошади вдругъ шарахнулись въ сторону и насъ обдало запахомъ махорки: свѣтъ отъ моего фонаря упалъ на толпу воровъ, стоявшихъ на дорогѣ съ дубинами въ рукахъ; ихъ было человекъ до пятнадцати. Ямщикъ мой не сробѣлъ, ударилъ лошадей и мы погнали во весь духъ. Я стоялъ на ногахъ въ экипажѣ и смотрѣлъ назадъ: за нами гнались на верховыхъ, никого не было видно, но только слышался стукъ копытъ и мелькала вдали бѣлая лошадь. Мчались мы долго, долго; порою экипажъ дѣлалъ невѣроятные прыжки въ рытвинахъ и ямахъ, впереди ничего не было видно въ темнотѣ и, только благодаря смѣтливости лошадей, мы спаслись отъ смерти... то есть не отъ дорожныхъ воровъ намъ грозила смерть, — они-бъ насъ не убили, а только обобрали-бъ все, но намъ угрожала смерть въ оврагѣ, от того что въ темнотѣ и при сильной ѣздѣ мы чуть было не влетѣли въ оврагъ, — кони сами замѣтили, что мчатся не туда куда нужно и, круто повернувъ направо, промчали нашъ экипажъ по животрепещущему мосту.

— А оврагъ этотъ глубокой! — крикнулъ мнѣ ямщикъ, когда уже мы были за мостомъ. Я чувствовалъ, какъ волосы на моей головѣ поднимаются кверху...

Кончился лѣсъ. Лошади неслись по полянѣ. На встрѣчу намъ шелъ обозъ съ зажженными на возахъ фонарями; мы остановились и закричали къ обозу. Подошли извозчики и, немного думая, послѣ нашего извѣстія о ворахъ, повертели обозъ назадъ въ деревню, чтобы дожидаться утра.

Бывали случаи, что ящики съ чаемъ воровали изъ обоза днемъ, въ то время, когда обозъ шелъ по большой дорогѣ и даже не въ глухомъ лѣсу, а по степной открытой мѣстности; въ этомъ случаѣ виноваты, конечно, были сами извозчики, потому что, надѣясь на безопасность мѣста, распускали лошадей идти какъ имъ вздумается: иногда обозъ въ сто или двѣсти лошадей растягивался по дорогѣ версты на двѣ. Стоитъ, наприимѣръ, жаркая лѣтняя погода, извозчики лежатъ на возахъ вверхъ спинами и спятъ; иногда уставшая лошадь такъ далеко отстанетъ отъ обоза, что даже скроется изъ виду; такого

случая только и ожидаютъ дорожные воры: они заваливаются на цѣлые дни гдѣ-нибудь подѣ мостомѣ, подѣ кустомѣ, или въ канавкѣ около дороги, и выжидаютъ своей добычи. Попадется имѣ такой сонный обозѣ, остановятъ они отставшую лошадь, обрѣжутъ на возу веревки, снимутъ ящикъ или два, и снова спрячутся въ своей засадѣ. Пока извошки проснутся, опомнятся, а воры въ это время уже успѣютъ иной разѣ и домой убраться.

Однажды былѣ забавный случай. Извошниковѣ за ихѣ безпечность и сонливость проучилѣ исправникѣ. Это было въ Восточной Сибири.

Вѣ жаркѣй лѣтнѣй полдень ѣхалѣ исправникѣ по большой дорогѣ въ то время, когда извошки распустили свои воза и, надѣясь на безопасность мѣста, спали на возахѣ вверхъ спинами. Догналѣ исправникѣ обозѣ. Ямщикѣ закричалѣ, чтобѣ обозѣ далѣ дорогу, но извошки не слышали его крика и продолжали себѣ нѣжиться на солнцѣ, похрапывая на всю дорогу. Долго кричалѣ ямщикѣ и наконецѣ сталѣ обѣзжать обозѣ стороной, не дожидаясь того, когда извошки дадутѣ дорогу. Исправникѣ выглянулѣ изѣ экипажа, замѣтилѣ спящихѣ извошниковѣ, остановилѣ одинѣ изѣ возовѣ и собственноручно сдѣлалѣ покражу: положилѣ къ себѣ въ экипажѣ два ящика чаю. Пока извошки проснулись, пока замѣтили, что одинѣ изѣ возовѣ развязанѣ и рогожи тянутся по дорогѣ, поднимая пыль, — въ это время исправникѣ ѣхалѣ уже впереди обоза и подсмѣивался надѣ испугомѣ и печалью извошниковѣ, остановившихся посреди дороги въ тяжеломѣ раздумѣ о своемѣ несчастѣи. Приѣхалѣ исправникѣ на станцію и остановился въ ней до прихода обоза. Поздно вечеромѣ доплелся обозѣ до стоянки, и извошки пришли въ волостное правленѣ объявлять о покражѣ. Изѣ правленѣ ихѣ послали къ исправнику, говоря, что молитесь, моль, ребята, Богу, — исправникѣ теперь здѣсь, онѣ человекѣ строгѣй, онѣ вамѣ живо воровѣ найдетѣ. Извошки обрадовались такому благопрѣятному стеченѣ обстоятельствѣ и побѣжали крупной рысью на квартиру исправника. Пришли. Первымѣ дѣломѣ — бухѣ въ ноги.

— Помоги, батюшка отецѣ!

— Что такое, ребята?

— Помоги, родной, — ограбили!

— Какѣ? Кто? Гдѣ?

— По дорогѣ, батюшка. Два ящика чаю воры срѣзали.

Извошки стояли на колѣняхѣ и кланялись.

— Вставайте, ребята, на ноги, говорите толкомѣ, что и какѣ было.

— Да то и было, что возѣ разрѣзали и два ящика чаю украли.

— Гдѣ это случилось? Около какого мѣста?

— Да вотѣ здѣсь, батюшка, подѣ селомѣ.

— Въ какое время дня?

— Въ сумерки, батюшка, стало смеркаться...

— Не спали вы?

— Нѣтъ, родимой, какой тутъ сонъ, какъ это можно!

— Видѣли вы воровъ?

— Видѣли, батюшка, видѣли, какъ они, проклятые, погнали отъ обоза въ сторону. Три человекъ, съ ножами, ножи такіе большущіе... Страсть!

Извозчики опять повалились въ ноги.

Исправникъ потребовалъ подробнаго разказа о томъ, какъ они замѣтили воровство, какъ преслѣдовали воровъ, и потѣшался въ душѣ, слушая вранье извозчиковъ.

— Такъ трое ихъ было?

— Трое, родимой... Съ ножами... такъ и блестятъ....

— Какъ-же въ сумеркахъ-то ножи блестятъ?

— Такъ и блестятъ. Должно полагать, заколдованные какіе....

— Смотрите, ребята, правду ли вы говорите?

— Убей Богъ, — правду.

— А если вы врите?

— Оборони Господи! Провалиться, коли мы тебѣ врѣмъ, потому зачѣмъ намъ врать, ежели-бъ все благополучно.

— Да такъ-ли вы все рассказываете, какъ въ дѣйствительности было?

— Все точно рассказываемъ...

Исправникъ отворилъ дверь въ другую комнату.

— Ну, а это что такое? — спросилъ онъ, показывая на два ящика чаю.

Извозчики обрадовались.

— Батюшка! Отецъ! Ты ужъ и воровъ поймалъ!

— Поймалъ, но только я вамъ даромъ чаю не отдамъ....

— Изволь, что хошь... Сколько прикажешь съ души, благодѣтель!

Исправникъ засмѣялся.

— Я, ребята, васъ всѣхъ перепорю. Мнѣ денегъ не надо, а я люблю вашего брата роз гами потчивать. Люблю я вашего брата учить, чтобы вы много не ввали, а говорили-бъ правду.

Извозчики стали почесываться, чуя, что дѣло принимаетъ какой-то несвойственный ему оборотъ.

— Сколько воровъ было? — снова спросилъ исправникъ.

— Трое, батюшка...

— Эй, десятскій! Розогъ!

— Не помнимъ хорошенько, батюшка, можетъ быть и двое... Сумерки были.

Ну словомъ, вопросы дошли до того, что извозчики въ конецъ запутались и вмѣсто сумерекъ стали упоминать утро. Исправникъ, вдоволь натѣшившись

ихъ положеніемъ и оправданіями, перепоролъ ихъ и далъ наставленіе не спать во время пути и не распускать лошадей далеко одну отъ другой.

Извозчики почесывались и благодарили.

— Ужъ ты повѣрь намъ, батюшка, твое благородіе, что, значить, мы тебѣ спасибо говоримъ, потому что ты насъ уму училъ...

И извозчики, хотя и перепоротые, тѣмъ не менѣе остались очень довольны счастливымъ исходомъ дѣла.

Такимъ образомъ во время длиннаго пути, на долю извозчиковъ выпадаетъ, кромѣ труда и до рожныхъ невзгодъ, не мало еще заботъ о сбереженіи чая отъ дорожныхъ воровъ. Правда, что часто извозчики дѣйствительно дремлютъ и не замѣчаютъ, что дѣлается съ ихъ возами; но если вспомнить, что въ продолженіе тридцати, а иногда и сорока дней, бѣдный крестьянинъ шагаетъ за своимъ возомъ, помогаетъ лошади вытягивать возъ въ гору, поддерживаетъ его при крутыхъ спускахъ подъ гору, и радъ-радъ, когда ему на пути удастся прикурнуть полчаса на облучкѣ воза.

Между доставщиками, которые берутъ грузы на доставку изъ сибирскихъ городовъ внутрь Россіи, есть такіе доставщики, которые имѣютъ по сту своихъ собственныхъ лошадей съ телѣгами, и берутъ доставку только отъ Иркутска до Томска, или отъ Томска до Тюмени. Для этихъ господъ случаи дорожнаго воровства не такъ страшны, потому что ихъ экономическое положеніе несравнимо съ крестьяниномъ: имѣя сто лошадей и получивъ грузъ, такой доставщикъ во всякомъ случаѣ, больше получаетъ выгоды, чѣмъ крестьянинъ, у котораго все его имѣніе заключается въ двухъ-трехъ лошаденкахъ. Означенные владѣльцы ста лошадей не всегда соглашаются давать «по пуду съ дуги» и не всегда принимаютъ вѣсъ чайнаго ящика за 2 п. 35 ф., а стараются принимать его съ настоящаго вѣса, потому и условія ихъ доставки заключаются не съ доставщиками, взявшими грузы до Москвы или Казани, а съ тѣми изъ собственниковъ чая, которые отправляютъ свои грузы только до Томска, или изъ Томска до Тюмени.

Въ половинѣ пятидесятихъ годовъ въ сибирской извозной промышленности появилась еврейская партія доставщиковъ. Познакомившись сначала съ нѣкоторыми изъ большихъ русскихъ торговыхъ домовъ, евреи постепенно расширяли свою извозную промышленность, и чрезъ нѣсколько лѣтъ они уже появились въ Кяхтѣ и стали получать чаи на доставку въ Москву, откуда снова получали доставку русскихъ товаровъ въ Восточную Сибирь и Забайкальскую область. Такъ ихъ извозная промышленность продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ до шестидесятихъ годовъ. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ про доставщиковъ-евреевъ стали ходить разнообразныя слухи, рекомендующіе ихъ съ нехорошей стороны. Чайные торговцы написали въ Кяхту къ своимъ комисіонерамъ, чтобы они не

отдавали больше чай на доставку евреямъ, даже и въ такомъ случаѣ. если бы евреи и предлагали цѣны за до ставку дешевле противу цѣнъ, назначаемыхъ другими доставщиками. Евреи, по свойственной имъ изворотливости, старались замять старые грѣшки и ухаживали за кяхтинскими комисіонерами съ великимъ усердіемъ: то задаютъ роскошные обѣды и приглашаютъ всѣхъ ведущихъ на Кяхтѣ комисіонныя дѣла «осчастливить обѣдъ своимъ присутствіемъ»; то, на обыкновенныхъ клубныхъ вечерахъ, неожиданно угощаютъ всё собравшееся общество ужиномъ, — и шампанское льется рѣкой. Одинъ изъ еврейскихъ доставщиковъ изъ угожденія обществу пожертвовалъ на что-то, — не помню — на какое общественное дѣло, тысячу рублей, но это пожертвованіе осталось только на бумагѣ и жертвователь не заплатилъ денегъ. Но, не смотря на всѣ подходы, евреи не могли получить доставки, потому что кяхтинскіе комисіонеры не смѣли нарушить приказанія своихъ довѣрителей. Когда евреи, послѣ продолжительныхъ угощеній, стали уже безцеремонно просить доставки чаевъ, тогда кяхтинскіе комисіонеры показали роковыя письма своихъ довѣрителей дѣтямъ Сіона. Дѣти Сіона всплеснули руками и стали ругаться.

— Такъ зачѣмъ же мы здѣсь столько тратились? Такъ зачѣмъ же мы обѣды и ужины устраивали?.. — вздыхая и ругаясь говорили между собой евреи, и волей-неволей должны были уѣхать изъ Кяхты съ пустыми руками.

— Но почему московское купечество запретило своимъ комисіонерамъ имѣть дѣла съ евреями? Неужели только изъ одного пренебреженія къ религіи? — пожалуй спроситъ читатель.

А вотъ почему:

Получая на доставку изъ Кяхты чай до Москвы, доставщики-евреи находили для себя выгоднымъ брать эту доставку по такой цѣнѣ, на какую русскіе доставщики не соглашались. Это всѣхъ удивляло и удивляло всего болѣе потому, что чай доставлялся на мѣсто, куда ему слѣдовало, аккуратно, въ полномъ вѣсѣ и въ назначенный по контракту срокъ. Если иногда и случалась просрочка, то доставщики-евреи, всегда безотговорочно платили слѣдовавшія, по силѣ контракта, деньги за просроченное время.

— А вѣдь въ убытокъ вы взяли доставку-то? — спрашивали евреевъ русскіе доставщикп.

— Нѣтъ, ничего-съ. Слава Богу-съ... Польза есть небольшая... — увѣряли евреи.

Но какъ ни отвертывались они, а видно было изъ всѣхъ расчетовъ, что отъ доставки по той цѣнѣ, по которой они брали, выгоды никакой не было.

Проходилъ мѣсяць, другой. Русскіе доставщики думали: — Ну, еврейская доставка теперь провалилась; послѣ полученныхъ убытковъ имъ отобьетъ охоту брать доставку по дешевой цѣнѣ.

А евреи опять ѣхали въ Кяхту и опять брали доставку дешевле другихъ.

— Странное дѣло! — думали и тѣ, кто отдавалъ доставку евреямъ.

Чай оказывались при сдачѣ вѣрными изъ фунга въ фунтъ. Въ Москвѣ появились между купцами слухи о загадочной выгодѣ, получаемой евреями отъ доставки, и потому пріемку чаевъ отъ нихъ стали производить строже, но все-таки чай оказывался въ полномъ вѣсѣ, какъ въ кожаной обшивкѣ, такъ точно и, по снятіи этой обшивки, въ камышевой оболочкѣ. Все оказывалось точно и вѣрно; но впоследствии, когда изъ камышеваго ящика, во время мелочной продажи, высыпали весь чай, его оказывалось всегда менѣе того, сколько слѣдовало быть по расчетамъ купца.

Въ первое время еврейской доставки, купцы, собственники чая, дѣлали запросы въ Кяхту своимъ комисіонерамъ, о томъ, — почему чай при настоящемъ вѣсѣ ихъ въ камышевой оболочкѣ оказываются съ недостаткомъ чистаго вѣса противу того, за который куплены отъ китайцевъ?

Комисіонеры не знали что отвѣчать, и въ свою очередь тоже дивились утратѣ чая. Рассказывали они о своихъ недоразумѣніяхъ китайцамъ и точно такъ же удивляли и ихъ. Такое общее удивленіе продолжалось до того случая, когда еврейскія продѣлки были открыты, и фокусники поплатились за свои фокусы.

Они, по свойственной этой націи изобрѣтательности въ мошенничествахъ, — разшивали на чайныхъ ящикахъ кожу, расплетали камышевые ящики и, выгрузивъ желаемое количество чаю, снова заплетали ящики и высыпали, не въ самую внутренность ящика, а между камышевыми листьями и бумагой, желѣзныя опилки, или, вѣрнѣе сказать — желѣзную пыль: чай получалъ въ камышевой оберткѣ тотъ же самый вѣсъ, какой значился въ пріемной фактурѣ. А желѣзная пыль, какъ извѣстно, очень тяжела и три-четыре фунта этой пыли весьма удобно и совершенно незамѣтно рассыпалось по бокамъ ящика.

Ну, какъ вы замѣтите такую продѣлку, да и кому же придется въ голову мысль, порыться между камышемъ и бумагой: — нѣтъ-ли, молъ, тамъ чего-нибудь?

По всему вѣроятію, открытіе этой тонкой продѣлки было сдѣлано случайно, и оно-то привело къ тому, что московское купечество запретило своимъ кяхтинскимъ комисіонерамъ отдавать чай на доставку евреямъ. Евреямъ же, между прочимъ, принадлежитъ позорная честь открытія способа дѣлать у ящиковъ два дна и тѣмъ скрывать недостающее количество украденнаго чая.

Теперь намъ предстоитъ обратный путь въ Иркутскъ, для того чтобы, вернувшись назадъ, прослѣдить путешествіе чая, отправляемаго съ удвоенною скоростью.

VI

Ирбитская и Мензелинская ярмарки. — Ызда на безконныхъ. — Сііоры крестьянъ за право извоза.

Кромѣ Нижегородской ярмарки, съ которой чайная торговля получаетъ, такъ сказать, свое годовое значеніе, потому что эта ярмарка «строить цѣну на чай» и къ этой цѣнѣ внимательно прислушивается весь торговли міръ Русской Земли, — кромѣ этой первенствующей ярмарки, есть у насъ еще двѣ другія, занимающія второе и третье мѣсто послѣ Нижегородской. Въ нихъ чайная торговля имѣетъ тоже большіе размѣры, хотя конечно не такіе значительные, какъ въ Нижегородской ярмаркѣ.

Эти двѣ ярмарки — Ирбитская и Мензелинская.

Ирбитская бываетъ въ февралѣ и продолжается цѣлый мѣсяць; она находится въ Пермской губерніи, почти на границѣ губерніи Тобольской, воста верстахъ отъ большаго сибирскаго тракта. Вторая ярмарка, т. е. Мензелинская, находится въ 270 верстахъ отъ города Казани, на границѣ Вятской и Оренбургской губерній, по уфимскому почтовому тракту. Она бываетъ въ январѣ, начинается перваго числа и оканчивается чрезъ восемь и много — чрезъ десять дней.

Вотъ эти-то двѣ ярмарки часто заставляютъ купцовъ, торгующихъ чаями, отправлять свои грузы съ удвоенною скоростію, чтобы не опоздать на ту или на другую ярмарку.

Отдается ли чай на доставку купцу, занимающемуся извозной промышленностью, или купецъ- собственникъ чая отправляетъ грузы со своими прикащиками, — въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣйствуютъ совершенно одинаково: покупаютъ въ Иркутскѣ или въ сосѣднихъ селеніяхъ необходимое количество саней, накладываютъ на каждыя сани по пяти и, много-много, по шести ящиковъ чаю, и нанимаютъ извозчиковъ, но уже не до города Томска или Нижнеудинска (на 400 верстъ отъ Иркутска), а только до первой деревни, отстоящей отъ города Иркутска верстъ на 20, съ условіемъ везти воза не шагомъ, а рысью и сколько возможно скорѣе. Расчетъ извозчики при такой отправкѣ чаевъ получаютъ уже не съ пуда, а просто по количеству верстъ и по быстротѣ ѣзды. Привозятъ они воза въ первую деревню, выпрягаютъ своихъ лошадей и, получивъ за труды деньги, уѣзжаютъ назадъ, а на мѣсто ихъ нанимаются новые извозчики, которые опять везутъ до слѣдующей станціи, или, много, до второй деревни, т. е. верстъ 40 или 50. И такъ идетъ обозъ на разстояніи тысячи пятисотъ верстъ отъ Иркутска до г. Томска.

Такой способъ отправки чая называется въ Сибири: «гоньба на безконныхъ».

Обознымъ прикащикамъ при этой отправкѣ дремать и нѣжиться некогда; вечеринки, гулянки и проводины, — всё это на время должно быть забыто, потому что не до того: чай везется день и ночь, отдыховъ и остановокъ не полагается: не смотря ни на какую погоду, 1,000 верстъ нужно проѣхать непремѣнно дней въ двѣнадцать и много, много въ пятнадцать. Приближающаяся ярмарка не будетъ откладывать дня своего открытія, не будетъ дожидаться замедлившихъ въ дорогѣ чаевъ.

Итакъ, купецъ, не уснѣвшій по какимъ-либо обстоятельствамъ, отправить во-время чай обыкновеннымъ обознымъ способомъ, спѣшитъ воспользоваться «гоньбою на безконныхъ», и строго-строго внушаетъ своему прикащику не дремать во время пути, а торопиться и «гнать» чай на сколько возможно скорѣе, имѣя постоянно въ памяти то число мѣсяца, въ которое начинается та или другая ярмарка.

— Вотъ ты и соображай, — поучаетъ хозяинъ своего отъѣзжающаго прикащика, — ежели ты «нагонишь» до Удинскаго (400 верстъ отъ Иркутска) часовъ десятокъ, али болѣе въ барыши себѣ, ну, и попридержись цѣной-то, выгадывай, чтобы подешевле нанять извозчиковъ, а если ужъ «Богъ накажетъ» и у тебя въ запасѣ «нагону» не будетъ, тогда ужъ, нечего дѣлать, — не скупись, давай цѣну настоящую, только ужъ и лупи въ хвостъ и въ гриву.

Выдаетъ хозяинъ прикащику денегъ и отправляетъ его въ путь.

Во время этого торопливаго пути, прикащику, кромѣ хозяйскихъ наказовъ, нужно еще и о другомъ заботиться: нужно быть смѣтливымъ, нужно умѣть слѣдить за всякимъ движеніемъ временныхъ извозчиковъ. Эти временные извозчики чай принимаютъ безъ вѣса и, слѣдовательно, отвѣчаютъ только за количество ящиковъ и за ихъ наружную цѣлость, а тамъ внутри ящиковъ хотя бы и ничего не оказалось, — они не отвѣчаютъ.

Кромѣ того, чрезъ каждую станцію, какъ я сказалъ выше, на смѣну однимъ извозщикамъ являются другіе, то въ случаѣ воровства чая изъ ящика, или даже пропажи цѣлаго ящика, найти воровъ бываетъ не легко, да и нѣтъ времени безконному обозу останавливаться въ деревнѣ для того, чтобы производить слѣдствіе. Это отлично знаютъ извозчики, нанимающіеся въ безконный обозъ, и если видятъ, что прикащикъ зазѣвался, то не упустятъ случая воспользоваться грѣшнымъ доходомъ.

При безконныхъ обозахъ, обыкновенно отправляются по два и по три прикащика для наблюденія за цѣлостью чая.

Иногда въ глухую ночь, когда воеетъ и стонетъ вѣтеръ и заноситъ деревенскія избушки снѣгомъ, — въ деревню вѣзжаетъ безконный обозъ. Поднимается крикъ, — сзываютъ охотниковъ наниматься. Являются со всѣхъ сторонъ охотники. кто они такіе, какого поведевія, — Богъ вѣсть. Одни извозчики спѣшатъ выпрячь своихъ коней, чтобы поскорѣе убраться куда-

нибудь въ темный уголь — отогрѣться; другіе извошки спѣшатъ запрягать, боясь, чтобы кто изъ товарищей не отбилъ заработка. Шумъ, крикъ, брань, и вой вѣтра, и хлопья снѣга, — все это мѣшается въ головѣ прикащика; не видитъ онъ, какой извощикъ запрягаетъ тотъ или другой возъ и какая его наружность. Прикащикъ и усталъ, и продрогъ, и хотѣлъ бы согрѣться, отдохнуть, но воза уже готовы въ путь, и невѣдомые люди торопятъ поскорѣ выѣхать съ возами изъ деревни, опасаясь опять-таки своихъ пріятелей, которые каждую минуту могутъ объявить свои права на извозъ и поднять драку: «я, молъ, тоже хочу везти, почему же мнѣ нѣтъ работы, — стой!»

Трогается обозъ въ путь, и скоро замечаетъ его слѣдъ зимняя вьюга.

Предвидя такой путь полный заботъ, тревогъ, неудобствъ и всякаго рода дорожныхъ непріятностей, — купеческіе прикащики стараются свалить одинъ на другаго обязанность сопровождать безконный обозъ. Мнѣ не одинъ разъ случалось видѣть, какъ здоровенный, полный силъ молодецъ разыгрывалъ изъ себя больнаго.

— Ужъ я совсѣмъ, хозяинъ, изнемогъ, — силъ моихъ нѣтъ... поднять рукъ не могу, потому ослабѣлъ очень, — лихорадкой измучился...

А всмотрѣться попристальнѣе въ ослабѣвшія руки, такъ ими можно съ одного размаху быка убить. Но, во всякомъ случаѣ, тотъ или другой, здоровый или больной, должны же слѣдовать при безконномъ обозѣ.

Если у обознаго прикащика, къ его благополучію, оказывается «нагонъ» часовъ въ десять или пятнадцать, то, пріѣзжая въ деревню, онъ устанавливаетъ воза въ одну кучу, оглоблями наружу, и распиваетъ у кого-нибудь изъ крестьянъ чай. Крестьяне, слышавъ о приходѣ безконнаго обоза, толпами собираются въ ту избу, въ которой засѣдаетъ прикащикъ.

— Ну, почтенной, погонишь воза-то, алп нѣтъ? — спрашиваютъ они.

— Конечно, погоню, — не оставаться же мнѣ здѣсь у васъ жить...

— Это ты правильно...

Мужики помолчатъ, почешутся и спросятъ:

— Почемъ даешь-ту?

Прикащикъ назначаетъ цѣну; начинаютъ торговаться.

— Нѣтъ, видно, почтенной, съ тобой не тово... У тебя, стало быть, нагону много, — вотъ ты какъ куражишься...

Опять торгуются, и черезъ часъ, много черезъ два, обозъ снова на рысяхъ идетъ впередъ.

Иногда случается, что торгъ между прикащикомъ и нанимающимися въ извозъ крестьянами долго не заключается, потому что крестьяне желаютъ взять дорогую цѣну, — въ такомъ случаѣ прикащикъ бѣгаетъ по деревнѣ, стучится подъ окнами и сзываетъ громкимъ крикомъ желающихъ наняться въ извозъ. Но эта мѣра всегда убыточна для обоза, ибо стоитъ только

крестьянину замѣтить, что въ немъ нуждаются, какъ онъ вообразить уже Богъ знаетъ что и запросить невообразимую цѣну. Тогда они прикащика и почтеннымъ уже не называютъ, а становятся къ нему въ равноправныя отношенія.

— Тебѣ, братъ, теперича, безъ насъ все равно — безъ ногъ. Теперичка мы изъ тебя, ежели захотимъ, будемъ веревки вить — вотъ что!..

Подобные разговоры доходятъ иногда до того, что прикащикъ потеряетъ всякое терпѣніе и разругается съ крестьянами, а они, въ свою очередь, тоже люди не безъ гонору, — раскапризничаются и не хотятъ везти ни за какую цѣну.

— Теперичка хоть по пяти цалковыхъ съ возу, — не хотимъ! Робята, шабашъ! Не вози! Пущай-ка сидитъ тутъ... Эка фря какая!

Прикащикъ видитъ — дѣло плохо и нанимаетъ, иногда за двойную цѣну, тѣхъ крестьянъ, которые привезли воза въ деревню. На утомленныхъ лошадяхъ, конечно, съ возами рысью ѣхать нельзя и, вотъ въ такихъ-то случаяхъ нерѣдко теряется у прикащика много времени.

А крестьяне, оставшіеся безъ извозу, не успѣютъ проводить обозъ, какъ начнутъ между собой ссориться и порой отлично подерутся.

— Кто первый началъ съ прикащикомъ зубъ зазубъ? Сказывайте...

— Самъ ты чортъ... черезъ тебя извозу рѣшились...

— Не черезъ тебя-ли, полно...

И пошла перебранка часа на два.

Долго потомъ крестьяне сердятся на крестьянъ той деревни, которые лишили ихъ возможности взять съ обознаго прикащика дорогую цѣну.

Въ селеніяхъ, гдѣ количество жителей весьма незначительно, крестьяне иногда заключаютъ между собою «круговой договоръ», чтобы не брать съ безконныхъ возовъ дешевле назначенной обществомъ цѣны, и проходящій обозъ волей-неволей подчиняется договору, потому что нѣтъ другаго исхода, а крестьяне, привезшіе воза, не всегда рѣшаются прогнѣвать своихъ «сусѣдовъ», да и не выгодно для обознаго прикащика терять время въ тихой ѣздѣ на утомленныхъ лошадяхъ.

Но такой образъ дѣйствій крестьянъ, не смотря на видимую съ перваго раза пользу, оказывается въ послѣдствіи совершенно невыгоднымъ: крестьяне, заключившіе между собою договоръ, успѣютъ разъ, другой, много три раза выдержать на своемъ, какъ обозы перестанутъ останавливаться въ ихъ селеніи. Не пройдетъ мѣсяца, какъ про этотъ договоръ пронесется молва по всему тракту; заговорятъ сначала между собой крестьяне другихъ селеній, что вотъ, молъ, ребята, какъ мужики такой-то деревни «нагрѣли обозному прикащику полушубокъ», нельзя-ли, молъ, и намъ мало-дѣло поучиться этому. Разговоры крестьянъ перейдутъ къ почтовымъ ямщикамъ, ямщики

передадутъ ихъ, въ качествѣ интересной новинки, проѣзжающему, который иной разъ рѣшительно не знаетъ, что такое «нагрѣть полушубокъ», что такое безконный обозъ и проч., и проч.

— А нагрѣли они яму полушубокъ такъ, что онъ однако до Москвы до самой чесаться будетъ, въ кровь себѣ затылокъ-то расчесеть... Ей-ей! — рассказываетъ ящикъ: — ужъ наши ребята, что говорить, молодцы, не клади пальца въ ротъ, — откусятъ!

Обозный прикащикъ, конечно, и самъ не замедлитъ увѣдомить товарищей о продѣлкѣ крестьянъ, и «круговой договоръ» потеряетъ свое значеніе, потому что чрезъ то селеніе, гдѣ крестьяне притѣснили безконный обозъ, другой прикащикъ съ безконнымъ обозомъ проѣдетъ не останавливаясь, нарочно переплатитъ лишніе десять, пятнадцать рублей крестьянамъ другаго селенія, а настоитъ на своемъ. Местъ за подобное повышепіе извозной платы продолжается иногда три-четыре года; такъ трудно, разъ сдѣлавъ нехорошее дѣло, снова заслужить довѣріе. Крестьяне «круговаго договора» ждутъ, ждутъ времени примиренія, а дождаться не могутъ.

Не имѣя силы спокойно смотрѣть, какъ ихъ товарищи, крестьяне сосѣдняго селенія, зарабатываютъ деньги извозомъ, — они теряютъ терпѣніе и начинаютъ насильно останавливать проходящіе чрезъ ихъ деревню безконные обозы.

— Да ты, почтенной, забудь... Мало-ли што было... Помиришь съ нами! — просятъ они обознаго прикащика.

— Проваливайте, проваливайте...

И обозъ уходитъ не останавливаясь.

Иногда послѣ упрасиваній начинается опять брань и доходитъ до драки.

Во избѣжаніе брани и драки, извощики съ возами, если только есть возможность, стараются проѣхать въ сторонѣ отъ деревни; но озлобленные сосѣди и тамъ преслѣдуютъ ихъ, и случается, что, послѣ ожесточеннаго боя, отбиваютъ старыхъ извощиковъ отъ обоза и запрягаютъ своихъ коней.

— Я вамъ ни гроша не заплачу! — угрожаетъ обозный прикащикъ.

— Мы тебѣ со всѣмъ усердіемъ... Изволь! Только иди на мировую съ нами, потому мы бы тебѣ готовы, куда хошь!...

И случается, что съ этого дня мировая возстанавливается.

Въ Западной Сибири такіе замѣчательные по своему безобразію случаи повторяются очень часто; но такъ какъ по Западной Сибири безконные обозы ходятъ рѣдко, то всего чаще въ спорахъ и дракахъ бываетъ яблокомъ раздора возокъ, нагруженный чаями (о возкахъ см. въ слѣдующей главѣ), экипажъ проѣзжающаго на частныхъ лошадахъ и возки съ русскими товарами, которые везутся тоже на частныхъ лошадахъ. Незнакомый съ подобными случаями до того иной разъ перепугается, что не можетъ понять, что вокругъ него

происходитъ, — въ испугѣ онъ схватываетъ оружіе и хочетъ защищаться, тогда какъ никакой опасности ему самому нѣтъ, и вся суть спора и драки происходитъ оттого, что крестьяне хотятъ отнять одинъ отъ другаго право везти возокъ или экипажъ проѣзжающаго. Бывали случаи, что драки оканчивались увѣчьями и смертью. Въ Западной Сибири, въ уѣздахъ Ишимскомъ, Тюменскомъ, Каинскомъ и Тюкалинскомъ каждый ямщикъ расскажетъ проѣзжающему десятокъ разнообразныхъ исторій про ссоры и побоища, бывшія между крестьянами двухъ сосѣднихъ деревень, стоящихъ на большомъ трактѣ. Дѣла подобнаго рода, конечно, вызываютъ слѣдствіе; наѣзжаютъ изъ губерніи чиновники, начинается судъ, присяги, очныя ставки и проч. и проч. Все населеніе деревни вздыхаетъ, чешется, бранится и проклиняетъ въ душѣ тотъ день, когда случилось «такое смертное дѣло», а между тѣмъ, не смотря на тяжесть слѣдствія, крестьяне не перестаютъ думать о томъ, какъ бы «гоньбу намъ на свою сторону перетянуть». Иногда бывали случаи, что къ дѣлу, производящемуся по поводу споровъ между двумя сосѣдними деревнями, вдругъ ни съ того ни съ сего приплетается третья деревня, находящаяся между ними въ серединѣ, и заявляетъ свои права на извозную гоньбу.

— Ежели не такъ, — говорятъ крестьяне этой третьей деревни: — то значить и мы будемъ драться и отбивать у нихъ возки и повозки...

— Драться не приказано, за это васъ судить будутъ, какъ вотъ теперь ихъ судятъ.

— Это все едино, что мы, что они. Судить такъ судить, а мы тоже хотимъ извозу. Рази мы не люди что-ль? Мы будемъ драться, ежели намъ по закону не дадутъ полное право извозничать.

— Да извозничайте. Кто вамъ мѣшаетъ?

— То-то и есть, что мѣшаютъ... Въ нашей деревнѣ, вишь ты, ни возки, ни повозки не останавливаются....

— Кто-жъ можетъ насильно остановить?

— Нѣтъ ужъ ты, ваше благородіе, это дѣло разбери: теперь вотъ они извозничаютъ, а мы сидимъ; такъ и дѣды наши и прадѣды всѣ сидѣли безъ извозу, — это намъ въ конецъ обидно... Мы чай тоже на тракту стоимъ...

Крестьяне кланяются въ ноги. Чиновникъ, производящій слѣдствіе, не знаетъ что ему дѣлать съ крестьянами. Разбираетъ, разбираетъ онъ крестьянскія жалобы и побоища, распутываетъ всѣ ихъ немудрыя, но тѣмъ не менѣе запуганныя отношенія, и ничего не можетъ придумать лучшаго, какъ помирить крестьянъ и назначить каждой деревнѣ свое время гоньбы.

И вотъ, вслѣдствіе рѣшенія этихъ разбирательствъ, проѣзжающій по сибирскому тракту можетъ слышать слѣдующаго рода рассказы.

— Прошлый годъ, значить, съ Петрова дня до самой масляной недѣли, возили сѣдоковъ Саргатски мужики, а съ масляной недѣли, опять, выходитъ, до Покрова Богородицы, мужики другой Саргатки стали возить; ну, а теперь, значить съ самага Покрова дня до вешняго Миколы угодника, всѣхъ ѣздоковъ и возки съ товарами и избушки¹ возить положено по уговору намъ.

— Кто же это вамъ такъ распредѣлилъ?

— А такъ, значить, разсудило начальство, и мы, выходитъ, служили молебень, варили пиво, и всѣ три селенья, промежду себя этотъ уговоръ положили, чтобы, значить, безъ всякой ссоры, али драки тамъ какой, завсегда чтобы было мирно и побожески. Уговоръ этотъ мы подписали и писарь за насъ руки приложилъ, чтобъ его завсегда соблюдать, на вѣчны времена, пока, значить, земля матушка насъ на себѣ носить...

Такъ рассказываютъ крестьяне и рассказы ихъ совершенно искренніе; но мнѣ въ продолженіе моихъ разѣздовъ по Сибири не разъ случалось и слышать, и видѣть, какъ легко, не задумываясь, крестьяне нарушаютъ свои общественные уговоры. За такимъ нарушеніемъ неминуемо слѣдуютъ драки, побоища, уродства, и опять начинается судъ, опять пріѣзжаютъ чиновники и, въ концѣ концовъ, снова варится пиво, служатся молебны и проч.

Не разъ случалось со мной такъ, что, не ожидая никакого безпорядка (вслѣдствіе слышанныхъ рассказовъ о заключеніи между крестьянами уговора), ѣдешь путемъ-дорогою, и только- что повозка успѣетъ вѣхаться въ деревню, чрезъ которую пролегаетъ путь, — какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ набѣгаютъ на повозку люди, хватаютъ за удила лошадей, рубятъ гужи и сбиваютъ ямщика съ козелъ.

— Что это такое? Какъ вы смѣете? Это насиліе!

— Молчи, баринъ, сиди спокойно, — увеземъ тебя чудесно!.. Лихо прокатимъ!

И, не спрашивая моего согласія, новые, незванные ямщики спѣшатъ запрячь въ мою повозку коней.

Шумъ, крикъ, брань, стоны...

Удаливъ ямщика отъ повозки, крестьяне начинаютъ запрягать лошадей, но тутъ опять возникаетъ вопросъ: кому везти?

И опять споръ, и опять отпряганье лошадей.

Остается сидѣть въ повозкѣ и терпѣливо ждать, авось побоище кончится и кто-нибудь да запряжетъ же коней.

Такъ проходитъ иногда полчаса, часъ.

Но вотъ побоище кончается. Старый ямщикъ отбитъ отъ повозки и стоитъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ, печально наблюдая за дѣйствіями своихъ враговъ; наконецъ и враги его, ссорившіеся между собой, помирились, запряжены другіе

¹ Избушками называютъ дорожныя кареты зимнія и лѣтнія.

кони, и другой ямщикъ торопливо вскакиваетъ на козла, весело покрикивая на лошадей. Онъ и знать не хочетъ, по какой цѣнѣ везъ его предшественникъ, не получены ли уже имъ всѣ слѣдующія за гоньбу деньги впередъ, — ничего онъ этого не спрашиваетъ, не слушаетъ никакихъ объясненій и только твердигъ одно:

— Ничего! Знаю, — не обидите!

Онъ веселъ и доволенъ уже тѣмъ, что враги его посрамлены, и въ силу этого веселья старается утѣшить и себя и сѣдока отчаянной гоньбой.

— Да ты тише! Куда гонишь? Тише!

— Ничего! будьте безъ сумленія!..

— Тише. Ты расскажи лучше, отчего и какъ пошла у васъ эта ссора?

И снова слышитъ рассказы такого содержанія.

— Они, мошенники, сусѣды-то наши, они вовсе не по праву, значитъ, этой самой гоньбой владають. Какъ теперича намъ по уговору надо возить вплоть до самага Миколина дня, зимняго; а они еще по осени на Митрофановъ день, крадучись ночью провезли два возка и взяли съ нихъ по шести полтинъ съ каждого, на ассигнацію, значитъ. Поэтому по самому выходитъ теперича, они этимъ дѣломъ гоньбы своей съ Митрофанова дня должны рѣшиться и мы больше «не обязаны» уговоры соблюдать.

И затѣмъ ямщикъ начинаетъ объяснять длинную исторію борьбы одной деревни съ другой «какъ и съ чего эта самая вражда пошла». Какъ они дрались и мирились, какъ начиналось слѣдствіе, какъ, по приговору деревни, «другихъ задорныхъ мужиковъ» общество сѣкло розгами и снова составляли уговоръ, чтобы всё было «мирно, по божьи». При этомъ заключеніи уговора, конечно, опять варили пиво, служили молебень и пировали обѣими деревнями миръ цѣлую недѣлю.

— Другой разъ въ таку гулящую пору возки, али повозки набѣгутъ и ѣздоковъ и прикащиковъ обозныхъ угощаемъ пивомъ и брагой, потому, знаютъ, миръ на вѣчныя времена, — рассказываетъ ямщикъ.

Но кончалось время празднествъ и гоньба по очереди начиналась «строго на строго» соблюдаться.

Проходитъ мѣсяць, другой, а на третьемъ, глядишь, кого-нибудь и прорвало, грѣшнымъ дѣломъ.

И опять ссора.

— А ваши Саргатски мужики, мошенники, уговору не соблюдаютъ и подъ самой, значитъ, Ильи Пророка день, провезли ночью три возка съ чаями; въ тѣ поры была страшная гроза и дождь ливмя лилъ, какъ изъ ведра, потому по самому мы не могли ихъ изловить. А по уговору, вашей Ангалычевской деревнѣ въ тую самую пору думать объ этой гоньбѣ было заказано, вплоть до самага до Покрова дня.

— Нѣ-ѣ-тъ! Врешь! Ты не то....

— А видно не вру, а какъ есть истинная правда, — наши мужики видѣли.

— Ты докажи доказательствомъ.

— А то тебѣ и доказано, что эти самые три возка наши мужики видѣли...

— А какъ ваши-то мужики дѣлаютъ?

— А что тебѣ наши мужики?

— А какъ третьяго дня, вашей деревни ребята, крадучись, ровно-бы воры какіе, али лиходѣи, рано утречкомъ за огородами проѣзжали съ двумя избушками (каретами) и колокольца подвязали.

— А ты докажи! Поймай!

— Кто такихъ воровъ, мошенниковъ поймаешь!

— Погоди!..

— Нѣтъ, стой!

И т. д., и т. д.

Начинается брань, крикъ, драка. Выбѣгаютъ изъ своихъ избъ бабы, торопливо, на бѣгу обдергивая подолы, и тоже визжать и шумять, защищая интересы своей деревни.

И вотъ въ такое-то время, въ самый, что называется, разгаръ междоусобной войны, прикатятъ иной разъ въ деревню проѣзжающіе на вольныхъ лошадахъ, или возки съ чаями. Проѣзжающіе еще не очень-то могутъ печалиться, потому что для одного экипажа въ общей суматохѣ можетъ найдтись охотникъ, который «подъ шумокъ» и уѣдетъ себѣ въ путь, но для обознаго прикащика, пріѣхавшаго на восьми или на десяти возкахъ, международная ссора — дѣло весьма непріятное: онъ совсѣмъ теряетъ смыслъ, не зная за что ему приняться, какъ дѣйствовать въ такихъ обстоятельствахъ, а главное какъ выбратъся изъ волнующейся деревни съ своими возками.

Если обозный прикащикъ человѣкъ бывалый и видалъ на своемъ вѣку деревенскія ссоры, то онъ, пріѣхавъ въ селеніе, не обратитъ никакого вниманія на ссоры крестьянъ и уйдетъ поскорѣе въ какую-нибудь избу, гдѣ и будетъ ожидать окончанія ссоры: крестьяне покончатъ споръ, и побѣдившая сторона ввалится гурьбой въ избу, торговаться о цѣнѣ. Но неопытные въ такихъ дѣлахъ обозные прикащики вмѣшивались въ крестьянскіе споры и ихъ вмѣшательство оканчивалось зачастую очень дурно: къ нимъ, во-первыхъ, крестьяне теряли уваженіе, — «значитъ, нашъ братъ, мужикъ, когда въ наше дѣло вмѣшивается», а во-вторыхъ, иной недогадливый человѣкъ подвертывался подъ руку и получалъ затрещину.

Однажды я былъ свидѣтелемъ такого случая, когда обозный прикащикъ, желая поскорѣе уѣхать съ своими возками изъ деревни, предложилъ крестьянамъ не останавливать его возковъ, а взять съ него деньги съ двойною платою за каждую версту противъ цѣны обыкновенной.

— Только вы меня не задерживайте: мнѣ нужно скорѣе ѣхать, — говорилъ онъ крестьянамъ.

— Намъ совсѣмъ не то нужно. Мы этого не хотимъ, — кричали претендующіе на извозъ: — намъ нужно, чтобы они, мошенники, сусѣды- то наши, не смѣли уговоръ нашъ въ землю топтать. Ты самъ разсуди, какъ, теперича, съ самага Мптрофанова дня, по осени...

И пошли рассказы одинъ другаго разнообразнѣе.

Разбирайте и выслушивайте, если вамъ это нескучно, но ничего не возражайте, иначе можетъ быть опять споръ, крикъ и драка.

Но проходятъ, наконецъ, возки и безконные обозы мимо волнующихся деревень.

Намъ теперь предстоитъ обязанность послѣдовать за нашимъ безконнымъ обозомъ, который мы оставили на пути изъ Иркутска въ Томскъ.

Добравшись на двѣнадцатый или пятнадцатый день до г. Томска, безконный обозъ оканчиваетъ свой путь, и чай изъ Томска отправляются уже другимъ способомъ.

VII

Возки. — Западная и Восточная Сибирь. — Ъзда на возкахъ. — Лежни. — Дружки.

Остановившись на послѣднихъ строкахъ предъидущей главы, читатель, вѣроятно, задумался надъ тѣмъ, что кромѣ всѣхъ способовъ чайной отправки существуетъ еще какой-то другой способъ.

Этотъ способъ отправки есть тотъ самый, по поводу котораго мы такъ много бесѣдовали о спорахъ крестьянъ, а именно — отправка на возкахъ.

Изъ Томска до Тюмени чай, слѣдующій съ удвоенною скоростью, отправляется на возкахъ тройками, а иногда четверками и пятерками лошадей, смотря по количеству груза, положеннаго въ возокъ.

По поводу этого я долженъ объяснить слѣдующее.

Различные способы чайной отправки, то на безконныхъ возахъ, то на тяжелыхъ, восьмидесяти и девяносто-пудовыхъ возкахъ, зависятъ отъ физическихъ и экономическихъ условій страны, а условія эти различны между собою въ Западной и Восточной Сибири. Само собою понятно, что если бы не было разницы въ этихъ условіяхъ, то не было бы никакого основанія купцу-собственнику чая, или его доставщику тратить лишнія деньги за перевалку чаевъ въ Томскѣ съ однихъ воевъ на другіе, продавать за безцѣнокъ, или просто оставлять безъ всякой цѣны тѣ сани, на которыхъ былъ привезенъ въ Томскъ чай и покупать другія сани, имѣющія вдвое большіе размѣры противъ саней обыкновенныхъ.

Причины такой перемѣны саней заключается вотъ въ чемъ. Въ Восточной Сибири по всему тракту, на разстояніи 1500 верстъ отъ Иркутска до Томска, пролегаетъ не мало горныхъ хребтовъ, подъемы на которые, какъ и спуски съ нихъ, довольно круты и продолжительны: не только у тяжелыхъ, но и у обыкновенныхъ почтовыхъ кибитокъ при спускѣ съ горъ тормозятъ колеса; слѣдовательно, при такомъ положеніи мѣстности, большіе восьмидесятипудовые возки съ грузами трудно перевозить на десяти или пятнадцати лошадяхъ, да и то еще съ великимъ трудомъ: кому же охота тратить силы и деньги на такую работу? Въ Восточной Сибири (да и въ Западной, пожалуй) до сей поры помнятъ и будутъ помнить лѣтъ сто, какъ везли изъ Россіи на Амуръ пушки; старинныя крѣпостныя пушки, которыя были толщиною въ два обхвата, а длиною сажени въ двѣ съ половиной: по меньшей мѣрѣ, при перевозкѣ ихъ передавлено по тракту до сотни лошадей, да изувѣчено народу десятка три, четыре, — такъ вѣдь это дѣло казенное и пушки необходимо нужно было отправить, а товарные возки совсѣмъ другое дѣло.

Кромѣ горныхъ дорогъ, есть, какъ я сказалъ, еще другія причины, заключающіяся въ разницѣ цѣнъ на жизненные припасы между Сибирью Восточной и Западной.

Восточная Сибирь большею частью покрыта безконечными, трудно-проходимыми лѣсами; недаромъ существуетъ разница между словами: «лѣсъ и тайга». Тайги нѣтъ въ Европейской Россіи, потому что въ ней нѣтъ такихъ безконечныхъ глухихъ лѣсовъ какъ въ Восточной Сибири. Между лѣсомъ и тайгой разница опредѣляется слѣдующимъ образомъ. Лѣсъ — это различной, или одинаковой породы дерева, растущія на извѣстномъ пространствѣ; граничить этотъ лѣсъ съ такими и такими-то мѣстами. Тайга — трудно-проходимая чаща деревьевъ, растущихъ, лежащихъ, гніющихъ; границы ея смутны, темны или вовсе не извѣстны. Вотъ что такое сибирская тайга. И по Восточной Сибири, начиная отъ гор. Канска, проѣзжій человѣкъ видитъ только мрачный высокій лѣсъ, тѣснящійся по обѣимъ сторонамъ дороги; видитъ, какъ этотъ лѣсъ то вздымается подъ облака, то какъ будто сваливается въ глубокія, мрачныя тѣснины горъ; видитъ проѣзжій человѣкъ, что дорога, по которой онъ ѣдетъ, не мало потребовала человѣческихъ усилій, ибо человѣкъ боролся долго и упорно съ страшнымъ врагомъ — тайгой, и добычей этой борьбы была только одна неширокая просѣка, по которой торчатъ теперь по сторонамъ березовые столбы, да индѣ пестрѣютъ, тѣснясь у опушки лѣса, бѣдныя деревеньки, видимо построенныя для того, чтобы образовать почтовый трактъ. Сколько же труда предстояло и предстоитъ земледѣльцу въ Восточной Сибири! Онъ долженъ вырубить или выжечь часть лѣса (от того въ Вост. Сибири каждый годъ весною страшные лѣсные пожары), выкопать корни деревьевъ, вспахать «на новѣ»: а новину пахать — это не то, что ходить за плугомъ, по засѣваемымъ прежде пашнямъ; и вотъ, только послѣ долгихъ усиленныхъ трудовъ, земледѣлецъ дѣлается властелиномъ своего клочка земли. Это первая причина того, что сельское хозяйство въ Восточной Сибири менѣе развито, чѣмъ въ Западной; но есть и другая причина и по моему она представляетъ еще болѣе препятствія къ развитію сельскаго хозяйства, чѣмъ первая, — я говорю о золотопромышленности. Извѣстно изъ историческихъ наблюденій надъ ходомъ этого дѣла, и тѣми людьми, которые наблюдали надъ нимъ, и признано, что та страна, въ которой открывались золотоносныя розсыпи, до того времени не имѣла ни заводовъ, ни фабрикъ, ни хорошаго сельскаго хозяйства, пока дѣятельность золотопромышленниковъ не прекращалась съ выработкою золотоносныхъ розсыпей. Точно въ такомъ положеніи находится Восточная Сибирь: заводской промышленности нѣтъ (кромѣ винокуренія, погасшаго со времени уничтоженія акцизнаго откупа), и если кой-гдѣ торчатъ мыловаренные и свѣчныя заводы, то и это дѣло находится въ такомъ дурномъ состояніи, что изъ Казани привозятъ лучшіе

сорта мыла. О фабричной промышленности нечего и упоминать, — но видимо по ходу событий, что уже для некоторых частей Восточной Сибири близко то время, когда народные силы, теперь истрачиваемыя на добывание золота, будут обращены на развитие сельского хозяйства, фабричной и заводской промышленности; теперь золотоносныя россыпи въ округахъ Минусинскомъ и Енисейскомъ вырабатываются и дѣятельность золотопромышленниковъ передвигается на Лену, на Нерчинскій округъ, на Амуръ.

Все это, вмѣстѣ или отдѣльно взятое, вліяло и вліяетъ на дороговизну хлѣба, овса и проч. продуктовъ сельского хозяйства. Забайкальская область, это знаменитая когда-то житница Сибирскаго края, не смотря на свою знаменитость, не могла удержать цѣны на сельско-хозяйственные продукты въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были до развитія золотопромышленности въ Забайкальѣ. Но нужно сказать, что для этой области золотопромышленность не одна была причиной возвышенія цѣнъ на продукты. — Амуръ повысосалъ много жизненныхъ соковъ изъ страны: онъ, кромѣ того, что истощилъ всѣ запасы, хранившіеся у крестьянъ, — еще и самихъ ихъ привлекъ на свои отдаленные берега, и какъ ужъ онъ привлекъ — волей или неволей — это Господь знаетъ!.. Намъ извѣстно только то, что въ Забайкальской области до занятія Амура русскими, на ржаной хлѣбъ была цѣна отъ 17 до 25 к. пудъ, теперь она возвысилась до 1 р. 40 за тотъ же пудъ; по послѣднимъ газетнымъ извѣстіямъ изъ Иркутска отъ ноября, цѣна на ржаной хлѣбъ поднялась до 1 р. 80 к. Я уже не говорю о томъ, что въ 1867 году цѣна на хлѣбъ въ Читѣ въ августѣ и сентябрѣ дошла до 3 р. 40 к. пудъ! Эти цифры нельзя брать въ основаніе, потому что, во-первыхъ, такая цѣна существовала только въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, а во-вторыхъ, что причиной ея возвышенія было амурское наводненіе, истребившее множество хлѣба. Но цѣны существующія теперь постоянны, и такимъ образомъ читатель видитъ, какъ поразительно измѣнилось благосостояніе края.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Западной Сибири.

Во-первыхъ, положеніе мѣстности другое: начиная отъ города Томска и кончая далеко за Тюменью у подошвы Уральскаго хребта, на разстояніи тысячи шестисотъ верстъ, проѣзжій человекъ не встрѣтитъ ни одного болѣе или менѣе крутаго подъема на гору или спуска подъ гору, кромѣ только двухъ крутыхъ береговъ рѣкъ, а именно: у рѣки Иртыша, при вѣздѣ въ селеніе Пустынное (по торговому тракту, пролегающему въ сторонѣ отъ почтоваго, который идетъ на городъ Омскъ) и послѣдній у рѣки Ишима, въ семи верстахъ отъ богатаго селенія Абатскаго, въ тысячѣ ста верстахъ отъ г. Томска. Кромѣ этихъ двухъ спусковъ, весь путь по Западной Сибири представляетъ собою совершенно ровную, гладкую площадь, почти безлѣсную, по которой лишь изрѣдка, кое-гдѣ только, пестрѣютъ березовыя рощицы и осиновые

перелѣски. Сельское хозяйство въ Западной Сибири, находясь на низкой степени развитія (какъ и вообще въ россійскомъ государствѣ), тѣмъ не менѣе до того вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, что стоимость ржаной муки, до 1860 годовъ, понижалась до 15 и 10 коп. за пудъ, а овесъ продавался по 7 к. пудъ. Съ 1860 годовъ въ Западной Сибири начались частые неурожаи; съ открытіемъ свободнаго винокурения, хлѣбные запасы стали истощаться, и цѣны возвысились до 40 к. за пудъ ржаной муки.

Распространяясь такъ долго въ описаніи разницы въ условіяхъ природы и жизни двухъ частей Сибири, я этимъ по возможности хотѣлъ дать читателю бѣглое понятіе объ отдаленномъ краѣ и, кромѣ того, объяснить, что отъ вышесказанныхъ вліяній и извозная промышленность измѣняетъ отчасти свой характеръ въ Западной Сибири. Тѣ чаи, которые при торговой отправкѣ изъ Иркутска, укладываются на обыкновенныя сани по пяти или много по шести ящиковъ, изъ Томска нагружаются на громадныя сани по двадцати и тридцати ящиковъ, т. е. отъ 65 до 90 пудовъ, и запрягается въ эти сани по четыре и по пяти лошадей.

За нѣсколько недѣль до наступленія тѣхъ двухъ ярмарокъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ предъидущей главы, — проѣзжіи челоуѣкъ въ городѣ Томскѣ увидитъ на улицахъ у многихъ купеческихъ домовъ громадныя санирозвальни, вотъ онѣ-то и есть будущіе возки. Стоятъ онѣ на улицахъ, потому что ни въ какія ворота пройти не могутъ по чрезвычайной широтѣ ихъ отводовъ (разваловъ). Отводы эти сдѣланы широкими, конечно, для того, чтобы возокъ яе опрокинулся и не свалился бы на бокъ гдѣ-нибудь въ раскатѣ или въ ухабѣ. Кромѣ этихъ замѣчательныхъ по своей величинѣ саней, проѣзжіи челоуѣкъ зимою услышитъ въ г. Томскѣ, что скоро черезъ городъ «побѣгутъ» возки съ чаями, что и сами томскіе купцы тоже скоро «побѣгутъ въ Ирбетску» и что многіе изъ нихъ уже «убѣжали въ Мензелинску». Услышитъ проѣзжіи челоуѣкъ такіе рассказы про побѣги и сразу не пойметъ, что у жителей Западной Сибири глаголь: «бѣжать» имѣетъ въ то же время значеніе и другаго глагола: «ѣхать».

Не успѣетъ проѣзжіи челоуѣкъ соединить оба глагола въ одинъ, какъ скажутъ ему новое, неслыханное имъ прежде слово: «лежень», и если онъ, проѣзжіи челоуѣкъ, не принадлежитъ къ торговому классу, то это слово останется для него звукомъ, не имѣющимъ ровно никакого значенія, а между тѣмъ въ Западной Сибири слово «лежень» есть имя существительное нарицательное, какъ, на примѣръ, «купецъ», «ямщикъ», «столяръ» и проч.; оно имѣетъ начало отъ глагола «лежать».

Лежнями называются тѣ лица, которыя предлагаютъ свои услуги ѣхать на возкахъ. Услуги эти необходимы, потому что прикащикъ, ѣдущій съ возками, одинъ за десятью возками не усмотритъ: отправляемые на тройкахъ и на

четверкахъ возки во время переѣзда отъ одной станціи до другой могутъ оставаться далеко позади, могутъ убѣгать на полчаса или даже на часъ впередъ, и, слѣдовательно, ямщикъ, можетъ развязать возокъ и выкрасть изъ ящика чай. Во избѣжаніе этого-то воровства и нужно, чтобы на каждомъ возу сидѣлъ какой-нибудь свой человѣкъ, въ качествѣ сторожа. За исполненіе обязанности лёжня иногда платится жалованье, но случается иногда и такъ, что эти обязанности принимаютъ на себя бесплатно тѣ изъ рабочихъ или ремесленниковъ, которымъ нужно пробираться въ Россію.

Къ тому времени, когда чрезъ Томскъ должны проходить возки съ чаями, т. е. къ декабрю или январю мѣсяцу, желающихъ ѣхать на возкахъ собирается въ городѣ замѣтная толпа, и эти господа, раздѣлившись на группы, ходятъ изъ одной купеческой лавки въ другую, съ вопросомъ:

— Не сподручно ли будетъ, господа купцы, взять лежней?

А господа купцы давно уже собрали свѣдѣніе о томъ, сколько въ городѣ желающихъ ѣхать на возкахъ. Если желающихъ мало, то на вопросы слѣдуютъ ласковые разговоры, откуда и куда желаютъ пробраться лежни, не лучше ли имъ, вмѣсто платы за лежанье на возкахъ, ѣхать бесплатно, пользуясь только готовымъ содержаніемъ во время пути. Лежни тоже понимаютъ свое положеніе, и, конечно, жизнь научила ихъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ можно пользоваться. Но за то эти же лежни становятся въ совершенно другое положеніе къ «господамъ купцамъ», когда возковъ отправляется мало, а желающихъ ѣхать много. Тогда купцы уже не спрашиваютъ кто, откуда и куда пробирается, а сразу говорятъ «даромъ не нужно».

Лежни кланяются, просятъ.

— Говорю, даромъ не нужно. Заплати за проѣздъ; поѣзжай тогда...

— По сколько же плата-то?

Господа купцы запрашиваютъ и торгуются, торгуются просто изъ любви къ искусству, потому дѣло привычное. Наконецъ торгъ заключается къ общему удовольствію.

— И чудесно. Служи молебень, — говоритъ купецъ, — черезъ недѣлю побѣжимъ!

Въ качествѣ этихъ лежней предлагаютъ свои услуги, большею частію, рабочіе люди: плотники, каменьщики, штукатуры, швецы (портные), шерстобиты, пробравшіеся въ Сибирь на заработки изъ губерній Нижегородской, Владимірской и Казанской.

Получивъ отъ купцовъ согласіе на проѣздъ «лежнемъ», эти странники-работники иногда недѣли по три ждуть дня своего отъѣзда.

Наконецъ наступаетъ день отправки возковъ.

На улицахъ г. Томска начинается горячая работа: разгружаютъ безконные возы, укладываютъ ящики чая на массивныя сани, плотно, съ помощью

рычаговъ, увязываютъ и упаковываютъ возки, обшиваютъ ихъ рогожами и такихъ громадныхъ возковъ высится по обѣимъ сторонамъ улицы иногда до тридцати и даже до сорока, — точно какіе-то курганы наставлены. Вышина ихъ отъ двухъ до трехъ съ половиной аршинъ, ширина аршинъ до шести (не считая отводовъ); на самомъ верху каждаго возка-кургана устраивается для человѣка маленькая лежанка, съ небольшими возвышеніями съ боковъ, для того чтобы «лежень» во время пути спросонка не свалился съ возка, — предосторожность совершенно лишняя, недостигающая своей цѣли.

Возки отправляются изъ города не всѣ за одинъ разъ, а возковъ по шести, по семи и никакъ не болѣе десятка, потому что большой приѣздъ такихъ кургановъ на станцію можетъ произвести повышение поперстной платы. Проходитъ десягъ, двѣнадцать часовъ послѣ ухода первой партіи, и уже готова къ отправкѣ вторая; за ней, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, отправляется третья и т. д. Иную зиму такъ много «бѣжить» возковъ, что иной охотникъ до счета — считаетъ, считаетъ, дня четыре, пять считаетъ, сколько мимо него «пробѣжало» возковъ, да такъ и счетъ оставить не кончивши.

Возки при выѣздѣ изъ города, всегда «бѣгутъ» полной рысью, а то и вскачь во всю лошадиную прыть, и это каждый ямщикъ считаетъ непременно своею обязанностью: пусть-ка, молъ, люди подивятся да поглазѣютъ, какъ мы «откальваемъ». Сидитъ довольный ямщикъ на облучкѣ високаго возка, гонитъ во весь духъ и, прислушиваясь къ веселому шуму бубенчиковъ и колокольчиковъ, подмигиваетъ публикѣ, останавливающейся на улицѣ изъ любопытства.

— Эхъ, господа! Посторонитесь, — замахнусь!..

А морозъ между тѣмъ трещитъ и скрипитъ. Остался позади городъ съ теплыми домами и со спокойною постелью; вотъ уже и послѣдняя лавочка, съ неизмѣнной надписью: «распивочно и на выносъ», промелькнула въ сторонѣ, вмѣстѣ съ ветхой, покосившейся избушкой, — потянулась снѣжная дорога съ ухабами и сугробами. Побѣлѣвшіе отъ мороза чахлые перелѣски ельнику и сосняку, кой-гдѣ растущіе за г. Томскомъ, да верстовые столбы, да бездомовыя галки, вотъ дорожные зимніе виды, вотъ все, на чемъ можетъ отдохнуть взоръ путника. Да и глядѣть-то въ морозную погоду — неглядится: ежатся наверху возковъ лежни, закутавшіе свои лица наглухо платками и шалями; инеемъ пушистымъ забѣлѣлись эти шали отъ дыханія; отъ быстроты ѣзды вѣтеръ еще сильнѣе бьетъ въ закутанныя лица лежней; они жмутся въ своихъ лежанкахъ, не испытавъ еще сотой доли дорожныхъ бѣдъ, какія ихъ ожидаютъ; они на первой же верстѣ, прозябшіе и продрогшіе отъ сибирскаго мороза, уже начинаютъ вздыхать и раскаиваться, что поѣхалъ на возкахъ, на которыхъ въ какія шубы ни кутайся, а морозъ все-таки проберетъ до костей.

Но вотъ и станція.

Въѣзжаютъ возки въ деревню и рассыпаются по всѣмъ улицамъ, какъ рассыпаются по гладкому полу высыпавшіеся изъ мѣшка орѣхи. Прикащикъ сердится, кричитъ, ругаетъ ямщиковъ, угрожаетъ имъ и своимъ лежнямъ, требуя, чтобы возки не разбѣгались по деревнѣ, а собирались бы на одномъ мѣстѣ; но весь его крикъ и брань пропадаютъ понапрасну: ямщикъ кричитъ свое, машетъ руками и киваетъ головой вдаль деревни. Лежень старается отнять у него возжи, чтобы самому править лошадьми и остановить ихъ тамъ, гдѣ желаетъ обозный прикащикъ; но ямщикъ не даетъ возжей и гонитъ что есть силы далѣе. Мной разъ лежень разсердившись бьетъ ямщика въ шею, старается столкнуть его съ козелъ, — ямщикъ не обращаетъ на это никакого вниманія и гонитъ себѣ далѣе; лежень свалить его на спину и старается вырвать возжи, но ямщикъ швырнетъ ихъ на спины лошадей, свиснетъ, крикнетъ, и понятливые кони еще быстрѣе понесутся по деревенской улицѣ, зная, гдѣ имъ остановиться. Они привыкли уже къ одному мѣсту и остановятся съ возкомъ у воротъ друга и пріятеля ямщицкаго.

Другъ и пріятель этотъ извѣстенъ въ Западной Сибири подъ именемъ «дружка». Каждый изъ порядочныхъ ямщиковъ имѣетъ у себя «дружка», къ которому всегда и везетъ возки и экипажи; дружокъ въ свою очередь оплачиваетъ тѣмъ же, и тотъ проѣзжающій, который ѣдетъ по Западной Сибири не на почтовыхъ лошадяхъ, а на вольныхъ, слыветъ между крестьянами купцомъ, или человѣкомъ, которому купцы присовѣтовали «ѣхать по дружкамъ».

— Это мы, ваше почтеніе, потому, значитъ, такъ говоримъ, что купцы насъ очень хорошо знаютъ, а мы ими только и живемъ. Они, значитъ, съ нами всегда по божьему.. Пріѣхалъ, запрягай, — одно слово! о цѣнѣ — молчокъ, — потому купецъ самъ знаетъ, что и какъ слѣдуетъ.

Случается, что проѣзжіи человѣкъ не услышитъ, какъ повозка его остановится на станціи, то «дружокъ» не разбудитъ его, а переведетъ свой долгъ на своего дружка, и такъ иногда станціи три, четыре пройдетъ.

Въ первый разъ моего пути въ Сибирь я былъ до крайности удивленъ однажды утромъ, когда, проснувшись послѣ сна, услыхалъ отъ ямщика, что съ меня слѣдуетъ прогоновъ пять рублей съ половиной.

— Что ты, голубчикъ, въ умѣ-ли? — спрашивалъ я.

— Да, въ умѣ...

— Какъ же это такъ? За что же пять рублей съ половиной?

— Да въ ночь-то вы уѣхали полтораста верстъ..

— Вотъ-тебѣ на!

Справился я по названію деревни и удостовѣрился, что мы дѣйствительно уѣхали 150 верстъ:

Дружки всегда вѣрны одинъ другому, и потому-то ямщикъ ни за что не согласится остановить возокъ у другаго ямщика, съ которымъ онъ дружбы не ведетъ. Правда, что не всѣ ямщики имѣюгъ дружковъ, но эти не имѣющіе уже и сами себя не считаютъ ямщиками, а пользуются доходомъ отъ гоньбы только при случаѣ.

Разбѣжавшіеся въ разные концы деревни возки только тогда собираются къ тому двору, у котораго остановился возокъ съ обознымъ прикащикомъ, когда вмѣсто прежнихъ лошадей запряжены лошади «дружка»

— Какъ вы смѣли уѣхать съ возкомъ безъ моего позволенія? сердито спрашиваетъ обозный прикащикъ, если только онъ не знаетъ существующихъ обычаевъ «дружкованья»

— Ужъ на этомъ ты насъ, извини, потому такъ и такъ...

И начинается объясненіе.

— Ну, а почему-же везете-то вы? — спрашиваетъ прикащикъ новыхъ ямщиковъ.

— Объ этомъ не спрашивай: извѣстно, почему дружокъ, потомъ и мы...

И споръ о поверстной платѣ никогда не бываетъ, она съ первой станціи устанавливается между прикащиками и первымъ ямщикомъ, да такъ ужъ и идетъ верстъ на 500, а то и на всю тысячу. Иной разъ только во время метели заикнется какой-нибудь сребролюбивый дружокъ о прибавкѣ, но и проситъ ее не какъ прибавку къ поверстной платѣ, а какъ будто «на водку»

— Твоя воля, почтенный, прибавишь ли, нѣтъ ли, потому, значитъ, дорога сугробиста, только примѣрно я не требую, потому какъ дружокъ, такъ и я — все едино; а только дорога сугробиста, не будетъ ли, можетъ, милости какой...

Прибавитъ прикащикъ — ладно, не прибавитъ везутъ по прежней цѣнѣ, по какой дружокъ привезъ.

Въ хорошую, тихую погоду, когда дорога не переметена снѣгомъ и не представляетъ трудности для проѣзда тяжелыхъ возковъ, — въ такую погоду охотниками на ѣзду являются почти всѣ жители деревни, отъ стараго до малаго; случалось даже такъ, что за отсутствіемъ изъ двора мужика на козла садилась женщина и ѣхала съ легкой повозкой, а то и съ возкомъ, за ямщика. Съ возкомъ-то; пожалуй, ямщикъ женскаго пола и не часто ѣздитъ, а съ обыкновенной повозкой, женщина на козлахъ, — дѣло обыкновенное. Иногда ночью сѣдоки и не знаютъ, что у нихъ на козлахъ женщина управляетъ лошадьми, и долго потомъ смѣются послѣ дорожнаго холода, въ теплой избѣ надъ своимъ ямщикомъ, одѣтымъ въ сарафанъ. Женщина и сама смѣется, довольная, что за отсутствіемъ мужа исполнила его обязанность.

Такъ какъ возковъ проходитъ много, то не всѣ они слѣдуютъ «по дружкамъ», потому что, во-первыхъ, въ каждой деревнѣ хорошихъ, то есть имѣющихъ сытыхъ и крѣпкихъ коней, ямщиковъ не болѣе шести-семи, слѣдовательно ихъ

лошадей недостаточно для всѣхъ возковъ; а во-вторыхъ, нѣкоторые изъ обозныхъ прикащиковъ, по экономическимъ расчетамъ, нанимаютъ такихъ ямщиковъ, которые дешевле другихъ просятъ. Зная по примѣру прежнихъ лѣтъ о времени прихода возковъ, крестьяне выѣзжаютъ за деревню, на разстояніе трехъ, четырехъ верстъ и ждутъ на морозѣ прихода возковъ; иногда это ожиданіе длится часовъ по пяти и шести. Ждутъ они для того, чтобы заблаговременно наняться везти возокъ до слѣдующей станціи. Другой всю пятерку съ собой захватитъ, и дугу, и возжи привезетъ, чтобы ужъ не останавливаться въ деревнѣ, а прямо ѣхать на слѣдующую станцію: каждый труситъ, что товарищъ, сосѣдъ отобьетъ работу и возьметъ дешевле.

Заслышатъ ожидающіе ямщики глухой звукъ заброшеннаго снѣгомъ колокольчика и бросаются во весь махъ на встрѣчу возкамъ, стараясь обогнать одинъ другаго, чтобы первому прискакать къ возку и поторговаться съ обознымъ прикащикомъ. Если возки слѣдуютъ «по дружкамъ», то ожидавшимъ такъ долго ямщикамъ приходится слышать непріятныя для нихъ слова:

— По дружкамъ! По дружкамъ! Убирайтесь въ сторону...

— Эхъ-ма! А дешево бы мы взяли...

И, понутивъ голову, перезябшіе ямщики отъѣзжаютъ въ сторону отъ дороги и снова всматриваются въ даль, выжидая появленія новыхъ возковъ. Если же прикащикъ находитъ для себя удобнымъ согласиться на дешевую цѣну, то зачастую въ возки перепрягаютъ лошадей на дорогѣ и проѣзжаютъ на слѣдующую станцію не останавливаясь.

Иногда предложеній является болѣе, чѣмъ запросу, въ такомъ случаѣ ямщики, догоняя возокъ, стараются забросить свою шапку на возокъ, и чья первая осталась на возкѣ, тому и везти.

— Попала-а! Моя попала!

— Нѣтъ, врешь, — у тебя синя шапка была, а это моя!..

— Проспись, — чортова скотина!...

И заспорили. А другой, догадливый, пока товарищи разбираютъ, у кого какого цвѣта шапка была, сторгуется съ прикащикомъ и получаетъ задатокъ.

— Вотъ-тѣ разъ! Сказано, деревня промежду глазъ спалилась, — впередъ не спорьте, — подшучиваютъ товарищи.

— Это васъ, дьяволовъ, Богъ, за дѣло, потому вы осатанѣли!..

И надолго остается между крестьянами разговоръ о двухъ ямщикахъ, спорившихъ о томъ кому везти...

Ночью случалось такъ, что проѣзжіе люди, незнающіе мѣстныхъ обычаевъ, пугались нападенія ямщиковъ, и эти ямщики, иногда неловко подвернувшись подъ руку проѣзжаго, получали хорошія затрещины въ ухо, иногда сильный

проѣзжій такъ огорошить, что ямщикъ долго не можетъ придти въ себя и лежитъ на дорогѣ безъ памяти.

— Караулъ! Разбой! Воры! — съ испугу закричитъ другой, робкій человѣкъ.

— Да что ты, баринъ, не сумлѣвайся, — уговариваетъ ямщикъ, привезшій на станцію, — не сумлѣвайся, — все болполушно!

— Какое благополучно, — десять человѣкъ нападаютъ на экипажъ!

— Нужды нѣтъ, это все свои! Это наши ребята... Нанимаются везти твою милость на тотъ станокъ.

— Ахъ, будьте вы прокляты, — какъ испугали...

И долго проѣзжій человѣкъ не можетъ придти въ себя.

Тѣ изъ ямщиковъ, которые выѣзжаютъ за деревню для найма, если не берутъ съ собой всѣхъ лошадей съ дугами и возжами, то держатъ ихъ дома въ хомутахъ. Лишь только успѣютъ возки «прибѣжать» и прежній ямщикъ выпряжетъ своихъ коней, какъ въ оглобляхъ возковъ уже готовы новые кони. Крестьяне, не выѣзжавшіе за деревню, слышатъ звукъ колокольчика и не успѣютъ выйдти, какъ возки уже готовы въ путь. Иной заспавшійся на теплой печи крестьянинъ такъ опоздаетъ, что выскочитъ изъ своей избенки въ одной рубахѣ и босикомъ; выбѣжитъ онъ на улицу, еще не стряхнувъ съ себя дремоту, перескакиваетъ съ одной ноги на другую и, спрятавши руки подъ мышки, тревожно и торопливо спрашиваетъ смѣющихся товарищей.

— Что такое? Стой! Я повезу... Почему даешь-то?..

А возковъ давно уже и слѣдъ простылъ.

Товарищи смѣются; заспавшійся крестьянинъ сердится, и, очнувшись отъ щиплющаго ноги мороза, видитъ, что нечего везти и даже не слышно уже глухаго звона колокольчика.

Возки «пробѣжали» деревню и послѣдній звукъ ямщицкаго прикрикиванья на лошадей давно замеръ за деревенскимъ кладбищемъ, гдѣ занесенные сугробами снѣга выглядываютъ на большую дорогу почернѣвшіе и покосившіеся кресты крестьянскихъ могилъ.

— Эка горе! Проспа-аль! — перепрыгивая съ ноги на ногу, скажетъ крестьянинъ и бѣжитъ назадъ на свою теплую печь.

— Дементій! А, Дементій! — кричатъ вслѣдъ смѣющіеся товарищи: — гляди, гляди, возки бегутъ... Хо! хо!...

— Ну васъ... Ноги озябли! — на бѣгу отвѣчаетъ Дементій и улепетываетъ по снѣгу домой.

Возки между тѣмъ миновали занесенное снѣгомъ кладбище, оставили за собой ветхую, бѣдненькую церковь, и несутся по большой дорогѣ. Освѣщенная блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, кой- гдѣ блеститъ длинная, извивающаяся лентой дорога; мѣстами тѣнь падаетъ отъ сугробовъ; морозъ трещитъ въ воздухѣ; вѣтеръ, точно рѣзвась и играя, поднимаетъ за возками клубы снѣгу и

носить ихъ по широкой степи, завивая вихремъ и прихотливо перебрасывая съ мѣста на мѣсто; торчатъ одиноко верстовые столбы съ залѣпленными снѣгомъ цифрами, такъ что и узнать нельзя, скоро ли конецъ утомительному путешествію, скоро ли залаютъ собаки — пріятные вѣстники близкой деревни, и заблеститъ гдѣ-нибудь изъ- за сугроба снѣга огонекъ, свѣтящійся въ крестьянской избушкѣ и такъ привѣтливо манящій къ себѣ уставшаго и передрогнувшаго путника.

Лежень ежится отъ тридцати-градуснаго мороза и упорно молчитъ, закутываясь въ заиндевѣвшую шаль; ямщики перекрикиваются между собой; продрогнувъ отъ холода, они погоняютъ сильнѣе лошадей и мчатся возки по ухабамъ и сугробамъ. Вдругъ — раскатъ, — возокъ накренился на одинъ бокъ; отъ быстроты ѣзды его перебросило на другой, задремавшій лежень не успѣлъ схватиться руками за возокъ и вылетѣлъ внизъ головой съ вершины возка въ глубокой снѣгъ. Пока онъ опомнился, пока вытащилъ изъ сугроба свою голову и раскуталъ шаль, чтобы закричать ямщику, а возокъ уже чернѣется далеко впереди и длинная тѣнь отъ него, широко раскинувшись по снѣжному полю, убѣгаетъ вмѣстѣ съ возкомъ все далѣе и далѣе...

— Сто-ой! Сто-ой! — слышится отчаянный, дрожащій голосъ перемерзнувшаго лежня, — сто!...

Никто не слышитъ, никто не откликается и только вѣтеръ, закрутивъ вихремъ снѣгъ, съ визгомъ пробѣгаетъ вдаль степной дороги.

— Батюшки! Вѣдь можно здѣсь замерзнуть... Морозъ-то какой! Какъ я дойду до станціи и далеко ли еще она? — думаетъ лежень.

И въ головѣ его быстро пробѣгаютъ мысли, одна другой страшнѣе. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, стараясь согрѣться; силы ему измѣняются; онъ собираетъ послѣдніе ихъ остатки и снова задыхаясь бѣжитъ по безконечной дорогѣ и пугливо взглядываетъ на высокіе снѣжные сугробы, заграждающіе ему путь.

— Вотъ тебѣ и могила!.. съ ужасомъ приходитъ ему на мысль.

Страшно одному въ безконечной, безлюдной степи при 30° морозѣ. Я много слыхалъ рассказовъ людей случайно спасшихся отъ замерзанія; я самъ когда-то испыталъ нѣчто подобное. Представляю изъ опыта и по рассказамъ, какъ постепенно теряется ощущение холода: послѣ продолжительнаго дрожанія и боли въ оконечностяхъ рукъ и ногъ, чувствуется онѣмѣніе членовъ, хочется спать, морозъ уже не тревожитъ болѣе, наконецъ даже дѣлается какъ будто тепло и чувствуетъ замерзающій человекъ пріятный бредъ: видитъ онъ внутренность теплой избы, на столѣ кипитъ самоваръ... и прочее и прочее, діаметрально противоположное дѣйствительности.

Но мы оставили на дорогѣ нашего свалившагося лежня. Онъ бѣжитъ, бѣжитъ, а возка даже и слѣду нѣтъ.

— Стой! — кричатъ наконецъ и ямщики другъ другу.

— Что тамъ приспѣ-ѣ-ло?

— Сто-ой! Лежня потеряли...

— Эка угораздило... Лежень такъ лежень и есть; спитъ, чай, на дорогѣ...

Возокъ, потерявшій своего лежня, бѣжитъ назадъ. Ямщикъ ругается за то, что ему пришлось сдѣлать лишнихъ верстъ десять, но лежень не обращаетъ вниманія ни на какую брань: онъ радъ-радъ, что спасъ свою жизнь отъ лютаго мороза.

Бывали и теперь, конечно, бываютъ случаи несчастнаго паденія съ возковъ, какъ, на примѣръ, въ 1856 году одинъ изъ обозныхъ прикащиковъ вылетѣлъ въ раскатѣ съ возка и ему отводомъ раздробило на три части правую руку... Да мало ли такихъ случаевъ.

VIII

Зимняя дорога по Западной Сибири. — Весенний разливъ рѣкъ. — Случаи во время пути. — Горныя дороги по Уральскому хребту. — Несчастливая гора. — Путь чая за Ураломъ. — Сдача чая въ Москвѣ.

Опытный и бывалый обозный прикащикъ не всегда согласится отдать свои возки везти незнакомымъ извозчикамъ, «не дружкамъ», — не потому, чтобы онъ боялся воровства, но исключительно по той причинѣ, что многіе изъ охотниковъ, нанимающихся везти возки до станціи, не заботятся о томъ, довезутъ ли возки до станціи: лишь-бы только наняться, а тамъ, что Богъ дастъ, «бывать, молъ, и добягутъ». Правда, что эти охотники нанимаются дешевле, но за то «бывать, и не добягутъ», и остановится возокъ на половинѣ станціи. Ямщикъ, испугавшись печальнаго исхода своей гоньбы, теряетъ всякое сожалѣніе къ своимъ «животамъ» и бьетъ ихъ до того, что самъ едва можетъ дышать. Прикащикъ злится на такого охотника и, помогая ему сначала бить лошадей, потомъ принимается его самого бить.

— Не нанимайся, когда знаешь, что у тебя лошади плохи!

— Да кто ихъ знаетъ, чаво имъ приспѣло... Завсягда возимъ... Не дерись, почтенной... Пусты лучше меня...

— Вези! Нанялся, такъ вези!

— Батюшко! — жалобно проситъ ямщикъ: — отпусти ты меня, — не надо и денегъ...

— Пойми ты, глупая голова, какъ же я тебя отпущу? Что же я буду дѣлать здѣсь съ возкомъ-то? На своихъ плечахъ что-ли девяносто пудовъ повезу?

Прикащику и досадно и смѣшно при видѣ печальной фигуры ямщика, желающаго оставить возокъ на дорогѣ; онъ и самъ, наконецъ, соображаетъ, что просьба его не исполнима, и снова съ яростію накидывается на утомившихся лошадей.

Если уже нѣтъ никакой надежды на то, что уставшія лошади, собравшись съ силами, дотащатъ возокъ до станціи, то другіе возки уѣзжаютъ на станцію и ямщики посылаютъ оттуда свѣжихъ лошадей; а иногда товарищи ямщика распредѣляютъ уставшихъ лошадей по одной къ другимъ возкамъ, отъ которыхъ отпрягаютъ тоже по одной лошади и такимъ образомъ помогаютъ горю; за это, конечно, владѣлецъ уставшихъ лошадей отдаетъ часть своихъ прогонныхъ денегъ товарищамъ.

Бывали случаи такого рода.

Выѣхали со станціи десять возковъ. На первомъ возкѣ ѣхалъ, въ качествѣ лежня, мальчикъ лѣтъ пятнадцати; ямщикъ съ самаго начала пути погналъ лошадей во весь духъ и скрылся далеко изъ виду отъ другихъ возковъ; другіе

возки замедлили на дорогѣ оттого, что у одного изъ возковъ сломался отводъ. Пока они стояли на дорогѣ, первый возокъ все удалялся впередъ, и ямщикъ подвыпившій, можетъ быть, не обращалъ никакого вниманія на усталость своихъ лошадей. Вдругъ возокъ остановился на мѣстѣ: кони по грудь стояли въ сугробѣ. Отрезвился ямщикъ, видитъ — дѣло плохо, — не вывезти его лошадямъ возка изъ страшнаго сугроба, придется принять на свою шею не мало колотушекъ. Не долго думая, онъ выпрягъ поскорѣ коней, сѣлъ верхомъ и маршъ назадъ. Мальчикъ-лежень не успѣлъ высунуть голову изъ своей шали, какъ ямщикъ уже уѣхалъ. Встрѣтился ямщикъ съ возками, замедлившими на пути, своротилъ въ сторону отъ дороги и отвернулся: авось, молъ, не узнаютъ.

Ямщики его узнали, удивились и закричали.

— Что это, робята, да никакъ нашъ мужикъ- отъ? Вѣдь онъ съ возкомъ убѣжалъ... Неужли доведъ до станка?.. Ей! Ей!.. Стой-ко!

Но бѣглець только рукой махнулъ и погналъ поскорѣ отъ возковъ.

Такъ возокъ съ мальчикомъ-лежнемъ и оставался на дорогѣ, пока съ слѣдующей станціи не прислали лошадей.

Охотники «не дружки» любятъ возить возки только въ то время, когда дорога не переметена снѣгомъ, а въ особенности добиваются они работы послѣ того, какъ по сибирской дорогѣ проѣдетъ кто-нибудь изъ большихъ начальниковъ, или провезутъ изъ Барнаула возки съ золотомъ, слѣдующіе въ Петербургъ.

— Ну, робята, теперь валяй, — дорога гладка, потому золотуха прошла!

— Теперь, робята, бяги все ровно по полу: енаралъ въ избушкѣ пробѣжалъ!

И сѣдлаютъ поскорѣ коней, чтобы ѣхать за деревню, выжидать прихода возковъ. Но когда выпадаетъ для возковъ путь во время мятелей, сильнаго снѣга, тогда эти охотники заваливаются на печки и не обращаютъ никакого вниманія на звонъ колокольчиковъ, на шумъ и говоръ на улицѣ.

— Таперича не наша очередь. Таперича пусть-ка дружки лямку-ту натрутъ себѣ въ ухабахъ-то!..

А «дружки» на своихъ превосходныхъ коняхъ, слава о которыхъ гремитъ по всему Русскому царству, — везутъ по десять верстъ въ часъ 90 пудовые возки и только въ то время, когда недавняя мятель занесетъ дорогу высокими сугробами, останавливаются для того, чтобы очистить себѣ путь. Для расчистки сугробовъ при каждомъ возкѣ имѣется всегда двѣ лопаты, — одна лежню, другая ямщику. Нѣтъ возможности выѣхать изъ сугроба, — остановятся всѣ возки по дорогѣ и пойдетъ работа: расчистили путь, ѣдутъ далѣе, до новаго сугроба.

Въ одну бурную зиму снѣга были глубокие, болѣе двухъ сажень глубины; частыя мятели надѣлали то, что дорога стала походить на морскія волны: — то точно гора снѣжная высится, то точно пропасть какая, возокъ, погрузясь въ

нее, не видѣнъ съ дороги. Засядетъ возокъ въ такую пропасть и, не смотря на силу лошадей, нѣтъ никакой возможности выбраться безъ того, чтобы не расчищать дороги и не срывать снѣгъ. Обѣхать стороной невозможно, — лошади погрузнуть въ снѣгъ совсѣмъ съ дугой, и не вытащишь ихъ оттуда. Такую снѣжную и бурную зиму долго не забываютъ ямщики, и тѣмъ болѣе она памятна, что съ наступленіемъ весны по дорогѣ текутъ цѣлыя рѣки, грязь дѣлается невообразимая, и горе тому путнику, который поѣдетъ въ такое время по Западной Сибири: — помучится онъ до того, что во всю жизнь свою не забудетъ этого пути. Однажды я ѣхалъ въ такое время, и мнѣ пришлось тащиться изъ гор. Тюкалинска до Каинска (500 вер.) десять дней. Экипажъ на аршинъ углублялся въ болотистую почву; для того чтобы кони могли хоть нѣсколько сажень его провезти, подъ колеса подкладывались чуть не цѣлые фундаменты изъ березовыхъ прутьевъ, изъ чахлаго осинника и изо всякой всячины; сдѣлаемъ такой фундаментъ, закричимъ, заухаемъ на лошадей и подвинемся впередъ сажень на двадцать, на тридцать, а тамъ — опять та же исторія¹.

Теперь съ открытіемъ пароходства по рѣкамъ Иртышу, Оби, Томи и Тоболу, не только всѣ грузы отправляются воднымъ путемъ, но и большая часть проѣзжающихъ предпочитаютъ ѣхать на пароходѣ, не смотря на то, что пароходъ идетъ изъ Томска до Тюмени 14 и 15 дней и дѣлаетъ вмѣсто 1500 вёрстъ прямого пути, 3000 вёрстъ по рѣкамъ. Слѣдовательно описываемый нами путь возковъ по Зап. Сибири только зимній.

Однажды въ бурную зиму былъ такой случай.

Возки съ чаями «бѣжали» на Ирбитскую ярмарку, а навстрѣчу имъ попались возки съ русскими товарами, слѣдовавшіе уже изъ Ирбитской ярмарки въ Томскъ. Чайный возокъ, шедшій впереди, «засѣлъ въ нырокъ», т. е. не могъ выбраться изъ глубокой пропасти, образовавшейся отъ снѣжныхъ сугробовъ. Началась работа съ лопатями, работа утомительная, долгая; а между тѣмъ съ противоположной стороны еще прибыло нѣсколько возковъ, — проѣзду нѣтъ, въ сторону своротить нельзя. Начали прикащики между собой браниться; слѣдуя ихъ примѣру, извощики — тоже: давайте дорогу и — конецъ!

— Да вотъ вамъ дорога широка, — ступай стороной, топи коней въ снѣгу!

¹ Весною, послѣ разлитія рѣкъ, въ особенности трудно проѣзжать по нѣкоторымъ мѣстамъ Западной Сибири; а во время ихъ разлива часто случается плыть съ экипажемъ на лодкахъ по 7 и 10 вёрстъ. На паромахъ эта переправа дѣлается обыкновеннымъ способомъ, но такъ какъ паромовъ не много, зачастую только два, и потому пришлось бы долго дожидаться того времени, когда возвратится паромъ съ противоположной стороны, то экипажъ отправляютъ на двухъ лодкахъ: въ одну ставятъ экипажъ передними колесами, въ другую — задними, да такъ и плывутъ. Хорошо, когда тихая погода; а во время бурь случается и такъ, что отъ неровнаго положенія во время качки лодокъ, экипажъ свернется въ воду, и если не потонетъ, то все же заставитъ надъ собой поработать. Потонуть онъ не можетъ, потому что при ширинѣ разлива по степной мѣстности вода не бываетъ глубока. Лошади при переправѣ оставляются, обыкновенно на противоположной сторонѣ запрягаютъ уже другихъ коней. За такую переправу случается платить по 10 р. съ экипажа, а иногда и дороже. Эта цѣна еще не высокая, — на Иртышѣ, напримѣръ, арендаторъ паромовъ бралъ иногда съ купцовъ по 20 руб. Иначе не перевозилъ, говоря, что буря, хотя въ дѣйствительности не было ничего подобнаго.

— Самъ топи!.. Убирай возокъ изъ нырка!..

— Что, ребята, на нихъ смотрѣть, у нихъ всего-то шесть возковъ, ждать намъ что-ли ихъ, давайте зароемъ возокъ въ снѣгу, — да и кончено дѣло!...

— Да, какъ-же попробуй!

— А вотъ и зароемъ... Ребята! зарывай!

Началась драка, но дѣло кончилось тѣмъ, что возокъ, вмѣсто того чтобы откапывать ему путь, забросали снѣгомъ, да такъ по возку всѣ и проѣхали, а остальные возки свалили на бокъ. Долго потомъ пришлось работать ямщикамъ, ѣхавшимъ съ чайными возками.

Однажды чайный возокъ слѣдовалъ изъ Томска въ Ирбитъ одинъ; при немъ только былъ обозный прикащикъ и ямщикъ; нагружено было на этотъ возокъ семьдесятъ пудовъ, и случилась такая бѣда, что на одномъ крутомъ поворотѣ дороги лошадь замѣтила крестьянина съ медвѣдемъ, рванулась въ сторону и опрокинула возокъ. Положеніе было неловкое: двоимъ невозможно поставить на полозья семидесяти-пудовой возокъ. Что оставалось дѣлать? Нужно было посылать ямщика въ деревню, за народомъ, но, благодаря медвѣдю, дѣло кончилось скоро. Предложилъ крестьянинъ выпрячь коней, отвели ихъ въ сторону и заставили медвѣдя поднимать возокъ. Натянулъ Мишка постромки, накинутыя на другую сторону возка, помычалъ, повертѣлъ головой и поставилъ возокъ на полозья.

Всѣхъ рассказанныхъ случаевъ, мнѣ кажется, достаточно для того, чтобы читатель имѣлъ понятіе о путешествіи возковъ по Западной Сибири.

Около г. Тюмени возки, слѣдующіе на ярмарки Ирбитскую и Мензелинскую, расходятся въ разныя стороны: слѣдующіе въ Ирбитъ идутъ на Тюмень, откуда остается только сто верстъ до г. Ирбити; чай же, идущіе на Мензелинскую ярмарку, не завозятъ въ Тюмень, а въ ста верстахъ отъ этого города поворачиваютъ по тракту на г. Шадринскъ, изъ котораго возки отправляются чрезъ желѣзодѣлательные заводы Уфалей и Ураимъ на г. Бирскъ, или же чрезъ города Челябину и Троицкъ тоже на городъ Бирскъ¹. Оба эти пути неминуемо пролегаютъ чрезъ Уральскій хребетъ, а потому и невозможно тяжелымъ возкамъ переваливаться чрезъ хребетъ въ томъ же видѣ, въ какомъ они слѣдовали по ровному пути Западной Сибири. Въ Шадринскѣ ихъ разгружаютъ и дѣлаютъ въ половину менѣе.

Уже подѣвзжая къ г. Шадринску мѣстность начинаетъ возвышаться; Уральскій хребетъ постепенно даетъ себя чувствовать: — попадаются хвойныя породы мховъ, небольшія горы, и, чѣмъ далѣе — тѣмъ болѣе, измѣняется степной характеръ мѣстности; вдали уже синѣютъ высокія острокопечныя

¹ На города Екатеринбургъ и Пермь возки никогда не отправляются, во избѣжаніе расходовъ по вольной почтѣ, хотя перевалъ чрезъ Уральскій хребетъ на этомъ пути удобнѣе другихъ. Обозы лѣтомъ идутъ по этому тракту, потому что въ Перми чай отдаются на пароходъ, а зимою нѣкоторые тоже отправляются на г. Бирскъ, считая этотъ путь прямѣе.

сопки Урала, и возки по нѣсколькѣ часовъ поднимаются на какой-нибудь небольшой холмъ, замучивая лошадей на этихъ подъѣмахъ.

Въ Шадрипскѣ перегрузились и тронулись дальше.

Обозный прикащикъ вздыхаетъ, вспомнивъ ровную дорогу по Западной Сибири, крѣпко задумывается при мысли о предстоящемъ пути чрезъ Уральскій хребетъ, задумывается потому, что по этому пути много выпадаетъ на его долю труда и заботъ; вздыхаютъ и лежни, боязливо посматривая на высокія мрачныя горы, тутъ и тамъ выступающія передъ ихъ путемъ.

— Неужели мы черезъ эти горы поѣдемъ? — спрашиваютъ они ямщиковъ.

— А то какъ-же? Подъ низомъ что-ли ихъ обойдемъ? Вѣстимо, черезъ горы...

— Высоко, чай, круто подниматься?

— Всяко бывать. Бываютъ и круто, бываютъ и полого. Иной разъ и поревѣшь около горы, стоя съ возкомъ-то...

Ямщикъ видимо недоволенъ разспросами: не до того ему! впереди предстоитъ крутой подъемъ на гору.

— Ну-ко, лежни, слѣзайте, — гора. Будетъ вамъ лежать на возкахъ-то, поразомнитесь-ко...

Слѣзутъ лежни, слѣзетъ и прикащикъ съ возка, и ямщикъ, отрывисто и сердито покрикивающей на коней, тоже слѣзаетъ съ своего мѣста и шагъ за шагомъ возки тянутся на гору. Лежни несутъ въ рукахъ небольшіе рычаги, и какъ только лошади останавливаются на пути подъема, тотчасъ дѣлаютъ рычагами подпорки сзади возка для того, чтобы возокъ не потянуло внизъ. На высокую гору другаго способа подниматься нѣтъ. Если кони не имѣютъ силы поднять пятьдесятъ или сорокъ пудовъ, то отъ другихъ возковъ припрягаютъ еще коней, и съ помощью ихъ поднимается возокъ на гору, потомъ начинаютъ переводить копей подъ гору къ тому возку, изъ котораго выпрягли коней, и его такимъ же способомъ взвозятъ на гору. Но на небольшихъ горахъ, имѣющихъ крутые подъемы, бываетъ всего болѣе горя: медленно поднимаясь, лошади не въ силахъ втянуть возокъ по крутизнѣ; на бѣду ещѣ случается такъ, что у самага конца горы дорога заледенѣетъ и бѣда съ плохо кованными лошадьми, — нѣтъ никакой возможности выйдти изъ затруднительнаго положенія: запрягутъ вмѣсто трехъ шесть лошадей, сами ямщики и лежни помогаютъ возку своими плечами, кричатъ, ухаютъ, но кони, поднявшись къ концу горы, зацарапаютъ, заскользятъ ногами по обледенѣвшей дорогѣ и изнурившись не могутъ удержать возка, — его тянетъ внизъ, подпорки, подставленныя сзади, ломаетъ или вдавливаютъ въ снѣгъ, и возокъ скатывается снова подъ гору.

Видя невозможность подняться медленнымъ шагомъ, рѣшаются «вкатить» на гору со всего маху. Уѣзжаютъ съ возками обратно отъ горы сажень на сто, ямщикъ залѣзаетъ на самый верхъ возка, забираетъ въ одну руку возжи, а

другой рукой подстегиваетъ лошадей и гонитъ на гору во весь духъ. На половивѣ горы стоятъ лежни и ждуть возка. Лишь только онъ сравняется съ ними, какъ прикащикъ отдаетъ приказаніе.

— Ну, ребята, ухай!

И закричатъ всѣ сколько есть силы на лошадей, замахаютъ руками, все изъ желанія помочь имъ подняться на гору. Иной разъ кони и взбѣгутъ на самый верхъ, слѣдовательно мученіе оканчивается, а бываетъ и такъ, что возокъ, какъ Сизифовъ камень, не успѣетъ добраться до верху горы, его снова тянетъ назадъ, и такъ проходитъ длинная зимняя ночь.

Впрочемъ, трудность подъема зависитъ отъ качества лошадей и отъ сообразительности ямщика. Иной ямщикъ такъ ловко распоряжается своей пятеркой, что у него всѣ лошади работаютъ вдругъ точно одна, а у другаго ямщика и кони повидимому крѣпкіе и рослые, а везутъ плохо и мучатся по шести, семи часовъ у небольшой горы.

Во время моей юности не одна зима прошла для меня въ такихъ путешествіяхъ съ возками, и не разъ случалось видѣть, какъ за дальними сопками горъ пряталось зимнее солнце, какъ снова оно показывалось изъ-за другой стороны горъ, и заставало насъ все на томъ же мѣстѣ, около той же горы, у которой мы были вчера. Однажды пришлось два раза посылать за свѣжими лошадьми, и только тогда мы поднялись съ возкомъ, когда догадались изрубить обледенѣвшую дорогу топорами.

Однажды, помню я, мы ѣхали въ Сибирь въ обыкновенномъ зимнемъ экипажѣ безъ груза. Поднялись мы на одну высокую гору и увидѣли картину слѣдующаго рода: на вершинѣ горы стояли въ безпорядкѣ нѣсколько возковъ; лошади, привязанныя къ дереву, тѣснились одна подлѣ другой, вздрагивая отъ холода и уныло повѣсивъ головы; около возковъ былъ слѣдъ горѣвшаго костра, который давно потухъ, и у этого потухшаго костра спали мертвымъ сномъ ямщики, лежни и обозный прикащикъ. Они, вѣроятно, послѣ многихъ и многихъ трудовъ и усилій, употребленныхъ на подъемъ возковъ на гору, не могли уже продолжать путь и уснули.

Грустно было смотрѣть на эту картину тяжелаго сна.

Но довольно о подъемахъ на гору. Посмотримъ, какъ возки спускаются съ крутыхъ горъ.

Безъ тормоза спускъ невозможенъ. Тормозъ у саней дѣлается изъ толстой цѣпи, которая и подкладывается подъ полозья, но такимъ тормозомъ немного удержать возокъ при спускѣ, его потянетъ внизъ такъ, что тормозъ будетъ только привскакивать или просто оборвется; по этому случаю, на спускахъ съ Уральскихъ горъ, опытные люди выдумали другой способъ тормозить возки. Поднимутся они съ возками на гору, остановятся и, выбравъ какую-нибудь

сосну или ель потолще да покрѣпче, начинаютъ ее срубить подъ самый корень. Неопытные лежни дивятся и спрашиваютъ, на что же такое большое дерево?

— А вотъ избу будемъ строить, чѣмъ мучиться-то по горамъ, — отвѣчаютъ ямщики и обозные прикащики.

Срубили высокое дерево, подтащили его къ возку верхнимъ концомъ, привязали покрѣпче веревками, и крикнули ямщику:

— Ну-ко, Господи, благослови, трогай!

Возокъ тронулся внизъ по страшной крутизнѣ, тормозъ скрипитъ и визжитъ подъ полозьями, сосна, задѣвая сучьями, загребаешь съ дороги горы снѣга и препятствуетъ возку спускаться.

Картина хотя и не очень красива, но за то вполне оригинальна.

Пристяжные лошади при крутыхъ спускахъ всегда отпрягаются отъ возка, ямщикъ, во избѣженіе опасности, тоже не сидитъ на козлахъ, а идетъ поодаль, держа въ рукахъ возжи отъ коренной лошади, а она одна себѣ спускаетъ возокъ. Навостривъ уши и совершенно спустившись на заднія ноги, она упирается передними и такимъ образомъ возокъ благополучно спустится подъ гору. Сосна, тормозившая возокъ, отвязывается, вынимается изъ-подъ полозьевъ цѣпь, запрягаются остальные кони, и возокъ продолжаетъ путь.

Но не всегда такъ счастливо оканчивается дѣло.

Цѣпь ли, служащая тормозомъ, оборветъ копылья и проскользнетъ на изгибъ полоза, гдѣ не будетъ тормозить; сосна ли, попавшая своими сучьями на обледенѣвшее мѣсто, откуда сучья ничего не захватываютъ и не удерживаютъ болѣе возка; напоръ ли самой тяжести при крутомъ спускѣ обезсилитъ бѣдную лошадь, — все равно: всѣ эти неудачные случаи приводятъ къ тому, что лошадь, не имѣя силы сдерживать напирющую на нее тяжесть, вдругъ бросается внизъ во весь скакъ, ямщикъ сначала, по возможности, хочетъ удержать ее на возжахъ, но, видя опасность своего положенія, кидаетъ возжи и отбѣгаетъ въ сторону.

Возокъ мчится подъ гору съ ужаснѣйшей быстротой.

Лошадь, инстинктивно сознавая опасность своего положенія, хочетъ поворотить возокъ въ сторону, но сдѣлать этого при страшной быстротѣ не можетъ: она только сбиваетъ возокъ съ прямого пути, онъ идетъ сначала нѣсколько времени бокомъ, потомъ совершенно опрокидывается, кувыркается разъ, другой, третій, а вмѣстѣ съ нимъ вертится и кувыркается бѣдное животное; наткнувшись, наконецъ, на какой-нибудь сукъ, дерево или пригорокъ, возокъ останавливается.

Бѣгутъ къ нему съ верху горы ямщики, лежни, прикащикъ и видятъ, что отводы (розвалы) переломаны, возокъ разбитъ и лошадь изувѣчена.

— Ну, ребята, давайте работать, берите топоры, надо дѣлать новые отводы.

И работаютъ на дорогѣ часъ, два.

Въ горахъ Уральскаго хребта, да и вообще по всѣмъ русскимъ горнымъ дорогамъ, мало мостовъ, а если и есть они, такъ находятся при самомъ окончаніи спуска, въ глубинѣ чернѣющей пропасти, въ саженьяхъ двухъ, трехъ отъ земли, — такіе мосты, конечно, нисколько не улучшаютъ пути, это не тѣ мосты, какіе мы видимъ на западно-европейскихъ горныхъ дорогахъ. На Уральскомъ хребтѣ есть, напримѣръ, такія мѣстности, что надо только удивляться, какъ это до сихъ поръ не переломало себѣ головъ все населеніе двуногихъ и четвероногихъ, живущее по близости. Напримѣръ, я помню, есть близъ рѣки Уфы, въ Пермской губерніи, крутой спускъ съ горы, который идетъ внизъ изгибаясь дугой, и на самомъ крутомъ изгибѣ дороги нужно проѣзжать мимо глубочайшаго оврага; свалиться въ этотъ оврагъ нѣтъ ничего легче, потому что онъ не только ничѣмъ не загороженъ, но даже еще и покатошь имѣетъ къ себѣ, какъ будто манитъ на свою чернѣющую глубину.

— Что же это вы, ямщики, не сдѣлаете здѣсь прясла, или землянаго вала?

— На што онъ намъ?

— Какъ на што? Ваши же лошади могутъ туда свалиться.

— Ни-ча-а-во, не свалятся. У насъ, ваша милость, лошади привычны...

А привычная лошадь нѣтъ-нѣтъ да и летитъ въ пропасть внизъ головой.

— Ни-ча-а-во-о! Что-жъ! Значитъ ужъ такое на яе насланіе!

На этомъ и успокоивается ямщикъ, и дорога попрежнему остается съ крутымъ рвомъ, заманивающимъ къ себѣ лошадей.

— Разъ тутъ, ваше почтеніе, обозъ шоль, — рассказывалъ мнѣ ямщикъ, — шоль обозъ; зимой дѣло было. На этомъ самомъ мѣстѣ лошадь не сдержала, потянуло ее, потянуло внизъ, а она была привязана къ другому возу, а за яе возъ были привязаны еще воза... Что-жъ, судырь мой! Утянула она съ собой возовъ никакъ съ десятокъ; ничего, — живы остались.

Ямщики послѣ долго въ оврагѣ-то мучились, потому лошади погрузили въ снѣгу по шеи; дороги по оврагу тоже нѣтъ; опосля ничего, выбились... Что-жъ дѣлать-то?

— Сдѣлали бы вы валъ и — воза бы не валились и лошади бы цѣлы были...

— Это вы, — точно. Только кто дѣлать будетъ? Ежели къ примѣру хоша-бы до меня коснулось, да что мнѣ за неволя? Пушай другой кто строить, а я свои деньги бросать не хочу...

Такъ говоритъ каждый, и никто не хочетъ серьезно объ этомъ подумать.

На этомъ замѣчательномъ мѣстѣ изгиба горной дороги былъ съ чайнымъ возкомъ такого рода случай.

При спускѣ съ вершины тормозъ не могъ удержать возка, хвойное дерево переломало большую часть своихъ сучьевъ и не могло задерживать напора тяжести внизъ; лошадь, само собою разумѣется, помочь бѣдѣ тоже не могла, — возокъ улетѣлъ въ оврагъ вмѣстѣ съ лошадей, раздавилъ ее своею тяжестью,

самъ разбился на части, и чайные ящики разлетѣлись по оврагу, на всѣ четыре стороны.

Ъхавшіе на возкахъ, конечно, не могли спасти возокъ отъ паденія, и долго смотрѣли съ вершины обрыва внизъ, не зная что имъ дѣлать.

Подъ горой, верстахъ въ трехъ отъ описываемаго мѣста, лѣпится у горной подошвы маленькая деревенька. Обозный прикащикъ туда отправилъ сначала другіе уцѣлѣвшіе возки, а потомъ уже сталъ перевозить въ эту деревеньку на крестьянскихъ лошадяхъ чайные ящики, и только чрезъ два дня могъ снова тронуться въ путь.

Со мною на этомъ изгибѣ дороги было замѣчательное происшествіе.

Ъхалъ я съ двумя возками. Зная о существующей пропасти, я принялъ всѣ мѣры, чтобы избѣжать несчастія, и, дѣйствительно, сначала все шло благополучно: тормозъ не порвался, сосна помогала, но при самомъ поворотѣ лошадь по наклону стало тянуть къ пропасти, и какъ ни старалась она удержаться, а ее все-таки утянуло, но не совсѣмъ: умное животное повезло по крутизнѣ пропасти и все еще упиралось передними ногами. Мы успѣли помочь горю: съ помощью веревокъ и лошадей другаго возка, наконецъ, съ помощью своихъ собственныхъ силъ оттащили возокъ отъ края пропасти. Кажись бы тутъ и конецъ, по испугу и страху ждалъ насъ впереди.

Послѣ крутаго изгиба спускъ идетъ прямо и въ концѣ горы есть небольшой, узенькій мостишко, а затѣмъ снова подъемъ на гору. Ямщикъ сообразилъ такъ, что лучше запрячь всѣхъ коней, спустившись на мостъ безъ тормоза (крутизна незначительная въ концѣ горы), с маху вкатить возокъ на гору, находящуюся за мостишкомъ. Такъ и сдѣлали. Запрягли лошадей, тронулись въ путь; сначала ямщикъ удерживалъ коней, а потомъ, не имѣя силы сдерживать, далъ имъ волю; — они со всего маху полетѣли на мостъ, а на этотъ же мостъ съ противоположной стороны въ маленькихъ саночкахъ, на парѣ лошадей, запряженныхъ гусемъ, вѣхалъ татаринъ; съ нимъ въ саняхъ сидѣла его жена съ ребенкомъ на рукахъ.

Ужасъ мой былъ невыразимъ.

Возокъ вкатилъ прямо въ сани татарина. Его гусевая лошадь улетѣла за мостъ, и по крайней мѣрѣ сажень двадцать возокъ еще катился по мосту, двигая впереди себя татарскіе сани.

Но все окончилось, къ величайшему общему удивленію, благополучно.

Я подошелъ къ своему возку и долго, конечно, ничего не могъ понять, — все перепуталось; наконецъ дѣло объяснилось: коренная лошадь моего возка заскочила передними ногами въ сани татарина и, конечно, упала на сани, но такъ счастливо, что не задѣла собою никого; пристяжныя лошади съ правой стороны заскочили на коренную татарскую и свалили его гусевую подъ мостъ, оборвавъ мочальныя постромки; а пристяжная возка съ лѣвой стороны

отскочила отъ саней въ сторону и за спиной сидящихъ до того времени бѣжала, пока возокъ не остановился. Только при такомъ распредѣленіи положеній и могло все кончиться благополучно.

Татаринъ до того испугался, что въ продолженіе получаса, пока мы приводили въ порядокъ свой возокъ, онъ все дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Но оканчивается наконецъ таксе многотревожное, полное неудобствъ, опасностей и всяческихъ невзгодъ, путешествіе возковъ. Остаются далеко назади глубокіе сугробы и нырки степныхъ дорогъ Западной Сибири; высоко поднявшійся и далеко раскинувшійся Уральскій хребетъ тоже остается назади съ своими безконечными горами, съ ихъ крутыми спусками и подъемами и плохими мостами; возки проходятъ чрезъ г. Бирскъ и чрезъ два дня юрковатый и плутоватый татаринъ, житель деревни Поясовой, съ присвистываньемъ и прикрикиваньемъ привозитъ возки въ Мензелинскъ на ярмарку.

И тѣмъ кончается путешествіе возковъ.

А обозъ, между тѣмъ, медленно двигаясь, шагъ за шагомъ, отъ деревни до деревни, отъ города до города, переваливаясь изъ нырка въ нырокъ, съ горы на гору, доплетается наконецъ до извѣстнаго города, въ которомъ ящики съ чаемъ слѣдуетъ сдать купцу-собственнику чая. Оканчивается, слѣдовательно, обозная жизнь прикащика-ногтя. Проѣхалъ онъ и Пермь и Казань, покутилъ, побезобразничалъ и, подѣзжая къ Нижнему, начинаетъ приводить свою голову въ порядокъ: сдача чая близко, нужно подумать какъ устроить благополучный исходъ дѣла.

Лѣтомъ чай обозомъ доходятъ только до г. Перми, гдѣ отдаются на доставку на пароходъ до Нижняго, а зимою тянутся обозомъ до Нижняго, откуда слѣдуютъ по желѣзной дорогѣ въ Москву. Но это путешествіе не представляетъ ничего особенно интереснаго, чтобы можно было еще прибавить къ нашему описанію. Точно также не представляетъ ничего новаго и сдача чая: и тутъ, такъ же какъ въ Кяхтѣ или въ Иркутскѣ, можетъ быть сдѣлка съ прикащикомъ, и тутъ точно такъ же, если хозяинъ откроетъ обманъ, задастъ прикащику встрепку и прогонитъ его вонъ.

О чайной торговлѣ внутри Россіи есть что поразсказать, но это уже должно составить особую статью, тѣмъ болѣе что моя задача была — прослѣдить путешествіе чайныхъ обозовъ во время ихъ длинной дороги отъ Китая до Москвы.

КОНЕЦ

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I.	Чайное растеніе и приготовленіе чая въ Китаѣ.....	2
II.	Укупорка чая. — Фактуры. — Путь чая до Майначина. — Китайскія пошлины. — Пробы чая. — Продажа русскимъ. — Честность китайцевъ. — Причины ихъ честности. — Послѣдствія тяньдзинскаго трактата. — Наши купцы въ Ханькоу. — Мнѣніе о нихъ иностранцевъ. — Классъ совошниковъ. — Чай въ таможнѣ. — Ширельная артель	7
III.	Контрабандисты. — Чайная контрабанда. — Контрабанда. — Контрабандные пути золота, серебра и пушныхъ товаровъ. — Чай за Байкаломъ.....	17
IV.	Доставщики. — Причины повышенія и пониженія цѣнъ на доставку. — „По пуду съ дуги даромъ“. — Сдача чая. — Мошенничество при этой сдачѣ. — Обозный прикащикъ. — Почему онъ называется „ноготь“. — Послѣдствія кяхтинскаго хлѣбосольства, — Причины упадка торговли. — Образъ жизни обознаго прикащика во время пути при обозѣ.....	31
V.	Приемка чая въ Томскѣ. — Доставщики евреи. — Дорожные воры и ихъ продѣлки.....	40
VI.	Ирбитская и Мензелинская ярмарки. — Ъзда на безконныхъ. — Споры крестьянъ за право извоза.....	51
VII.	Возки. — Западная и Восточная Сибирь. — Ъзда на возкахъ. — Лежни. — Дружки.....	61
VIII.	Зимняя дорога по Западной Сибири. — Весенній разливъ рѣкъ. — Случаи во время пути. — Горныя дороги по Уральскому хребту. — Несчастливая гора. — Путь чая за Ураломъ. — Сдача чая въ Москвѣ	73

OCR: Андрей Дуглас